

Учреждение образования Федерации профсоюзов
Беларуси «Международный университет "МИТСО"»
Витебский филиал

А. А. Федотов

**ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ
РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ИМПЕРИАЛИЗМА:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ
КОНЦА XIX – XX в.**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2018*

УДК 327
ББК 66.4
Ф34

**Рекомендовано к изданию
научно-методическим советом Витебского филиала
Международного университета «МИТСО» (протокол №11
от 11 от 4 июня 2018 года)**

Автор: доктор исторических наук, профессор **Федотов А.А.**

Р е ц е н з е н т ы:

заведующий кафедрой культурологии и литературы Шуйского филиала
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
доктор филологических наук, профессор *В.П. Океанский*;
доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»,
кандидат исторических наук *Т.П. Иванова*

Федотов А.А.

Ф34 Личность перед лицом развивающегося империализма: некоторые аспекты истории конца XIX – XX в. : монография / А.А. Федотов. – Витебск, 2018. – 164 с.
ISBN 978-985-517-665-8.

В монографии рассматриваются возникновение империализма нового типа на рубеже XIX–XX вв., духовные поиски английских писателей конца XIX – XX в., исторический путь России в глобальном мире XX века, возрождение Китая; место личности пред лицом развивающегося империализма. Представляется, что проведенное историко-культурологическое исследование будет интересно интересующимся разными аспектами истории и культуры конца XIX – XX в.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-985-517-665-8

© Федотов А.А., 2018

Введение

Еще в XVII веке Томас Гоббс писал в «Левиафане» о государстве, как рукотворном «смертном боге», который не создает, но сам создается «искусством» человека, объединяемого в нем с другими людьми в единое целое, но не во Христе, а в земном суверене¹, прообразе Антихриста. Наверное, не случайно до настоящего времени книга Гоббса пользуется интересом философов, политологов, юристов. Попытка создания всемирного государства, о главе и судьбе которого красноречиво повествует последняя книга Библии, многократно предпринималась в человеческой истории. Но именно в XX веке она была наиболее близка к осуществлению. Британская империя рубежа XIX – XX веков была в зените своего расцвета, но уже тогда было понятно, что «страна, в которой не заходит солнце», в рамках которой сосуществуют различные государственные образования слишком «мягкая» форма для всемирной империи.

Для того, чтобы провести в XX веке серию таких масштабных кровопролитных войн и революций, каких человечество еще не знало, нужно было изменить сам взгляд на человека, ценность человеческой жизни. И целый ряд мыслителей XIX века над этим работали. Зигмунд Фрейд заявил, что человеком движут только страх, секс и голод, а все остальное - просто «надстройка» над этим «базисом». Чарльз Дарвин, а особенно примитивизировавшие его теорию политически ангажированные популяризаторы, заявил, что человек это фактически высокоразвитое животное, жизнь - это борьба за существование, но все равно все движется от плохого к лучшему, потому что в результате естественного отбора выживают наиболее приспособленные. Фридрих Ратцель, учитель основателя нацисткой геополитики Карла Хаусхофера писал, что антропогеография это часть биогеографии, а человек биогеографическое явление²; а В.И. Вернадский прямо назвал чело-

¹ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.

² Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 2011. С. 8.

вечество мыслящим геологическим образованием³. И вот в этих условиях, когда христианство в мире постарались свести к обряду, к чему-то несуразному, когда в восприятии масс церковь превращалась во что-то, как писал Л.Д. Троцкий «за восковую свечу обещающее вечное блаженство на всем готовом»⁴, а сошедший в итоге своих философских исканий с ума Фридрих Ницше заявил, что «Бог умер», а человек, трудами вышеперечисленных идеологов антихристианской эпохи в общественном сознании все более уверенно «превращался» в «разумное животное», которым движут страх, секс и голод, да и не животное даже, а просто мыслящее геологическое образование, то возникал вопрос – а в чем смысл жизни этого существа, есть ли он вообще?

Империализм рубежа XIX-XX веков на пути к созданию единого всемирного государства или на первом этапе единого мирового экономико-политического пространства, привел к двум мировым войнам и серии революций, разрушившим прежний общественный уклад, унесшим десятки миллионов человеческих жизней. Причем необходимо отметить, что согласно диалектическому закону о единстве и борьбе противоположностей, кажущиеся антиподы разными путями шли к единой цели – созданию всемирного глобального тоталитарного государства. И основа этого глобального государства – олигархия. Больше ста лет назад Джон Гобсон писал: «Станет ли кто-нибудь утверждать серьезно, что европейские державы могут предпринимать большие войны или размещать крупные государственные займы без согласия банкирского дома Ротшильда или его союзников? <...> Империализм нужен мистеру Рокфеллеру, Пирпонту Моргану, Ганна и Швабу и их союзникам, и они взваливают его на плечи великой республики Запада. Им нужен империализм потому, что они хотят использовать народные средства для выгодного помещения своих капиталов, которые при других условиях оказались бы празд-

³ См.: Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков./ Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993. С. 505-520.

⁴ *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 6.

ным избытком»⁵. Больше ста лет прошло со времени написания книги, но этот тезис по-прежнему актуален.

Человечество с древнейших времен знает такую форму государственного устройства, как империю, объединяющую в своих границах государственные образования с разным уровнем культурного, политического и экономического развития. Многие из завоевателей Древнего мира мечтали о создании всемирной империи. Но лишь к началу XX века появились исторические и экономические предпосылки для реальной возможности ее создания.

В XX веке можно выделить 3 основные попытки создания всемирных империй:

1. Британская империя;
2. Государство всемирной диктатуры пролетариата (с центром в Советской России);
3. Гитлеровская Германия.

Каждая из них имела свои особенности. В отношении четвертой попытки (США), которая имеет свое развитие и в XXI веке, необходимо отметить, что она, в силу процесса исторического развития, во многом приняла уже иные формы.

Победа США в холодной войне, их попытки вследствие этого диктовать свою волю всему остальному человечеству, становятся достоянием истории. Возрождается Россия, возникают новые политические силы, в первую очередь, Китай.

Соответственно, на сегодняшний день преждевременно говорить о реальной возможности создания всемирного государства, однако исторические и экономические предпосылки такой возможности намного более четко очерчены, чем в начале XX века.

В то же время Соединенные Штаты не прекращают борьбу за мировое господство. Противостояние с Советским Союзом прямо было названо «холодной войной», но имеется множество примеров и настоящих войн, таких как во Вьетнаме, Ираке, Ливии, поддержка региональных антинародных режимов. Американский профессор-политолог Майкл Паренти отмечает, что «мы неоднократно слышим о том, что лидеры США

⁵ Гобсон Д. Империализм. Ленинград, 1927. С. 64, 77.

выступают против коммунистических стран, потому что в этих странах отсутствует политическая демократия. Но следующие одна за другой администрации Вашингтона поддерживали самые репрессивные режимы в мире, которые регулярно проводили массовые аресты, убийства, пытки и запугивали население. Кроме того, Вашингтон оказывал поддержку некоторым самым отвратительным правым контрреволюционным повстанческим группировкам головорезов: «УНИТА» Савимби в Анголе, «РЕНАМО» в Мозамбике, моджахедам в Афганистане, а в 1980-х годах – даже фанатичным приверженцам Пол Пота, которые вели войну против социалистической Камбоджи»⁶.

Агрессивная политика США в отношении тех стран, интересы которых пересекаются с американскими, не вызывает сомнений. «В ходе вьетнамской войны Соединенные Штаты сбросили бомб по мощности в три раза больше, чем в течение всей Второй мировой войны. <...> Всегда, начиная с убийств коренных американцев и победного шествия генерала Шермана к морю в 1864-1865 годах и заканчивая атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, американское общество выражало широкую и неослабевающую поддержку решительным военным действиям, даже если они приводили к разрушениям и велись против гражданских жителей»⁷.

О целях региональных империалистических военных кампаний США хорошо написал Д.Б. Фостер в своей книге «Откровенный империализм – «бремя белого человека»: «Как только страна будет полностью разоружена и «переделана» под нужды стран в центре капиталистического мира, будет завершено «строительство нации» и, как подразумевается, закончится оккупация. Но в районах, где имеются важные ресурсы вроде нефти (или считается, что они занимают стратегические позиции на пути подходов к такому сырью), сдвиг от формального к неформальному империализму после вторжения может происходить медленно – или произойдет только в очень ограниченных сферах. <...> В настоящее время империа-

⁶Паренти М. Власть над миром. М., 2006. С. 105-106.

⁷ Гаррисон Д. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски. Б.м., 2009. С. 108-110.

лизм США ведет себя особенно вызывающе, он связал себя именно с такой войной и говорит о серии войн в будущем для достижения, в сущности, таких же целей»⁸.

Все глобальные империалистические проекты сопровождаются большой пропагандистской работой. Не является исключением и глобализация по-американски. Победительницы конкурсов красоты, заявляющие, что их мечта «мир во всем мире», и самая мощная в мире американская армия, ведущая боевые действия, в том числе и против мирного населения.

В вышедшем два года назад журнале «Российская Федерация сегодня», являющемся общественно-политическим журналом Российского Парламента, среди других материалов было опубликовано интервью политолога Николая Злобина, посвященное США. Он в частности сказал: «Американцы уверены, что их нация самая лучшая. Национальный менталитет связан с представлением о том, что им очень повезло. Американский ребенок со школы знает, что каждый день в его страну прибывают тысячи мигрантов из других стран. И у него с детства формируется мысль: они едут к нам, потому что у нас лучше. У себя они так сделать не могут, потому что им мешают какие-то силы. Начинается знаменитое американское мессианство. Когда ребенок вырастает, он делает практический вывод: надо помогать другим народам бороться против нехороших сил».

С учетом того, что сейчас в мире немало тех, кто попал под обаяние американского культурного империализма, стоит задаться вопросом: на самом ли деле все так хорошо в Америке? США - страна, во многом воспринимающая историю, политику и саму жизнь, как шоу; недаром одним из самых популярных американских Президентов является бывший актер Рональд Рейган. Америка - страна, где кинематограф дал тысячи трактовок того, что есть и что будет, где грань между реальностью и вымыслом стерта, где миф, каким бы призрачным он не был, может стать более действительным, чем то, что есть «на самом деле», если он внедрен в сознание масс.

⁸ *Фостер Д.Б.* Откровенный империализм - «бремя белого человека». М., 2007. С. 175-176.

Впрочем, сегодня такими становятся и многие другие государства... Интернет, телевидение и газеты рисуют образы для толпы; благодаря развитию современных информационных технологий любая вещь может быть подана и как величайшее зло, и как величайшее благо. Мир либеральных ценностей пытается стереть грань между добром и злом, представить ее призрачной. Живущие в нем в основной массе счастливы своим положением, потому что, как и римская чернь времен заката империи в избытке имеют «хлеб и зрелища». Мы видим сейчас упадок промышленности в России, но ведь и США его не избежали – достаточно вспомнить Детройт.

Государство, создавшее новую форму империализма, когда его доллары, не обеспеченные реальными материальными ресурсами, благодаря мифу о «великой Америке» имеют самое широкое хождение по всему миру по стоимости, гораздо превышающей их истинную покупательную способность. С одной стороны это позволяет поддерживать непропорционально высокий уровень жизни в США. С другой стороны – финансовая система США не является государственной, она принадлежит частным лицам и контролируется стоящими за ними международными обществами.

Современный империализм использует средства принуждения качественно иного уровня, чем сто лет назад. «Теперь власть осуществляется посредством машин, которые напрямую целенаправленно воздействуют на умы (посредством коммуникационных систем, информационных сетей и так далее) и тела (через системы соцобеспечения, мониторинг деятельности и тому подобное), формируя состояние автономного отчуждения от смысла жизни и творческих устремлений. Таким образом, общество контроля характеризуется интенсификацией и генерализацией аппаратов дисциплинарной нормализации, которые служат внутренней движущей силой наших повседневных практик, но, в отличие от дисциплины, этот контроль распространяется далеко за пределы структурного пространства социальных институтов, действуя посредством гибких и подвижных сетей».⁹

⁹Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 36.

Качественно иного уровня достигли и современные монополии. «Деятельность корпораций больше не определяется применением абстрактного принуждения и неэквивалентного обмена. Скорее, они напрямую структурируют и соединяют территории и население. Они стремятся к тому, чтобы превратить национальные государства всего лишь в инструменты учета приводимых в движение транснациональными корпорациями потоков товаров, денег и населения. Транснациональные корпорации напрямую распределяют рабочую силу по различным рынкам, размещают ресурсы на основе функционального принципа и иерархически организуют различные секторы мирового производства»¹⁰.

Политика в глобальном мире начала третьего тысячелетия - процесс более сложный и запутанный, чем когда-либо в мировой истории. «Суверенные государства» в этом мире - понятие во многом относительное. Данный термин принимает разное звучание и наполняется разным смыслом, когда его произносят политики разных взглядов. Глобализация отчасти обусловлена предыдущей историей, но во многом она уже не определяется далеким прошлым, хотя история 20 века и находит свое отражение в том, что происходит сегодня.

Можно привести цитаты трех Президентов США, которых нельзя заподозрить в предубежденном отношении к своей стране. Первый из них - один из отцов-основателей Томас Джефферсон: «Всякий раз, когда я вспоминаю о том, что Господь справедлив, я дрожу за свою страну». Выигравший гражданскую войну между Севером и Югом, закончившуюся объединением США и погибший от пули подосланного убийцы Авраам Линкольн: «В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет трепетать за судьбу моей страны... Приход к власти корпораций неизбежно повлечет за собой эру продажности и разложения в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных, - а тогда конец республике». Убитый 22 ноября

¹⁰ Там же. С. 43.

1963 года в городе Даллас (штат Техас) Джон Кеннеди: «Когда я вступил в должность президента, больше всего меня поразило то, что дела действительно были так плохи, как мы утверждали»...

Тема, вынесенная в название монографии, требует написания многотомного труда. Поэтому в рамках данной работы рассматриваются лишь некоторые ее аспекты: возникновение империализма нового типа на рубеже XIX – XX вв., духовные поиски английских писателей конца XIX – XX вв., об историческом пути России в глобальном мире XX века, возрождение Китая; место личности пред лицом развивающегося империализма. Представляется, что проведенное историко-культурологическое исследование будет интересно интересующимся разными аспектами истории и культуры конца XIX – XX в.

Глава I.

Возникновение империализма нового типа на рубеже XIX–XX вв.

Возникновение на рубеже XIX – XX вв. империализма нового типа было связано, в первую очередь, с появлением разного рода монополий. Как писал В.И. Ленин, к началу XX века «концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, который «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы».¹¹

Особое значение в империалистически устроенном мире приобретают банки. «Монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества – вот рельефнейшее проявление этой монополии».¹²

На примере Британской империи и США мы можем видеть убедительное подтверждение этим словам В.И. Ленина. И приход в Германии к власти Гитлера был невозможен без первоначальной поддержки его магнатами капитала, от зависимости которым он потом освободился. Однако характерно, что в Советской России, где самый непримиримый критик моно-

¹¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 27. М., 1962. С. 320–321.

¹² Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 421.

полий, создал монополию правящей партии на все ресурсы государства, в том числе и людские, все банки были государственными и играли лишь исполнительские функции.

Империализм обуславливает то, что некоторые монополии превращаются в надгосударственные образования, которые могут диктовать их правительствам те или иные условия. Монополия на власть не входила в число предметов, рассматриваемых теоретиками учения об империализме начала XX века, но она является необходимым условием создания всемирной империи. И если закрытые общества и клубы Британской империи, а в более позднее время – США, являют нам прикрытый пример монополизации власти надправительственными структурами, то правящие партии СССР и фашистской Германии уже четко ее отражают.

Глобализация экономики в начале XX века служила процессу создания единого мирового рынка. «Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты делят между собою, прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всякие заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей. Это – новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие».¹³

Вопрос империализма был одним из наиболее тщательно раскрытых в литературном наследии В.И. Ленина. Важнейшими из работ Ленина по этой теме являются «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Империализм и раскол социализма».

Данная тема очень интересовала В.И. Ленина. Об этом говорит и то, что он переводил на русский язык книгу Д. Гобсона «Империализм. Исследование». Правда, рукопись этого пере-

¹³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 364-365.

вода не была впоследствии разыскана. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», которую впоследствии называли продолжением «Капитала» К. Маркса, Ленин широко использовал фактические материалы книги Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», критикуя при этом автора за немарксистские положения и выводы по важнейшим вопросам империализма.¹⁴ Подготовительные материалы к этой книге содержали выписки из 148 книг (в том числе 106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе) и из 232 статей (из них 206 немецких, 12 французских и 13 английских), помещенных в 49 различных периодических изданиях (34 немецких, 7 французских и 8 английских).¹⁵

Конспекты, подготовленные В.И. Лениным в ходе данной работы, составили его «Тетради по империализму»¹⁶. Они «широко дополняют и разъясняют основные положения главного ленинского труда «Империализм, как высшая стадия капитализма». В «Тетрадах по империализму» содержится большой материал по проблемам ленинской теории империализма, его экономической и политической сущности, неравномерного развития капиталистических стран в эпоху империализма, государственно-монополистического капитализма»¹⁷.

В своих работах Ленин подчеркивал, что тема империализма не была раскрыта в трудах К.Маркса и Ф. Энгельса: «Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи всемирного капитализма, которая начинается не раньше как в 1898-1900 годах».¹⁸ Таким образом, можно сделать вывод, что Ленин фактически был первым философом-марксистом, раскрывающим единственно верное учение об империализме.

Определял он его следующим образом: «Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность

¹⁴ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 30. С. 524.

¹⁵ См.: там же. С. 520.

¹⁶ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 28. Тетради по империализму. М., 1962. 838 с.

¹⁷ Там же. С. VIII.

¹⁸ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 30. М., 1962. С. 170.

эта тройка: империализм есть (1) – монополистический капитализм; (2) – паразитический или загнивающий капитализм; (3) – умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма. Монополизм проявляется в пяти главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3-5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников *сырья* трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковским капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями *начался*; 5) раздел мира территориальный (колонии) *закончился*. Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898-1914 гг.»¹⁹

В.И. Ленин подчеркивал, что империализм возник вместе с ростом значения монополий: «Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860 и 1870 годы – высшая, предельная степень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900-1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм».²⁰

Свое мнение о том, что империализм сформировался именно в самом конце XIX века Ленин обосновывал следующим образом: «Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм. Но «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических форма-

¹⁹ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 163-164.

²⁰ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 27. М., 1962. С. 317.

ций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией». Даже капиталистическая колониальная политика *прежних* стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала. Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей».²¹

В некоторых работах, написанных в период русско-японской войны 1905 года Ленин писал о «военно-феодалном империализме», характерном для азиатских государств, к которым он относил Японию и частично Россию. Однако основное внимание Ленина привлекал все же исключительно экономический империализм.

Предпосылками возникновения империализма, по Ленину, являлось то, что «концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, который «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы. Монополизируются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры, захватываются пути и средства сообщения – железные дороги в Америке, пароходные общества в Европе и Америке. Капитализм в его империалистской стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства. Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто крат тяжелее, ощутительнее, невыносимее».²²

²¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 379-380.

²² Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 320-321.

Особое внимание Ленин уделял тому, что «Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз *товаров*. Для новейшего капитализма, с господством монополий, стал типичен вывоз *капитала*. Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Рост обмена, как внутри страны, так и в особенности международного есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. На пороге XX века возник громадный «избыток капитала» в передовых странах.

Разумеется, - пишет Ленин, - если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, - тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. Но пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, заработная плата низка, сырые материалы дешевы. Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянуты уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т.д.»²³

Особое значение в империалистически устроенном мире приобретают банки. «Монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряже-

²³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 359-360.

ние миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества – вот рельефнейшее проявление этой монополии».²⁴

Империализм обуславливает то, что некоторые монополии превращаются в надгосударственные образования, которые могут диктовать их правительствам те или иные условия. «Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всякие заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей. Это – новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие».²⁵

По мнению Ленина, быстрое развитие империализма обусловило мировую войну: «*Капиталистам* теперь не только есть из-за чего воевать, но и *нельзя не воевать*, ибо без насильственного передела колоний *новые* империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (*и менее сильные*) империалистские державы».²⁶

«Характерной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был *передел*, - напротив, переделы возможны и неизбежны, - а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран *закончила* захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что далее предстоят лишь переделы, т.е. пере-

²⁴ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 421.

²⁵ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 364-365.

²⁶ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 172-173.

ход от одного владельца к другому, а не от бесхозяйности к хозяину. Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом».²⁷ - писал В.И. Ленин в преддверии начала Первой мировой войны. В.И. Ленин подчеркивал, что в условиях империализма военные или мирные пути решения неизбежно возникающих конфликтов – лишь формы, никак не влияющие на саму суть империализма, как явления: «Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая степень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» - иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это – изменения «чисто» экономические или внеэкономические, (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма».²⁸

Ленин приводит таблицу, отражающую состояние мировых империй перед началом Первой мировой войны.

*Колониальные владения великих держав
(млн кв. км. и млн жителей)²⁹*

	Колонии				Метрополии		Всего	
	1876		1914		1914		1914	
	кв. км	жит.	кв. км	жит.	кв. км	жит.	кв. км	жит.
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия	-	-	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
С. Штаты	-	-	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Япония	-	-	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2

²⁷ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 374.

²⁸ Ленин В.И. Указ. соч. С. 372-373.

²⁹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 377.

Итого великих держав	6	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и пр.)								9,9	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)								14,5	361,2
Остальные страны								28,0	289,9
Весь мир								133,9	1657,0

Анализируя эту таблицу, В.И. Ленин отмечает, что «из 75 млн. кв. километров *всех* колоний мира 65 млн., т.е. 86% сосредоточено в руках шести держав; 61 млн., т.е. 81% сосредоточено в руках 3-х держав».³⁰

Большое внимание Ленин уделял тому, что правительства этих новых империй порой повышали уровень жизни простого населения в метрополиях за счет усиления угнетения колоний.

«Эксплуатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплуатация колоний горсткой «великих» держав все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Привилегированная прослойка пролетариата империалистических держав живет отчасти за счет сотен миллионов нецивилизованных народов».³¹

Особенно нападал он на тех, кто выступал апологетом империализма, под лозунгами улучшения положения рабочих в метрополиях.

«*Оппортунисты* (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией *как раз* в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, что *оппортунисты* объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, *подкупленную* на средства империалистской сверхприбыли, превращенную в *сторожевых псов* капитализма, в *развратителей* рабочего движения».³²

³⁰ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 406.

³¹ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 165.

³² Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 168.

Как отмечал С.Г. Кара-Мурза, анализируя работу «Империализм, как высшая стадия капитализма», – сегодня этот труд, почти полностью опирающийся на работы видных западных экономистов, содержит хорошо подобранные и изложенные фактические сведения и аргументы, показывающие утопичность планов встраивания РФ в ядро «глобального капитализма». Труд ценен тем, что обнаруживает очевидность этой невозможности уже в начале XX века, когда возможностей встроиться в ядро капиталистической системы было больше, чем сегодня»³³. Он также писал, что «Побочным следствием из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии центром капитализма ресурсов периферии является неявный вывод о том, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада не является революционным классом (строго говоря, не является и пролетариатом). Это – важная предпосылка для преодоления присущего марксизму мессианского отношения к промышленному пролетариату и убеждения в том, что лишь мировая пролетарская революция может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Преодоление этого постулата было условием для создания ленинской теории революции, а затем и для советского проекта. Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные В.И. Лениным высказывания Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» (с. 405). И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 году, вполне устойчиво. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними

³³Кара-Мурза С.Г. Работа В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»: современное прочтение. [Бесплатная электронная библиотека ModernLib.Ru](http://ModernLib.Ru) (дата обращения 15.05. 2011 года).

[буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке»

Из этого прямо следовало, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер»³⁴.

В.И. Ленин считал, что империализм – это умирающий капитализм, он верил в неизбежность социальной революции, которая в самое ближайшее время изменит лицо всего мира. И нельзя не отметить, что ему удалось стать одним из создателей государства, ставшего империей абсолютно нового, неизвестного истории типа, что именно Ленина, как позднее И.В. Сталина признавали вождем мирового пролетариата. Но Советский Союз, государственное строительство которого было осуществлено И.В. Сталиным, оказался, по всей видимости, совсем не той формой общественного устройства, о которой мечтал В.И. Ленин. Идея мировой победы пролетариата с упразднением государств и нахождением центра власти в Москве на практике так и не была никогда реализована. И СССР оказался фактически то же имперским образованием, просто совершенно иного типа, чем те, которые существовали до него, а империализм, принявший новые формы, оказался намного более жизненным, чем идея социальной революции, а следовательно, мнение В.И. Ленина об империализме, как умирающем капитализме, оказалось преждевременным. Однако современная история мира подтверждает верность тезиса Ленина о паразитизме и загнивании финансового капитала, свидетелями чего мы и являемся сегодня.

Военной и экономической мощи Британской империи было явно недостаточно для сохранения захваченных ей огромных территорий. Между тем появились новые государства, проводящие активную империалистическую политику и желающие передела мира. В.И. Ленин, работа которого «Империализм, как высшая стадия капитализма» была написана не-

³⁴ Там же.

задолго до начала войны прямо писал, что быстрое развитие империализма обусловило мировую войну: «*Капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и нельзя не воевать, ибо без насильственного передела колоний новые империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы*».³⁵

Н.И.Бухарин несколько ранее Ленина писал, что «империализм, как политика финансового капитала является носителем финансово-капиталистической структуры, подчиняет мир господству финансового капитала. Точно так же, как финансовый капитализм (не смешивать просто с денежным: для финансового капитала характерно то, что он является одновременно и банковым и промышленным) есть исторически ограниченная эпоха, характерная для последних десятилетий, точно так же и империализм, как политика финансового капитализма, есть специфически историческая категория. На этом же фундаменте основывается и различие между войнами, функциональное значение которых определяется тем, какой хозяйственной структуре они служат. Тактически – все вышеупомянутые различия крайне важны, так как ответ пролетариата на войну зависит, в конечном счете, именно от «типа» этой войны; в частности, финансово-капиталистическая война, предполагающая высокоразвитые и в значительной степени организованные «национально-хозяйственные» организмы, ставит перед пролетариатом задачу завоевания власти, классовой, социалистической диктатуры путем превращения империалистской войны между «нациями» в гражданскую войну между классами»³⁶.

Таким образом, еще в преддверии Первой мировой войны обсуждался вопрос о возможности в ее итоге перехода власти к «рабочему классу», а точнее, к тем политическим силам, которые выступали на мировой арене от его имени, которые являлись еще одной формой монополистов – монополистами «бренда» «рабочий класс», и которыми была предпринята по-

³⁵ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 172-173.

³⁶ Там же. С. 76.

пытка использования мировой войны для создания всемирного государства диктатуры пролетариата.

Н.И. Бухариным империализм рассматривался как комплекс тенденций развития мирового хозяйства, характерных для новой фазы капитализма. Он склонен был рассматривать общественные процессы как полностью завершенные, достигшие предела в своем развитии, что затрудняло их исследование в диалектической противоречивости и изменчивости³⁷.

Бухарин писал, что «уже самый поверхностный взгляд на экономическую жизнь обнаруживает необычайную связанность самых разных частей земного шара. Это проявляется, прежде всего, в факте *мировых цен и мирового рынка*. Высота цен не определяется теперь только теми издержками производства, которые свойственны данному локальному или «национальному» производству. В громадной степени эти «национальные» и локальные особенности выравниваются в общей равнодействующей мировых цен, которые давят, в свою очередь, на отдельных производителей, отдельные страны, отдельные территории».³⁸

По мнению Бухарина «в нашу эпоху (работа была издана в 1915 году. прим. авт.) интересы *финансового капитала требуют прежде всего роста своей территории, т.е. диктуют завоевательную политику, непосредственное давление военной силы, империалистический грабеж*»³⁹. «Не невозможность деятельности внутри страны, а погоня за более высокой прибылью – вот что является движущей силой современного капитализма. Более низкая норма прибыли гонит товары и капиталы все дальше от их «родины». Но этот процесс происходит одновременно в различных частях мирового хозяйства. Капиталисты различных «национальных хозяйств» сталкиваются здесь как конкуренты, и чем сильнее рост производительных сил мирового капитализма, чем интенсивнее рост внешней торговли, тем обостреннее конкурентная борьба»⁴⁰. «Погоня

³⁷ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики империализма. М., 1989. С. 5-6.

³⁸ Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 25

³⁹ Там же. С. 57.

⁴⁰ Там же. С. 60.

за рынками сбыта неизбежно создает конфликты между «национальными» группами капитала. *Величайший рост производительных сил и сужение до минимума свободных рынков за последнее время, таможенная политика держав, связанная с господством финансового капитала, и обострение затруднений при реализации товарных цен создают ситуацию, где решающий голос принадлежит **военной технике***»⁴¹.

«Боевая способность на мировом рынке зависит от силы и сплоченности «нации», ее финансовых и военных ресурсов. Самодовлеющая государственно-национальная и хозяйственная единица, безгранично расширяющая свою силу вплоть до мирового царства – таков идеал, построенный финансовым капиталом»⁴².

Бухарин считал, что «империализм, как политика финансового капитала является носителем финансово-капиталистической структуры, подчиняет мир господству финансового капитала. Точно так же, как финансовый капитализм (не смешивать просто с денежным: для финансового капитала характерно то, что он является одновременно и банковым и промышленным) есть исторически ограниченная эпоха, характерная для последних десятилетий, точно так же и империализм, как политика финансового капитализма, есть специфически историческая категория. На этом же фундаменте основывается и различие между войнами, функциональное значение которых определяется тем, какой хозяйственной структуре они служат. Тактически – все вышеупомянутые различия крайне важны, так как ответ пролетариата на войну зависит, в конечном счете, именно от «типа» этой войны; в частности, финансово-капиталистическая война, предполагающая высокоразвитые и в значительной степени организованные «национально-хозяйственные» организмы, ставит перед пролетариатом задачу завоевания власти, классовой, социалистической диктатуры путем превращения империалистской войны между «нациями» в гражданскую войну между классами»⁴³.

⁴¹ Там же. С. 62-63.

⁴² Там же. С. 73.

⁴³ Там же. С. 76.

В этом коренное отличие работ Бухарина от теории империализма К. Каутского, который в своей работе «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (1914) утверждал, что империализм является только вопросом силы, а не экономической необходимости, соответственно ни империализм, ни империалистические войны в политику социал-демократии не должны внести никаких изменений.

Можно отметить и его расхождение с Р. Гильфердингом, который в «Финансовом капитале» (1910) подверг ревизии теорию денег и кредита К. Маркса, приписывал бумажным деньгам способность непосредственно отражать стоимость товара. Можно здесь же отметить, что выводы Р. Гильфердинга в целом соприкасались с выводами К. Каутского: монополии ведут к нивелировке, устраняют неравномерность развития и являются ячейками организованного империализма.

Утопичность идей Бухарина Н.И. о грядущем общественном устройстве со всей очевидностью выражена в последнем абзаце его статьи «Мировое хозяйство и империализм»:

«Но, может быть, эпоха «ультраимпериализма» есть все же реальная возможность, которая осуществится путем централизационного процесса? Шаг за шагом будут поедать государственно-капиталистические тресты друг друга, пока не воцарится держава, победившая всех. Эта возможность была бы для нас мыслима, если бы мы не считались абсолютно с силой сопротивления рабочего класса. На самом деле ряд войн, идущих одна за другой во все более грандиозных размерах, неизбежно должен привести в движение всю революционную энергию пролетариата. Наученный кровавым опытом, рабочий класс восстанет против системы, которая превращает его в пушечное мясо ради капиталистической сверхприбыли. Потрясенный во всех своих основах, мир увидит небывалую схватку классовых противников. Заканчивается «предыстория» человечества. Настает «царство свободы»⁴⁴.

XX век явил миру несколько разных типов таких «царств свободы», включающих в том числе, и Советский Союз перио-

⁴⁴ Там же. С. 93.

да продвижения идей мировой революции, и фашистскую Германию. В СССР творцы этого государства нового типа стали его же жертвами. На рубеже XX – XXI веков мир стал иным, чем сто лет назад, люди в основной массе разочаровались в каких-либо идеях. При этом виток глобализации и роста мощи финансового капитала вышел уже на качественно иной уровень. Современные информационные системы позволяют в основном контролировать общественное мнение без элементов внешнего принуждения.

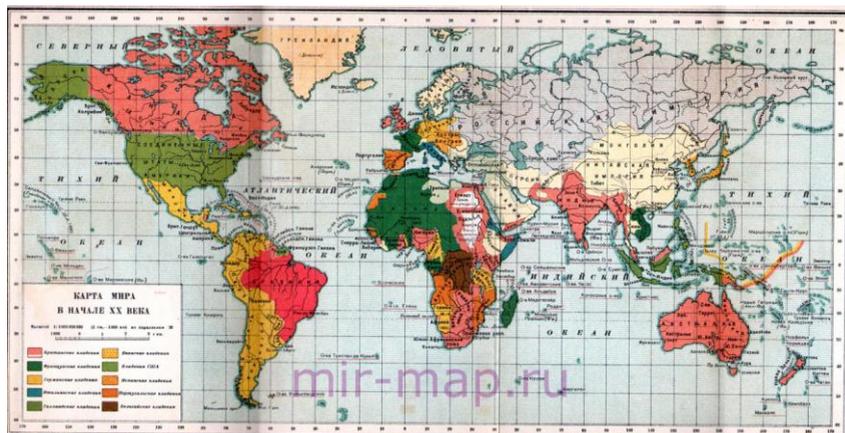
Таким образом, эта война связывалась не только с желанием передела рынков и сфер влияния, но и с возможным переходом власти к новым политическим силам, позиционирующим себя «пролетариатом», желающим подчинить себе все сферы человеческой жизни.

На политической карте мира начала XX века наглядно видно подтверждение словам Д.А. Гобсона о том, что «особенность современного империализма, рассматриваемого с политической точки зрения, заключается, главным образом, в том, что его одновременно осуществляют несколько народов. Наличие целого ряда соперничающих в этом отношении государств – совершенно новое явление. Основная идея империи в древнем и средневековом смысле слова заключалась в федерации государств под гегемонией одного из них, обнимающей весь известный и признанный мир, как его понимал Рим в своем термине «рах готана».

Когда римские граждане, обладавшие всей полнотой гражданских прав, встречались на протяжении всего известного им мира и в Африке и в Азии, равно как в Галлии и Британии, империализм заключал в себе подлинный элемент интернационализма. Империя отождествлялась с интернационализмом, хотя она и не всегда основывалась на идее равенства народов»⁴⁵. «Современный империализм отличается от империализма былых времен, во-первых, тем, что честолюбивые стремления создать единую могучую империю уступили место теории и практике соперничающих между собой империй, из которых каждая охвачена одними и теми же вождельностями

⁴⁵ Гобсон Д. Империализм. Ленинград, 1927. С. 22-23.

политической экспансии и коммерческой наживы; во-вторых, преобладанием интересов финансовых, интересов денежного капитала над чисто-торговыми интересами»⁴⁶.

Политическая карта мира начала XX века

Дж. А. Гобсон рассматривал империализм, как определенным образом обусловленную политику территориальной экспансии, являющейся чем-то ненормальным, о чем он прямо писал в вводной части своей работы: «Настоящее исследование определено относится к области социальной патологии, и потому в нем не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга»⁴⁷.

Гобсон считал колониализм и империализм различными понятиями: «Поскольку колониализм выражается в переселении части народа на свободные или малонаселенные чужие земли, где эмигранты сохраняют полные права гражданства родной страны или устанавливают местное самоуправление, согласованное с ее учреждениями и находящееся в конечном счете под ее контролем, он может рассматриваться как естественное продвижение национальности, как территориальное расширение ее земельных фондов, языка и учреждений. Однако, в истории очень редко случается, чтобы колонии долго ос-

⁴⁶ Там же. С. 242.

⁴⁷ Гобсон Д. Указ. соч. С. 17.

тавались в таких условиях, будучи удалены от своей родной страны. Они либо порывают связь с метрополией и устраиваются как отдельные национальные единицы, либо остаются в полнейшем подчинении от нее во всех делах, касающихся высшего порядка управления»⁴⁸. «Современная территориальная экспансия метрополий резко отличается от колонизации скудно заселенных земель умеренной зоны, куда белые колонисты приносят с собой систему управления, промышленность и другие достижения цивилизации родной страны. «Занятие» этих новых территорий выражается в том, что ничтожное меньшинство белых людей – чиновников, торговцев и промышленников – осуществляют свою политическую и экономическую власть над громадными ордами людей, рассматриваемых как низшая раса, неспособная пользоваться какими-либо реальными правами самоуправления в области политики или индустрии»⁴⁹.

Большое внимание Гобсон уделял неравному положению различных частей Британской империи. «Британские «колониальные владения» распадаются официально на три группы: 1) «коронные колонии», в которых корона пользуется правом полного контроля над законодательством, при чем управление ведется чиновниками под контролем центрального правительства; 2) колонии, обладающие представительными учреждениями, но без ответственного правительства, и в которых корона пользуется только правом законодательного veto, а центральное правительство сохраняет контроль над государственными делами; и 3) колонии, обладающие представительными учреждениями и ответственным правительством, при чем корона пользуется только правом законодательного veto, а центральное правительство не имеет права контроля ни над одним чиновником, за исключением губернатора»⁵⁰. И «если наши вольные самоуправляющиеся колонии окрыляли надеждами, поощряли и отчасти направляли демократические стремления Великобритании, и не только периодическими

⁴⁸ Гобсон Д. Указ. соч. С. 21.

⁴⁹ Там же. С. 36.

⁵⁰ Там же. С. 34-35.

успехами в искусстве народного управления, но и господствовавшим в них духом свободы и равенства, то наши деспотически управляемые владения всегда способствовали порче характера нашего народа, воспитывая в нем угодливость перед снобом, преклонение перед богатством и чинами, прививая скверные пережитки феодального неравенства»⁵¹.

В противоположность Ленину, Гобсон отрицал то, что империализм является структурной потребностью экономики метрополии. В ней была возможна и необходима политика перераспределительного налогообложения, которая бы создавала обратный эффект в виде подрезания соответствующего экономического корня (конечные избыточные сбережения) и стимулирования отечественного спроса (уменьшение конечного недопотребления): «Если бы порядок распределения доходов или потребительская способность соответствовали наличности действительных потребностей, тогда, очевидно, потребление возрастало бы с каждым подъемом производительности, так как людские потребности безграничны, и не было бы избыточных сбережений. Но дело обстоит совсем иначе в таком экономическом строе общества, в котором распределение не согласовано с потребностями, а определяется иными условиями; в котором часть людей обладает потребительской способностью далеко превосходящей их действительные нужды или возможные потребности, тогда как другая настолько лишена этой способности, что не может удовлетворить даже основных требований своего физического существа»⁵².

«Теперь очевидно, что заблуждение – считать империалистическую экспансию неизбежной, как необходимый выход для развивающейся промышленности. Не прогресс промышленности требует открытия новых рынков и новых сфер помещения капитала, а плохое распределение потребительских способностей, мешающее поглощению продуктов и капитала внутри страны. Избыточные сбережения, являющиеся экономическим корнем империализма, оказываются, при более близком рассмотрении, рентой, монопольной прибылью и во-

⁵¹ Там же. С. 128.

⁵² Там же. С. 81.

обще нетрудовым и исключительным доходом, который, не являясь продуктом ручного или умственного труда, не имеет законного *raison d'etre*. Не имея никакого отношения к процессу производства, эти доходы не побуждают тех, кто их получает, к соответствующему расширению их потребления: они образуют излишек благ, который не имея надлежащего места в нормальной экономике производства и потребления, принуждает к чрезмерному накоплению. Пусть какое-нибудь изменение политико-экономических сил отвлечет от этих собственников излишек их доходов и передаст его или рабочим – в форме повышенной заработной платы их – или же государству – в форме налогов; тогда этот излишек будет расходоваться, а не сберегаться и способствовать тем или иным путем повышению потребления, – а в таком случае не нужно будет сражаться из-за иностранных рынков или иностранных территорий ради выгодного размещения капиталов»⁵³.

«Хотя с 1870 г. произошло значительное увеличение британских владений, вызвавшее соответствующее сокращение числа и размера «чужих земель» эта империалистическая экспансия, тем не менее, не сопровождалась увеличением торговли между метрополией и ее владениями, насколько можно судить по великобританскому импорту и экспорту»⁵⁴. «Политика территориальной экспансии, как мера для обеспечения избытка населения в настоящем или будущем, не является реальной необходимостью. Вся британская эмиграция представляет лишь небольшую часть населения Великобритании, в течение последних лет территориального расширения это соотношение даже уменьшилось: небольшая часть эмигрантов селится в старых британских владениях, и невероятно малая частица селится в странах, приобретенных при господстве нового империализма»⁵⁵.

«Политика империализма последних тридцати лет, как политика торговая, оказалась обреченной, так как при огромных материальных затратах она дала лишь ничтожное, невы-

⁵³ Там же. С. 83-84.

⁵⁴ Там же. С. 42.

⁵⁵ Там же. С. 53.

годное и ненадежное увеличение рынка, поставив в то же время на карту все достояние нации и вызвав неудовольствие других народов»⁵⁶. «Роль подобной торговли во всей хозяйственной жизни Великобритании очень незначительна, но некоторая часть ее весьма влиятельна и способна оказывать определенное давление на политику при помощи торговых палат, парламентских представителей и полуполитических, полукоммерческих учреждений вроде «Имперской Южно-Африканской ассоциации» или «Китайской лиги»⁵⁷.

«Государство, в котором хозяйственные интересы отдельных хорошо организованных классов могут брать перевес над слабыми, расплывчатыми интересами всего общества, принуждено вести политику, которая содействует закреплению их господства над последним»⁵⁸.

В своей книге Гобсон достаточно прямо писал о фактически надправительственных структурах, определяющих империалистическую политику: «Богатство банкирских домов, размах их операций и их космополитическая организация делают их первыми и решительными сторонниками империалистической политики. Они, обладая самой большой ставкой в деле империализма и обширнейшими средствами, могут навязать свою волю международной политике»⁵⁹.

Однако тут же Гобсон непоследовательно пишет о том, что «двигающая сила империализма не исключительно финансовая: финансы скорее управляют империалистической машиной, направляя ее энергию и определяя ее работу, но не они являются непосредственным источником ее могущества. Финансы пользуются патриотическими чувствами, которые таят в себе политики, солдаты, филантропы и торговцы; но увлечение территориальной экспансией, которое питается из этого же источника, даже сильное и искреннее, само по себе беспорядочно и слепо; финансы же обладают той способно-

⁵⁶ Там же. С. 55.

⁵⁷ Там же. С. 58.

⁵⁸ Там же. С. 57.

⁵⁹ Там же. С. 66.

стью оформлять и зорко рассчитывать, которая необходима для того, чтобы пустить империализм в ход»⁶⁰.

Непоследовательность данного положения Гобсона заключается в том, что он путает массовую базу и социальную сущность, недооценивая в целом роль финансового капитала в развитии империализма, основа которого в том виде, в каком он сложился к началу XX века, является исключительно финансово-монополистической. Финансы не просто управляют машиной империализма, они являются причиной ее работы.

И в других местах своей книги Гобсон об этом пишет: «Если частные интересы владельцев капитала могут столкнуться с общественными и привести к губельной политике, то еще большую опасность представляют специфические интересы финансиста, главного дельца по размещению капиталов. Станет ли кто-нибудь утверждать серьезно, что европейские державы могут предпринимать большие войны или размещать крупные государственные займы без согласия банкирского дома Ротшильда или его союзников?»⁶¹

Конечно, финансовые магнаты не являются единственной движущей силой империализма. Гобсон указывает тех, на кого они на тот момент опирались в достижении своих целей: «Таков боевой состав реальных экономических сил, работающих в пользу империализма: большая группа лиц торговых и свободных профессий, ищущая выгодных дел и прибыльных занятий от расширения военной и гражданской службы, от расходов на военные операции, от новых территориальных владений и торговли с ними, от концентрации новых капиталов, в которых эти операции нуждаются, – и все они находят центральную руководящую и направляющую силу во власти финансового дельца. Игра этих сил не проявляется открыто. Они обыкновенно паразитируют на патриотизме и принимают на себя его защитную окраску. С уст их представителей не сходят благородные фразы, выражающие желание расширить сферу цивилизации, учредить хорошее управление, распространить христианство, уничтожить рабство и поднять низ-

⁶⁰ Там же. С. 66.

⁶¹ Там же. С. 64.

шие расы»⁶². «В Англии заявление лорда Розбери о том, что Британская империя есть «величайшее в мире агентство для насаждения общего блага, когда-либо известное миру», всегда будет служить главным оправданием империализма»⁶³.

Говоря об образовании и воспитании, на примере Англии того времени, Гобсон писал о том, что они все более становятся зависимыми от финансирующего их частного капитала: «Философия, естественные науки, история, экономика, социология – должны возводить новые укрепления в защиту денежных интересов плутократии от нападок обездоленных масс»⁶⁴. «В воспитании решающие моменты определяются следующими тремя вопросами: «Кто будет учить? Чему будут учить? Как будут учить?» Там, где доходы университета зависят от щедрот богатых людей, от милосердия миллионеров, там, по необходимости, будут даны следующие ответы: «Благонамеренные учителя», «Благонамеренной науке», «Здоровыми (т.е. ортодоксальными) методами». Народная поговорка, гласящая: «на чьем возу сидишь, тому и песню поешь», вполне применима здесь, и никакие вздорные разговоры об академической гордости и интеллектуальной честности не могут заставить нас закрыть глаза на это обстоятельство»⁶⁵.

«Страдая от перепроизводства во всех профессиях, военных и гражданских, в армии и дипломатии, в церкви и суде, в педагогике и инженерном искусстве, Великобритания облегчает таким образом перегрузку отечественных рынков, дает возможность выдвинуться энергичным людям и любителям приключений и создает удобное место уединения для неудавшихся карьер и испорченных репутаций. Расширение этого поля деятельности является могущественной двигательной силой империализма»⁶⁶.

В книге, написанной в 1902 году, Гобсон говорил о существовании предпосылок для начала мировой войны. Так он писал о Британской империи: «Если мы хотим удержать за

⁶² Там же. С. 67.

⁶³ Там же. С. 187.

⁶⁴ Там же. С. 176.

⁶⁵ Там же. С. 177.

⁶⁶ Там же. С. 59.

собой все, что мы захватили, начиная с 1870 года, если мы хотим состязаться с юными промышленными народами в деле раздела территорий и сфер влияния в Азии и Африке, мы должны готовиться к войне»⁶⁷. «Часто утверждают, что процесс территориального расширения фактически уже закончен. Это совершенно неверно. Правда, большинство «отсталых» рас поставлено в некоторую зависимость от той или иной «цивилизованной» державы: созданы колонии, протектораты, сферы влияния. Но в большинстве случаев все это указывает скорее на начало империализации, чем на полную законченность этого процесса»⁶⁸.

Гобсон писал о том, что «Великое испытание западного империализма – это Азия, где живут многочисленные народы, наследники таких же сложных цивилизаций, как наша собственная, но более древних и вековым навыком более прочно вкоренившихся в повседневную жизнь. На африканские расы можно было смотреть, как на дикарей, как на детей, как на «оставших» на том самом пути цивилизации, на котором англосаксонская раса является авангардом, а потому требующих поддержки со стороны более культурных народов. Не так легко найти благовидный предлог для установления контроля Запада над Индией, Китаем и другими азиатскими странами»⁶⁹.

Его фантазии о будущем Китая, в которые он сам, судя по всему, не верил, через сто лет во многом воплотились в жизнь: «В наших отношениях к отсталым расам, способным к восприятию западных промышленных навыков, можно различить три стадии. Прежде всего, идет обыкновенная торговля, обмен нормальными излишками производства обеих стран. Затем, когда Великобритания или другая западная держава приобретет какую-нибудь территорию или вложит капиталы в чужой стране с целью разработки ее естественных богатств, наступит период оживленного и широкого экспорта товаров в виде рельс, машин и прочих видов реализованного капитала, при чем не требуется, чтобы экспорт был непременно сбалансиро-

⁶⁷ Там же. С. 113.

⁶⁸ Там же. С. 179.

⁶⁹ Там же. С. 228.

ван с импортом, так как он фактически поглощает финансирующий капитал. Эта стадия может продолжаться очень долго, если в новой стране не окажется капитала или предпринимательской инициативы. Но остается еще третья стадия, которая может быть достигнута, по крайней мере, в Китае, в недалеком будущем, – она наступает тогда, когда капитал и организаторские способности имеются внутри страны и реализуются либо основавшимися здесь европейцами, либо туземцами. Народ, вооруженный всеми производительными ресурсами, необходимыми для дальнейшего внутреннего развития своей страны, может обратиться против своего цивилизатора; выбившись из под его промышленной опеки, он станет продавать дешевле его на своих собственных рынках, он захватит в свои руки его иностранные рынки и присвоит себе остальную часть культурной работы, которую еще остается сделать в других девственных частях земного шара»⁷⁰.

Гобсон писал, что к началу XX века «империализм еще только начинает осуществлять свои возможности и превращать в тонкое уменье управлять людьми; широкое доверие к нему народа, просвещение которого ограничивается искусством, не разбираясь, читать по печатному, очень благоприятствует намерениям смелых дельцов, держащих в своих руках прессу, школу, а в случае надобности и церковь, и внушающих массам империализм под привлекательной личиной патриотизма»⁷¹.

Сравнивая современный ему империализм с Римской империей, Гобсон предсказывает, что его ждет такой же конец, в силу законов обожествляемой Гобсоном «природы»: «Современный империализм в наиболее существенных чертах ничем не отличается от старого примера. Элемент политической дани сейчас отсутствует или играет второстепенную роль; наиболее грубые формы рабства исчезли, а некоторые факты более естественного или бескорыстного управления смягчают или оттеняют его определенно паразитарную сущность. Но природу не обманешь: законы ее действуют всюду,

⁷⁰ Там же. С. 244-245.

⁷¹ Там же. С. 281.

они обрекают паразита на атрофию, на вымирание и полное исчезновение; этих законов не избежать ни народам, ни отдельным организмам»⁷².

Альтернативой империализму Гобсон видел иные формы глобализации: «Подлинный сильный интернационализм, будь то форма или идея, подразумевает наличность могущественных, уважающих себя национальностей, ищущих союза на почве общих народных нужд и интересов. Такой ход исторического развития соответствует больше законам социального роста, чем зарождение анархического космополитизма индивидуальных единиц посреди общего упадка национальной жизни. Национализм – прямой путь к интернационализму, и если между ними замечается антагонизм, мы вправе подозревать искажение его природы и целей. Подобным искажением является империализм, при котором народы, нарушая границы естественной ассимиляции, превращают здоровое соревнование различных национальных типов в разбойную борьбу, соперничающих друг с другом империй»⁷³.

«Международные договоры, международный кредит и обмен, общая почтовая, а в более узких границах – и общая железнодорожная система, не говоря уже о конвенциях и конференциях, которыми обеспечивается согласованность международных действий, наконец, все неписанные законы о войне, о международной учтивости, о посольствах, консульствах и тому подобных учреждениях – все это покоится на основе признания некоторых взаимных обязанностей, нарушение которых наказывается потерей прав наиболее благоприятствуемого государства, бойкотом и, быть может, даже соединенным вмешательством других государств. В этих институтах мы видим начало действительной международной федерации и зачатки легальных санкций для установления и закрепления ее прав»⁷⁴.

«Если цивилизованные белые нации постепенно сбросят с себя бремя классовой борьбы, интересы которой на стороне

⁷² Там же. С. 286.

⁷³ Там же. С. 24.

⁷⁴ Там же. С. 140-141.

войн и территориальной экспансии, если они сократят прирост своего населения посредством предупредительных мер против дурного потомства и употребят свою энергию на использование естественных богатств (все это вполне возможно) – тогда исчезнут всякие поводы для международных конфликтов: торговые связи и дружественные сношения будут поддерживать вечный мир на основе международной солидарности»⁷⁵.

Здесь обращают внимание на себя положения о искусственном регулировании населения, «дурном потомстве», характерные для автора, религией которого являлась теория эволюции.

Д.А. Гобсон является первым серьезным исследователем новых форм империализма, появившихся к началу XX века, обозначившим значение именно финансового капитала в их появлении и развитии. Какие-то из положений его книги с позиций сегодняшнего дня выглядят прозрением будущего, а какие-то, наоборот, несколько наивными. В любом случае нельзя отрицать, что именно Д.А. Гобсон оказал большое влияние на формирование нового учения империализме в начале XX века, на работы в данном направлении В.И. Ленина, взявшего на себя даже труд перевода книги английского экономиста.

В основу идеологии нацистской Германии легли процессы, обличаемые в начале XX века Р. Гильфердингом: «Идеал теперь – обеспечить собственной нации господство над миром: стремление столь же безграничное, как то стремление капитала к прибыли, из которого оно возникает. Капитал становится завоевателем мира, но каждый раз, как он завоевывает новую страну, он завоевывает только новую границу, которую необходимо отодвинуть дальше. ...национальная идея экономическую предпочтительность монополии отражает в том привилегированном положении, которое должно принадлежать собственной нации. Последняя является избранной среди всех остальных. Так как подчинение чужих наций осуществляется насилем, следовательно, очень естественным

⁷⁵ Там же. С. 153.

способом, то представляется как будто державная нация обязана господством своим особенным естественным свойствам, т.е. своим расовым особенностям. Таким образом, в расовой идеологии стремление финансового капитала к власти приобретает оболочку естественно-научной обоснованности, его действия получают благодаря этому вид естественно-научной обусловленности и необходимости. На место идеала демократического равенства выступил идеал олигархического господства»⁷⁶.

В своём главном труде «Финансовый капитал» (1910) Гильфердинг сделал одну из первых попыток дать научное объяснение новым явлениям капитализма, связанным с его вступлением в стадию империализма. В нём Гильфердинг обобщил большой теоретический материал о появлении и деятельности акционерных обществ, образовании фиктивного капитала, описал биржу; рассмотрел процесс подчинения мелких капиталов крупным; защищал тезис о зрелости капитализма для замены его социализмом.

Уже на первой странице предисловия к своей работе Гильфердинг писал о той роли, которую играют при империализме монополии: «Характерную особенность «современного» капитализма представляют те процессы концентрации, которые обнаруживаются, с одной стороны в «уничтожении свободной конкуренции» посредством образования картелей и трестов, а с другой стороны – во все более тесной связи между банковым капиталом и промышленным капиталом. Благодаря этой связи капитал принимает форму финансового капитала, представляющего наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала»⁷⁷. Далее в книге раскрывается значение монополий в развитии империализма: «Ожесточенность конкуренции пробуждает стремление к ее прекращению. Самым простым способом достигается это, если части мирового рынка включаются в состав национального рынка, т.е. присоеди-

⁷⁶ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., 1924. С. 399-400.

⁷⁷ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., 1924. С. XIII.

нением чужих стран колониальной политикой. Если свободная торговля была равнодушна к колониям, то протекционизм непосредственно приводит к большей активности в колониально-политической сфере. Здесь интересы государств непосредственно враждебно сталкиваются между собой»⁷⁸.

Процессы монополизации, по мнению Гильфердинга, касаются и сферы государственной власти; мелкие государства поглощаются крупными, так же, как мелкие предприятия монополистами: «Развилась тенденция, что сравнительно мелкие, а потому экономически отсталые политические единицы политически группируются вокруг крупнейших единиц. Эти политические связи воздействуют обратно на экономические отношения и создают из страны, политически находящейся в свите, преимущественную сферу для приложения капитала страны-покровительницы. Дипломатия непосредственно состоит здесь на службе капитала, ищущего применения. Но пока мелкие государства еще не прочно «прибраны к рукам», они превращаются в арену необузданной конкуренции иностранного капитала. И здесь исход стараются решить политическими мерами. Политическая власть приобретает, таким образом, решающее значение в конкурентной борьбе, и прибыль финансового капитала непосредственно связывается с политической силой государства. Важнейшей функцией дипломатии становится теперь представительство финансового капитала»⁷⁹. «Чем крупнее хозяйственная территория, чем больше сила государства, тем благоприятнее положение национального капитала на мировом рынке. Таким образом, финансовый капитал становится носителем идеи усиления государственной власти всеми способами. Но чем крупнее исторически сложившиеся различия в силе разных государств, тем больше различий в условиях конкуренции, тем ожесточеннее, – потому что она сопряжена с большими надеждами на успех, – борьба крупных хозяйственных областей из-за подчинения мирового рынка. Эта борьба становится острее по мере того, как повышается развитие финансового капитала и вырастает его

⁷⁸ Там же. С. 384.

⁷⁹ Там же. С. 393.

стремление монополизировать части мирового рынка для национального капитала; но чем дальше зашел уже процесс этого монополизирования, тем ожесточеннее борьба за остатки»⁸⁰.

Гильфердингом делается попытка сформулировать определение политики финансового капитала: «Политика финансового капитала преследует тройного рода цели: во-первых, создание возможно обширной хозяйственной территории, которая, во-вторых, должна быть ограждена от иностранной конкуренции таможенными стенами и таким образом должна превратиться, в-третьих, в область эксплуатации для национальных монополистических союзов»⁸¹.

Гильфердинг писал о монополизации всех сфер, при этом особенно интересным представляется его попытка даже профессиональные союзы представить своего рода картелями по монополизации рабочей силы: «Функция профессионального союза заключается в том, чтобы прекратить на рабочем рынке конкуренцию рабочих между собою: он стремится монополизировать предложение товара – рабочую силу. В этом смысле он представляет картель, контингентную предложение, или, – так как отношения к капиталисту исчерпывается здесь куплей и продажей товара, – представляет ринг. Каждый картель, стремящийся контингентировать предложение, и всякий ринг страдает, однако, тем недостатком, что он не подчиняет себе производство и потому не может регулировать размеры предложения. В профессиональном союзе этот недостаток неотвратим. Производство рабочей силы почти всегда находится вне сферы его регулирования»⁸².

О разделе и переделе мира Гильфердинг не просто писал, а анализировал экономические предпосылки этих процессов. Одними из важнейших из них он считал экспорт капитала, как ссудного, так и промышленного.

«Экспорт капитала, как ссудного капитала, до чрезвычайности расширяет поглотительную способность вновь от-

⁸⁰ Там же. С. 394.

⁸¹ Там же. С. 386.

⁸² Там же. С. 419.

крываемого рынка. Предположим, что вновь открытый рынок в состоянии экспортировать товаров на один миллион фунтов стерлингов. Но если эта стоимость экспортирована в страну не как товар, а как ссудный капитал, например, в форме государственного займа, то эта же стоимость в один миллион фунтов стерлингов, которую может располагать новый рынок, послужит уже не для обмена на товары, а для уплаты процентов на капитал.

Экспорт промышленного капитала оказывает действие еще более значительное, чем экспорт капитала в форме ссудного капитала, и как раз по этой причине экспорт капитала в форме промышленного капитала приобретает все большую важность. Например, капитализирование южной Африки совершенно отрешено от поглотительной способности южной Африки: главная отрасль производства, разработка золотых рудников, пользуется почти безграничной возможностью сбыта, и темп внедрения капитала зависит здесь только от естественной возможности расширять разработку и от наличности достаточного рабочего населения»⁸³.

Экспорт капитала, по мнению Гильфердинга, приводит к необходимости попыток вмешиваться во внутреннюю политику тех государств, которые являются его импортерами, а также конфликтам между капиталистически развитыми государствами за право экспорта: «Если новые рынки становятся не просто областями для сбыта, а сферами приложения капитала, то в зависимости от этого изменяется и политическая позиция стран, экспортирующих капитал. Если в чужой стране строятся железные дороги, приобретается земля, сооружаются гавани и доки, закладываются и пускаются в ход рудники, риск много больше, чем в том случае, когда просто покупаются и продаются товары. Отсталость правовых отношений превращается в препону, преодоления которой, хотя бы и мерами насилия, все необузданнее требует финансовый капитал. Это приводит к постоянно обостряющимся конфликтам между развитыми капиталистическими государствами и государственной властью отсталых стран, к все более настойчивым по-

⁸³ Там же. С. 373.

пыткам навязать этим странам юридические отношения, соответствующие потребностям капитализма: навязать с сохранением или уничтожением прежних властей. В то же время конкуренция из-за вновь открытых сфер приложения капитала приводит к новым противоречиям и конфликтам между самими капиталистически развитыми государствами»⁸⁴.

Экспорт капитала является важнейшим двигателем империализма, в том числе, и опирающегося на военную силу: «Движение к независимости угрожает европейскому капиталу в его наиболее ценных областях эксплуатации, сулящих наиболее блестящие перспективы, и европейский капитал может удерживать господство, лишь постоянно увеличивая свои военные силы. Отсюда призывы всех капиталистов, связанных своими интересами с чужими странами, к сильной государственной власти, авторитет которой защитил бы эти интересы и в отдаленнейших уголках света; призывы к тому, чтобы повсюду развевался военный флаг, который позволит повсюду развеваться торговому флагу. Но лучше всего себя чувствует экспортный капитал, когда государственная власть его страны вполне подчинит себе новую область: тогда экспорт капитала из других стран будет устранен, экспортированный капитал будет пользоваться привилегированным положением, и его прибыли при случае еще будут гарантированы государством. Таким образом, экспорт капитала действует в пользу империалистской политики»⁸⁵.

Гильфердинг писал о том влиянии, которое борьба за передел мира оказывает на международную политику: «Стремление к приобретению колоний ведет к постоянно возрастающему антагонизму между крупными хозяйственными областями и оказывает в Европе решающее воздействие на взаимные отношения между отдельными государствами»⁸⁶.

«У Германии нет заслуживающих внимания колониальных владений; между тем как не только ее сильнейшие конкуренты, Англия и Соединенные Штаты, но и сравнительно не-

⁸⁴ Там же. С. 379-380.

⁸⁵ Там же. С. 380.

⁸⁶ Там же. С. 391.

большие державы, Франция, Бельгия, Голландия, располагают значительными колониями, а ее будущий конкурент, Россия, тоже владеет колоссально огромной хозяйственной территорией. Это положение должно до чрезвычайности обострить антагонизм между Германией, с одной стороны, и Англией и ее спутниками – с другой, и будет толкать к насильственному разрешению»⁸⁷.

О паразитической сущности империализма Гильфердинг то же писал, хотя, конечно, не столь прямо, как Ленин: «Капиталисты крупных хозяйственных территорий стараются создать в чужих странах не такие промышленные отрасли, которые производят средства потребления, а больше заботятся о том, чтобы обеспечить за собою господство над сырым материалом для своих все более вырастающих промышленных отраслей, производящих средства производства. Так, рудники и горные заводы государств на Пиренейском полуострове попали под власть иностранного капитала, который экспортируется сюда уже не как ссудный капитал, а прямо вкладывается в эти рудники; так – при более серьезном сопротивлении – случилось и с минеральными богатствами Скандинавии, в особенности Швеции. Благодаря этому их экономическое развитие, а вместе с тем и политическое, и финансовое, остановилось на первых ступенях. Экономически подданные иностранного капитала, они и в политическом отношении превратились в государства второго порядка, неспособные обойтись без покровительства крупных держав»⁸⁸.

Теория национальной идеи, как движущей силы империализма, представляется альтернативой идеи классовой борьбы: «Империализм ничего не хочет для себя; но он не принадлежит и к числу тех фантазеров и мечтателей, которые невыразимый хаос рас, стоящих на различных ступенях развития и обладающих различными способностями к нему, растворяют в бескровном понятии человечества. Твердым, ясным взором окидывает он вавилонское смешение народов, и выше их всех видит свою собственную нацию. Она реальна, она жи-

⁸⁷ Там же. С. 394-395.

⁸⁸ Там же. С. 392.

вет в мощном, все умножающем свою мощь и величие государстве, и ее возвышению посвящены все силы. Этим достигнуто подчинение интересов индивидуума высшим общим интересам, представляющее условие всякой жизнеспособной социальной идеологии, чуждое народу государство и сама нация связаны так в единое целое, и национальная идея в качестве движущей силы сделалась служанкой политики. Классовые противоречия исчезли и уничтожены, поглощенные службой интересам целого. На место чреватой для собственников неведомой опасной борьбы между классами выступили общие действия нации, объединенной одинаковой целью – стремлением к национальному величию»⁸⁹.

Во многом эти идеи в дальнейшем определили политику гитлеровской Германии.

В конце своей работы Гильфердинг выступает с утверждениями о том, что империализм сам готовит почву для замены его социализмом: «Выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал до чрезвычайности облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства, будет достаточно, если общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладеет финансовым капиталом: это немедленно передаст ему распоряжение важнейшими отраслями производства. От этих отраслей производства зависят все остальные, и потому господство над крупной промышленностью уже само по себе равносильно наиболее действительному общественному контролю, который осуществляется и без всякого дальнейшего непосредственного обобществления»⁹⁰. «Экономическая власть знаменует в то же время власть политическую. Господство над хозяйством дает в то же время господство над политическими ресурсами государственной власти. Чем выше концентрация в экономической сфере, тем неограниченнее подчинение государства. Это строгое сплочение всех сил государства представляется величайшим развитием его сил, государ-

⁸⁹ Там же. С. 401.

⁹⁰ Там же. С. 443.

ство – непреодолимым орудием охраны экономического господства, а потому и завоевание политической власти – предпосылкой экономического освобождения. В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата»⁹¹.

Работа Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» внесла огромный вклад в формировании учения об империализме в начале XX века. В ней говорится и о попытках монополизации всего в мире, включая власть и рабочую силу, и о процессах раздела и передела мира, и тех экономических процессах, которые за этим стоят, и об идеологических обоснованиях политики империализма. В завершении работы фактически предсказывается возможность появления гитлеровской Германии и Советского Союза. Оба эти варианта трансформации империализма, в том виде в каком он сформировался на рубеже 19-20 вв. вызывали резкое неприятие Р. Гильфердинга, с течением времени изменившим свои взгляды и подвергнутого за это резкой критике марксистов. Его попытки личного участия в процессах изменения мира в депутата рейхстага и министра финансов Веймарской республики не были особо результативны. Жизнь свою он закончил в гитлеровской тюрьме. Однако, как теоретик империализма, он оказался более успешен, чем как политик, высказанные им в «Финансовом капитале» идеи актуальны и сегодня, когда описанные им мировые процессы продолжают, хотя и в несколько измененных формах.

Роза Люксембург подробно описывает технологии современных ей империалистических захватов новых территорий. Один из примеров – Египет, попавший в зависимость от Британской империи, формально оставаясь частью Османской империи.

«Европейский капитал делал в Египте беспримерные сказочные дела – гешефты, которые удались капиталу на его всемирноисторическом пути один только раз. Прежде всего каждый заем означал ростовщическую сделку, при которой от пятой до третьей части (и даже больше этого) якобы занятой суммы прилипало к рукам европейских банкиров. Но ростов-

⁹¹ Там же. С. 446.

щические проценты так или иначе должны были быть уплачены. Откуда же брались для этого средства? Их источник должен был находиться в самом Египте, и этим источником был египетский феллах, т. е. крестьянское хозяйство. Оно-то в последнем счете и доставляло все важнейшие элементы грандиозных капиталистических предприятий. Оно доставило землю, ибо так называемые личные владения хедива, выросшие в короткое время в грандиозные пространства и образовавшие основу для ирригационных планов и хлопчатобумажных и сахарных спекуляций, были составлены путем грабежа и вымогательства из бесчисленного множества деревень. Крестьянское хозяйство доставляло и рабочие силы, и притом доставляло их даром. Содержание рабочих во время их эксплуатации было предоставлено их собственным заботам. Крепостной труд феллаха был основой технических чудес, которые европейские инженеры и европейские машины являли в области оросительных сооружений, средств сообщения, сельского хозяйства и промышленности Египта. Над водными сооружениями у Калиуба и над Суэцким каналом, на постройках железных дорог и плотин, на хлопчатобумажных плантациях и сахарных заводах трудились бесчисленные армии барщинных крестьян; они перебрасывались по мере надобности с одной работы на другую и безмерно эксплуатировались. И если техническая неприспособленность крепостного труда к современному капиталистическому производству обнаруживалась на каждом шагу, то это, с другой стороны, покрывалось неограниченной властью над массами, которая была дана здесь в руки капитала, продолжительностью эксплуатации и условиями жизни и работы трудящихся. Но крестьянское хозяйство доставляло не только земли и рабочие силы: оно доставляло и деньги. Этой цели служила налоговая система, которая под влиянием капиталистического хозяйства наложила на феллаха кандалы»⁹².

⁹² Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 311-312.

Чем выше становилась задолженность европейскому капиталу, тем больше европейский капитал мог приступить к ликвидационным операциям.

«В 1875 г. Англия купила 172 000 суэцких акций за 80 млн. марок, за что Египет ей еще до настоящего времени должен платить процентов на 394 000 египетских фунтов стерлингов. Начали действовать английские комиссии по «упорядочению» египетских финансов. Замечательно, что европейский капитал совершенно не испугался отчаянного положения обанкротившейся страны и изъявил готовность предоставлять для ее «спасения» все новые колоссальные займы. Мятеж египетских войск, которые благодаря европейскому финансовому контролю голодали, в то время как европейские чиновники получали блестящие оклады, и спровоцированное восстание обескровленных масс в Александрии дали желанный повод для решительного натиска. В 1882 г. английские войска вступили в Египет, чтобы уже не покидать его и сделать покорение страны результатом грандиозных капиталистических операций, имевших место в Египте в продолжение двадцати лет, и завершением ликвидации египетского крестьянского хозяйства европейским капиталом»⁹³.

Не менее показателен пример Китая: «Период открытия Китая для европейской культуры, т. е. для товарного обмена с европейским капиталом, начался войной из-за опия, которая заставила Китай покупать яд индийских плантаций, чтобы превратить его в деньги для английских капиталистов. В XVII столетии культура опия была введена в Бенгалии английской остиндской компанией. Ее филиальное отделение в Кантоне распространило потребление этого яда в Китае. В начале XIX века опий так сильно упал в цене, что он быстро стал «средством потребления широких народных масс». В 1833 году был издан закон, который устанавливал для каждого курильщика опия сто ударов и выставление у позорного столба на два месяца. Губернаторам провинций было вменено в обязанность отмечать в их годовых отчетах результаты борьбы с опиумом. Эта борьба привела к двум последствиям: во-первых, внутри

⁹³ Там же. С. 313-314.

Китая, в особенности в провинциях Гонан, Сетшуан и Квейтшан, началось культивирование мака в большом масштабе; во-вторых, Англия объявила Китаю войну, чтобы заставить его разрешить свободный ввоз опия. Тогда-то и началось знаменитое «отпирание» Китая для европейской культуры в образе трубки для курения опия»⁹⁴.

«Открытие Китая для торговли, начавшееся войной из-за опия, закончилось целой серией «аренд» и китайской экспедицией 1900 г., в которой торговые интересы европейского капитала превратились в явный международный грабёж китайских земель»⁹⁵.

«Каждая война сопровождалась мародерством и кражами в крупном масштабе памятников старинной культуры, которые производились европейскими культуртрегерами в китайских императорских дворцах и правительственных зданиях. Это имело место как в 1860 г., когда императорский дворец с его сказочными сокровищами был ограблен французами, так в 1900 г., когда «все нации» похищали в перегонку казенное и частное добро. Дымящиеся развалины самых крупных и старых городов, гибель земледельческого хозяйства на огромных пространствах земли, невыносимый налоговый гнет для изыскания военных контрибуций были спутниками всех европейских вторжений и шли в ногу с успехами торговли»⁹⁶.

Такое давление не может не вызывать противодействия. Роза Люксембург писала о том, что войны и революции являются неизбежным следствием развития капиталистических отношений: «Как расширение товарного хозяйства за счет натурального и капиталистического производства за счет простого товарного производства осуществлялось при помощи войн, социальных кризисов и уничтожения целых социальных формаций, так превращение экономических гинтерландов и колоний в капиталистические самостоятельные единицы протекает в связи с революциями и войнами. Революция необхо-

⁹⁴ Там же. С. 275-276.

⁹⁵ Там же. С. 279.

⁹⁶ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 281.

дима в процессе капиталистической эмансипации гинтерландов для того, чтобы взорвать сохранившиеся со времен натурального и простого товарного хозяйства, а потому устаревшие государственные формы и создать современный государственный аппарат, приспособленный для целей капиталистического производства. Сюда относятся русская, турецкая и китайская революции. Тот факт, что эти революции – в особенности русская и китайская – одновременно с прямыми политическими требованиями господства капитала сопровождаются отчасти разными устарелыми докапиталистическими претензиями, отчасти совершенно новыми, направленными против господства капитала противоречиями, обуславливают их глубину и их могущественную силу, но затрудняет и тормозит их победоносное шествие. Война является обыкновенно методом молодого капиталистического государства, чтобы сбросить опеку старых капиталистических стран; это – боевое крещение и проба капиталистической самостоятельности современного государства»⁹⁷.

Империализм, с ее точки зрения, непосредственным образом связан с существованием капитализма на всех ступенях его исторического развития. Он представляет из себя не что иное, как процесс первоначального накопления, предшествующий каждому шагу капитала, идущего по пути расширенного воспроизводства.

«Историческая необходимость обостренной мировой конкуренции капитала из-за условий его накопления превращается таким образом для самого капитала в первоклассное поле для накопления. Чем энергичнее капитал использует милитаризм, чтобы похищать у некапиталистических стран и обществ их средства производства и рабочие силы и при помощи мировой и колониальной политики ассимилировать их, тем энергичнее тот же самый милитаризм работает у себя на родине, в капиталистических странах, для того, чтобы все в большей и большей мере отнимать у некапиталистических слоев этих стран, т. е. у представителей простого товарного

⁹⁷ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 299.

производства и у рабочего класса, покупательную силу; он все в большей и большей мере похищает производительные силы первых и понижает жизненный уровень вторых, и все это для того, чтобы за счет тех и других колоссально увеличить накопление капитала. Но с обеих сторон условия накопления на известной высоте превращаются в условия гибели для капитала. Чем больше насилия проявляет капитал, когда он посредством милитаризма уничтожает во всем мире и в своей родной стране существование некапиталистических слоев и ухудшает условия существования всех трудящихся масс, тем скорее история современного капиталистического накопления на мировой арене превращается в непрерывную цепь политических и социальных катастроф и конвульсий, которые вместе с периодическими хозяйственными катастрофами в форме кризисов делают невозможным продолжение накопления; восстание международного рабочего класса против капиталистического господства становится необходимостью еще раньше, чем оно наталкивается на свои естественные, им же самим созданные экономические перегородки»⁹⁸.

Концепция Розы Люксембург, таким образом, совершенно игнорирует тот огромный трансформационный процесс, через который прошел капитализм, превращаясь из анархической, свободно конкурирующей экономической системы, в систему монополистическую, более или менее организованную, по крайней мере в пределах отдельных капиталистических стран. Между тем ясно, что империализм в его современной формулировке ни в каком случае не стоит в стороне от таких явлений, как «обезличивание» и ассоциирование капитала и перенесение основной организационной функции класса капиталистов на заправил могущественных банковских концернов. А это заставляет нас искать ошибки в абстрактном анализе Розы Люксембург⁹⁹. Бесспорно, исторически развитие капиталистической индустрии проходило в некапиталистиче-

⁹⁸ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 337.

⁹⁹ Дволайцкий Ш. Накопление капитала и проблема империализма. Б.м., б. г. С. 97.

ском окружении, и существование обширных сельскохозяйственных рынков, национальных и международных, представляло собой важнейший предохранительный клапан для капиталистической системы в течение всего 19 века и в начале 20 века. Однако, с точки зрения экономической теории, люксембургская концепция империализма имеет некоторые недостатки. Важно указать их, поскольку они мешают увидеть определенные долгосрочные тенденции в развитии капитализма в целом. Например, Люксембург утверждала, что капиталистический класс не может обогащаться, перекалдывая деньги из одного кармана в другой. Однако этим игнорируется отмеченный Марксом факт, что капиталистический класс, взятый в целом, является не более чем абстракцией, полезной для того, чтобы раскрыть общие законы движения капитала, но понять сущность периодических кризисов можно только в контексте конкуренции антагонистических капиталов и вытекающей из нее концентрации капитала. С этой точки зрения весьма логично, что «капиталистический класс» обогащает «сам себя», то есть, что определенные слои капиталистического класса обогащают себя через обнищание других капиталистических слоев. Именно это происходило последние сорок лет в Соединенных Штатах, вначале в отношении американских капиталистов, затем — зарубежных капиталистов (прежде всего европейских). Эта тенденция будет усиливаться, поскольку исключительно сельскохозяйственные рынки исчезают. В современном капиталистическом мире экспорт направлен в основном в другие промышленно развитые страны, и только в малой степени на рынки «некапиталистических» стран. Фундаментальная слабость теории Розы Люксембург состоит в том, что она основывается только на потребности капиталистического класса в рынках для реализации прибавочной стоимости, и игнорирует важные изменения в капиталистической собственности и производстве. Именно над объяснением этих структурных изменений работали В. И. Ленин и Рудольф Гильфердинг.¹⁰⁰

¹⁰⁰ *Мандель Э.* [Марксистская теория империализма и ее критики](http://marx.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=539) http://marx.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=539 (дата

На первый взгляд может показаться, что на фоне жестких диктатур, существовавших в фашистской Германии и СССР, Британская империя, охватывавшая четвертую часть суши, была местом народного благоденствия. Говоря о положении ее доминионов, К. Каутский писал, что их население имеет больше прав, чем в европейских демократиях: «Строго говоря, это даже не колонии. Это – самостоятельные государства с современной демократией, т.е. национальные государства, пользующиеся большими свободами, чем какое-либо европейское государство, за исключением Швейцарии. Они в действительности не представляют подчиненных Англии владений, а находятся с ней в союзных отношениях, образуют вместе с ней союз государств с быстро растущим населением и, следовательно, также растущей силой. Этот союз государств представляет собой государство, которому суждено сыграть крупную роль в будущем. Если в нем видят признаки и цель империализма, то мы едва ли можем что-нибудь иметь против такого империализма»¹⁰¹.

Впрочем, даже и для Индии К.Каутский видел пользу от английского империализма. И это несмотря на то, что «Англичане вышли победителями над своими европейскими соперниками и туземными государствами. Европейцы не являлись в Индию, как прежние завоеватели с целью обосноваться там. Этому мешало уже одно то, что климат там для них убийственный. Каждый являлся туда ради добычи, с которой потом возвращался в Европу. Новые завоеватели значительно более угнетали рабочие массы, чем прежние деспоты. Страна приходила все в больший упадок, и только за последние десятилетия английское правительство стало заботиться о противодействии этому упадку»¹⁰².

Карл Каутский объяснял империализм, как стремление промышленно развитых стран подчинить себе аграрные. «Империализм впервые зародился в Англии и означает особый

обращения 15.01.2011 года).

¹⁰¹ Каутский К. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917. С. 44-45.

¹⁰² Там же. С. 50.

вид политических задач, которые наметились вместе с новейшей фазой капитализма, но отнюдь не совпадают с ним. Его сущность заключается в том, что страна с высокоразвитым капитализмом стремится присоединить к себе большие сельскохозяйственные области, невзирая на то, кем эти области населены»¹⁰³. «Одним из способов расширения аграрной области является империализм. Ему предшествовал другой способ – свободная торговля. Теория свободной торговли получила преобладание в эпоху господства капиталистической промышленности Англии. Англия должна была стать большим заводом для всего мира, а весь мир – аграрной областью Англии»¹⁰⁴. «Западная Европа и Восточная Америка вопреки желанию Англии превратились из аграрных в промышленные страны. Вместо такого разделения труда, когда Англия являлась промышленной страной, а весь остальной мир – сельскохозяйственным, новые промышленные государства выдвинули принцип раздела оставшихся аграрных стран всего мира (поскольку эти аграрные страны были беззащитны) между собою. Англия реагировала на это и стала на тот же путь. Так возник империализм»¹⁰⁵.

К. Каутский писал о том, как в империализме политика переплетается с экономикой, почему промышленно развитым странам выгодно не только экономическое, но и политическое подчинение более отсталых государств: «Для того, чтобы проведение железных дорог в диких областях было выгодно или даже возможно, чтобы получить нужные рабочие руки для постройки и вообще для успешности дела, надо опираться на сильную государственную власть, преданную интересам чужого капитала и слепо защищавшую их. По мере роста вывоза капиталов из промышленных стран в аграрные области росло и желание подчинить эти области государственной власти собственной страны»¹⁰⁶. «Для страны с высокоразвитой промышленностью возникает необходимость помешать превра-

¹⁰³ Каутский К. Империализм // К. Каутский. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991. С. 9.

¹⁰⁴ Там же. С. 15.

¹⁰⁵ Там же. С. 16.

¹⁰⁶ Там же. С. 17.

щению аграрной области в промышленную. Поэтому первая стремится окончательно присоединить вторую в виде колонии и подчинить ее своему влиянию, чтобы быть в силах воспрепятствовать развитию в ней промышленности и заставить ограничиться производством исключительно сельскохозяйственных продуктов. Таковы исторические корни империализма, пришедшего на смену свободной торговле»¹⁰⁷.

Широко известен тезис К. Каутского о том, что «империализм является только вопросом силы, а не экономической необходимости. Он не только не необходим для капиталистического способа производства, но даже его значение для него часто невероятно переоценивается»¹⁰⁸.

К. Каутский называет следующие признаки современного ему империализма:

1. «Финансовый капитал, класс крупных заимодавцев и банкиров, стоит за увеличение абсолютной государственной власти. Он заинтересован в крупных государственных расходах и долгах, поскольку последние не превышают размеров, доводящих государство до банкротства. Акционерное общество стало преобладающей формой промышленного капитала. Этим наиболее крупные и влиятельные части промышленного капитала были объединены с денежным капиталом и одновременно была подготовлена почва для примирения его с крупным землевладением. Тресты и централизация крупных банков чрезвычайно способствовали этому развитию»¹⁰⁹.

2. «Вывоз товаров приобретает иной характер. Капиталистическое производство с первых шагов рассчитано не только на удовлетворение внутренних потребностей в государстве, но и на вывоз. Предназначенный для вывоза товар служит сперва только для потребления за границей. В империалистическом периоде вывоз для такой цели недостаточен для полного использования производительных сил в развитых капиталистических государствах. Необходим вывоз

¹⁰⁷ Там же. С. 18.

¹⁰⁸ Каутский К. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917. С. 24.

¹⁰⁹ Там же. С. 26.

средств производства, служащих капиталом за границей, как, например, материал для постройки и оборудования железных дорог, открывающих доступ к новым аграрным областям, машины для добывания руды, для обработки плантаций, и, наконец, для всяких промышленных предприятий и т.п.»¹¹⁰.

В. И. Ленин в своих работах подверг критике попытку К. Каутского представить империализм исключительно как политику. Определение империализма, данное Каутским, обходит действительно новые явления в экономике, свидетельствующие о наступлении империализма и составляющие его сущность, а именно, господство монополий, власть финансового капитала и финансовой олигархии и т. д. Кроме того, для империализма характерны захваты не только аграрных стран, но и захваты промышленных стран мощными империалистическими державами¹¹¹.

Противоречивость позиции Каутского заключается в том, что с одной стороны он писал, что «империализм не необходим», но с другой, называя признаки современного ему империализма, сам фактически говорит о его исторической неизбежности, о сращивании финансового капитала с государственной властью, экономической необходимости вывоза средств производства, политического подчинения экономически зависимых стран.

К.Каутский, говоря о процессах передела мира, отмечал, что «колониальное государство не обладает устойчивостью и сплоченностью национального государства. Колониальные владения могут легко перейти в руки другой колониальной державы путем захвата, продажи или обмена. Энергичного сопротивления туземного населения против этих перемен не приходится опасаться. Решающим фактором в данном случае является степень военной силы владельцев колонии. Но, с другой стороны, границы расширения колониальной державы

¹¹⁰ Там же. С. 26-27.

¹¹¹ [История экономических учений](#), М., 1963[ekoslovar.ru](#) > [istoria019.html](#) (дата обращения 16.05.2011 года).

определяются также степенью ее военной мощи по сравнению с другими колониальными государствами»¹¹².

Ярким примером этому является Индия. «Индия уже испокон веков служила приманкой для воинственных, но бедных соседей. Постоянный приток народов привел к невероятному изобилию племен, языков, каст и религий. Если пришельцы достаточно сильны, они являются в качестве завоевателей и грабителей. Но страна слишком привлекательна, чтобы покинуть ее. Они остаются, а вместе с ними и награбленные сокровища. Положение трудящихся классов остается почти без перемен, происходит только смена хозяев. Они не раздвигают рамок примитивной демократии. Сельские общины являются клетками, на которые опирается государственность. Полной демократии в общине соответствует полный деспотизм в государстве, опирающийся исключительно на силу. Так же легко, как она была завоевана одними, она может быть завоевана и другими при полном равнодушии к этому народных масс»¹¹³.

В своей работе «Национальное государство, империалистское государство и союз государств» К. Каутский дает очень высокую положительную оценку английскому империализму. С разными оговорками, может быть, сам того не желая, он тем не менее достаточно четко проводит мысль, что Британская империя является благом для многих из объединенных под ее короной стран.

«Среди колониальных держав 17 и 18-го столетия Англия была единственной, индустриальное развитие которой сильно продвинулось вперед, благодаря колониальной политики. Правда, при возникновении ее также играли роль стремившаяся к абсолютизму королевская власть и дворянство, стремившееся к феодальному землевладению, но морская торговля и колониальные владения Англии приобрели, однако, крупное значение уже в такое время, когда капиталистические классы настолько окрепли в политическом и экономиче-

¹¹² Каутский К. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917. С. 17.

¹¹³ Там же. С. 50.

ском отношении, что могли обеспечить себе долю в плодах этой власти и этих владений в интересе торговли и промышленности. Начало морскому владычеству Англии было положено буржуазной революцией. Эта революция привела в середине 17 столетия к победе и окончательно завершилась «достославной» революцией 1688 года, ознаменовавшейся переходом государственной власти в руки новой династии и дворянства, преданных, даже подчиненных капиталистическим интересам и разделявших свою власть с представителями высших капиталистических слоев, заседавшими в парламенте. Не менее своеобразно, чем в 18 столетии сложилась английская колониальная политика в 19 столетии. Она держится на двух столпах, равными которым не обладает никакая другая колониальная страна. Одним из этих двух столпов британской колониальной империи являются ее три крупных аграрных колонии с европейской культурой: Канада, Южная Африка и Австралия. Другим – Индия»¹¹⁴.

Говоря о доминионах, Каутский пишет, что они имеют большие политические и экономические свободы, чем европейские демократии.

«Население Канады, Южной Африки и Австралии правда немногочисленно по сравнению с народонаселением всех британских владений, достигающего 400 миллионов. Канада насчитывала в 1911 году свыше 7 млн. жителей, Южноафриканский союз – 6 млн., австралийский союз государств, включая Новую Зеландию – 5,5 млн. Но они представляют собой крупную экономическую и политическую силу. Их население не только вышло уже из стадии примитивной демократии, но в полном размере проникнуто стремлениями современной демократии, даже еще в большей степени, чем любая европейская нация, потому что оно, как и население Соединенных Штатов, не обременено пережитками времен феодализма и абсолютизма, ни в государственном управлении, ни в мышлении. И в экономическом отношении эти колонии приобретают как в качестве покупателей, так и продавцов, такое колоссальное значение для мирового рынка, на которое только способ-

¹¹⁴ Там же. С. 42.

но плодотворное, не обремененное никакими сильными тяготами современное сельское хозяйство»¹¹⁵.

В то же время Каутский подчеркивает уникальность доминионов, отсутствие предпосылок для подобных государственных образований в рамках какого-либо империализма, кроме британского: «Такой союз государств является, безусловно, носителем богатого будущего, он может также многому научить в нашу эру империализма. Но создать по этому образцу такой же союз из колониальных областей – невозможно по той причине, что помимо тропических стран нет свободной земли, которая могла бы перейти во владение европейской державы, и климат которой позволял бы европейцу исполнение физического труда без ущерба для здоровья. Англия может когда-нибудь лишиться этого столпа, но никогда он не будет служить опорой другой колониальной державе»¹¹⁶.

Но даже и для Индии К.Каутский видит пользу от английского империализма. И это несмотря на то, что «когда европейцы в 15-м веке пришли в Индию, индусы во многом превосходили их. Снабженная в изобилии всеми сырыми материалами, в которых нуждалось ее производство, имея к своим услугам искусных и трудолюбивых рабочих, эта колоссальная по размерам страна сама все производила для удовлетворения своих потребностей, и еще оставался большой излишек продуктов, которые охотно покупались культурными народами, индусы сами не нуждались в их изделиях. Результатом было то, что их вывоз долгое время оплачивался почти только благородными металлами. Уже с незапамятных времен не прерывался приток благородных металлов в Индию, скопившихся там в горы сокровищ»¹¹⁷.

Каутский видит пользу для Индии от нахождения в составе Британской империи в том, что именно это политическое состояние позволило индусам почувствовать себя единой нацией, положило конец внутренним военным конфликтам, дало единый язык – английский.

¹¹⁵ Там же. С. 43.

¹¹⁶ Там же. С. 48-49.

¹¹⁷ Там же. С. 49-50.

«Индусские националисты, несомненно, стремятся к тому, чтобы освободиться от английского гнета, но не путем замены его другим. В настоящее время английское господство обеспечивает Индии постоянный мир. В пределах самой Индии не существует на каждом шагу, как в Европе, таможенных границ. Английский язык и преподавание на английском языке стали связующим национальным звеном. Интеллигенция различных религий, племен и языков изучает поголовно английский язык, и он является на ее конгрессах общим для нее языком. Стремления индусских националистов направлены сейчас не к разрыву с Англией, а к завоеванию себе, в пределах британского союза государств, более широких свобод, парламентского представительства, как для провинций, так и для государства в целом, чтобы парламент Индии имел право издавать законы и определять размеры и применение налогов. Их конечная цель – конституция наподобие австралийской, и они полагают, что их дальнейшее пребывание в британском союзе, после того, как они достигнут этой цели, даст им одни только выгоды»¹¹⁸.

И после периода британского владычества Индия предстает уже качественно иным государством, способным на единство и независимость.

«Желание овладеть или создать такую мировую империю близко сердцу империалистов всех стран. У нас нет полной уверенности, суждено ли Англии навсегда сохранить за собой эту мировую империю, но нет сомнений, что никакая другая нация не может создать себе подобной империи. Есть только одна Индия. Англия может лишиться ее. Но Индия никогда, как целое государство, не может перейти во владение другой иноземной державы»¹¹⁹.

Такая проповедь цивилизаторской миссии Англии в Индии весьма сомнительна, в силу того, что озвучена марксистом, что также вызывало резкую критику К. Каутского В.И. Лениным. Индия вполне могла бы развиваться без Англии. И об этом не только писали впоследствии М. Ганди и Д. Неру, но

¹¹⁸ Там же. С. 55-56.

¹¹⁹ Там же. С. 57.

и сам К. Каутский начинает рассказ об Индии с того, что «когда европейцы в 15 веке пришли в Индию, индусы во многом превосходили их». И завершение рассказа о том, что англичане «значительно более угнетали рабочие массы, чем прежние деспоты» описанием того, что в конечном итоге это явилось благом для Индии, выглядит непоследовательно.

К. Каутский касается и раздела Африки Францией, Германией и Англией. «С начала 1880-х годов Франция стала вести энергичную колониальную политику. В 1881 году она заняла Тунис, в следующем году она снарядила экспедицию в Мадагаскар и одновременно предприняла войну за обладание Тонкином. С тех пор она овладела громадными территориями, особенно в Африке. В 1871 году французские владения в Африке достигали 900 тысяч кв. километров. В настоящее время они занимают территорию в 6,25 млн. кв. км. (вместе с Мадагаскаром, не считая 4 млн. кв. км. ее «сферы влияния» в Сахаре). Все население французских владений в Африке равнялось в 1871 г. 3 милл., сейчас оно составляет 33 миллиона»¹²⁰. «Вслед за Францией, Германия стала в середине 80-х годов обнаруживать стремление к приобретению колоний. В настоящее время немецкие колонии возросли почти до 3 млн. кв. км., из них 2700000 в Африке, с населением 13 млн. человек»¹²¹. «Англия также принимает участие в разделе Африки. Занятие Египта, предпринятое ею, главным образом, для обеспечения себе пути в Индию через Суэцкий канал, а также в ее южно-африканские владения, давало ее денежному капиталу весьма важные опорные пункты, и развитие Англии быстро продвинулось вперед. Без Египта, который формально не был английским, английские владения в Африке занимали в 1890 г. Территорию в 2 млн. кв. км., а в настоящее время 5775000 кв. км. Число подчиненного населения поднялось с 4,5 до 33 миллионов. За пределами Африки Англия приобрела очень мало новых колоний»¹²².

¹²⁰ Там же. С. 60.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. С. 61.

С различными оговорками, но К. Каутский признает, что именно империализм явился причиной мировой войны: «Не смотря на сравнительно второстепенное значение большинства африканских владений для промышленности метрополии, соперничество из-за африканских областей способствовало в немалой степени всеобщему вооружению и уже несколько раз почти доводило до всемирной войны. Но каждый раз в решительный момент заинтересованные державы приходили к заключению, что объект не стоит такой громадной жертвы, как мировая война, и конфликт разрешался мирным путем»¹²³.

Но постоянное наращивание военной мощи империалистическими государствами все же не могло не привести к войне: «Империализм – виновник мировой войны, потому что он служил побудительной причиной соперничества в вооружении, втянувшего, естественно, в свой круг все крупные державы, независимо от того, побуждают ли их к этому империалистические мотивы или нет. Это состязание в вооружении должно было неминуемо привести к войне, если бы оно не было вовремя приостановлено – даже при условии, если бы все спорные империалистические пункты удалось уладить путем мирных соглашений»¹²⁴.

Материалы, использованные Каутским, давали ему возможность сделать выводы об антинародной сущности империализма, но он их не сделал, что дало Ленину повод называть его адвокатом империализма.

В 1914 году К. Каутским была выдвинута теория ультраимпериализма, которая отрицает ленинское положение о том, что империализм — последняя стадия развития капитализма, канун социальной революции пролетариата, признавая возможность наступления вслед за империализмом следующей фазы развития капитализма, которая именуется ультраимпериализмом. «Сильная конкуренция гигантских предприятий, гигантских банков и миллиардеров порождает идею о картелях финансовых королей, поглощающих более слабых. Так

¹²³ Там же. С. 62.

¹²⁴ Там же. С. 74.

может случиться и в настоящей мировой войне между империалистскими великими державами. Союз сильнейших из них может положить конец соперничеству в вооружении. Исходя из чисто экономической точки зрения, не исключена возможность того, что капитализм пройдет еще одну фазу. Система картелирования будет перенесена во внешнюю политику. Наступит фаза сверхимпериализма»¹²⁵.

Методологически и политически теория ультраимпериализма — продолжение теории империализма Каутского, трактующей империализм как особого рода политику, а именно политику развитых промышленных держав, направленную на захват аграрных территорий. Такой же односторонней теорией, основанной на отрыве политики империализма от его экономики, является и теория ультраимпериализма, в соответствии с которой на основе интернационального характера монополистического капитала якобы возможны ненасильственные, неимпериалистические межгосударственные отношения между великими капиталистическими державами. Каутский считал, что ультраимпериализм — политика главнейших капиталистических держав по совместной эксплуатации мира интернационально объединённым финансовым капиталом. Образование единого всемирного картеля, по утверждению Каутского, приведёт к устранению межимпериалистических противоречий и тем самым устранил опасность мировых войн между капиталистическими странами¹²⁶.

Критикуя введение К. Каутским термина «ультраимпериализм» В.И. Ленин писал: «Совершенно такой же реакционный характер носит пресловутая теория «ультраимпериализма», сочинённая Каутским. Сравните его рассуждение на эту тему в 1915 году с рассуждением Гобсона в 1902 году:

Каутский: «...Не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистской, которая поставит на место борьбы национальных финансовых

¹²⁵ Каутский К. Империализм // К. Каутский. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991. С. 20.

¹²⁶Афанасьев В.С. Ультраимпериализма теория dic.academic.ru > dic.nsf/bse/142776/... (дата обращения 15.05.2011 года).

капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединённым финансовым капиталом? Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет ещё достаточных предположений».

Гобсон: «Христианство, упрочившееся в немногих крупных федеральных империях, из которых каждая имеет ряд нецивилизованных колоний и зависимых стран, кажется многим наиболее законным развитием современных тенденций и притом таким развитием, которое дало бы больше всего надежды на постоянный мир на прочной базе интеримпериализма».

Ультраимпериализмом или сверхимпериализмом назвал Каутский то, что Гобсон за 13 лет до него назвал интеримпериализмом или междуимпериализмом. Кроме сочинения нового премудрого словечка, посредством замены одной латинской частички другою, прогресс «научной» мысли у Каутского состоит только в претензии выдавать за марксизм то, что Гобсон описывает, в сущности, как лицемерие»¹²⁷.

С этим мнением В.И. Ленина вряд ли можно согласиться, учитывая то, что Д. А. Гобсон пишет о попытке создания утопической по сути и лицемерной по содержанию псевдохристианской идеологии империализма, а К. Каутский фактически предсказывает то, что сегодня, в начале 21 века, начинает принимать уже зримые очертания.

С другой стороны – сегодня в определенной мере свершилось то, о чем Каутский писал, как о фантастической возможности – единая Европа, интернационально-объединенный финансовый капитал. Но угроза мировых войн не отошла безвозвратно в прошлое, так как в качестве новых активных действующих лиц на мировой арене появляются государства, которые во время Каутского были колониями или полуколониями, затем странами «третьего мира», а сегодня пытаются активно участвовать в процессах передела сфер влияния в мире.

¹²⁷ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 27. М.,1962.

В том числе здесь можно говорить и о роли экстремистских исламистских межгосударственных объединений. В то же время нельзя не учитывать и того, что то, что Каутский называл «ультраимпериализмом» сегодня приблизилось, но не наступило.

По мнению Каутского, в итоге борьбы национальных финансовых капиталов образуется единый интернациональный финансовый капитал. Задача рабочего класса будет состоять в том, чтобы заменить капиталистов, руководящих всемирным трестом, руководителями из рядов пролетариата, и социалистическая революция будет совершена. Однако, говорил К. Каутский, пока стадия ультраимпериализма не наступила, условия для социалистической революции не созрели¹²⁸. Судя по логике работ Каутского, такие условия могут созреть только теоретически, никогда не став реальностью.

Учение К. Каутского об империализме и ультраимпериализме в целом внесло свой вклад в развитие учения об империализме в начале 20 века. Его слова об общей эксплуатации мира интернационально-объединённым финансовым капиталом в начале 21 века звучат вполне современно. Будет вполне оправданным утверждение, что противоречия, непоследовательность и недоговоренности, описанные выше, не умаляют значимости общего вклада К. Каутского в развитие теории империализма.

При внимательном рассмотрении мы увидим, что теоретики империализма предполагали неизбежным в будущем создание единого государства, разница была лишь в том, какой они видели форму управления им. Как писал Д.А. Гобсон, «международные договоры, международный кредит и обмен, общая почтовая, а в более узких границах – и общая железнодорожная система, не говоря уже о конвенциях и конференциях, которыми обеспечивается согласованность международных действий, наконец, все неписанные законы о войне, о международной учтивости, о посольствах, консульствах и тому

¹²⁸ [История экономических учений](http://istoria019.html), М., 1963 ekoslovar.ru › istoria019.html (дата обращения 16.05.2011 года).

подобных учреждениях – все это покоится на основе признания некоторых взаимных обязанностей, нарушение которых наказывается потерей прав наиболее благоприятствуемого государства, бойкотом и, быть может, даже соединенным вмешательством других государств. В этих институтах мы видим начало действительной международной федерации и зачатки легальных санкций для установления и закрепления ее прав»¹²⁹.

Современные глобализационные процессы во многом отличаются от того империализма, который описывали эти авторы, но они выросли из него, являются его производным. Авторы работ, которые были выше рассмотрены, являлись не только теоретиками. Некоторые из них, в первую очередь, В.И. Ленин, были и крупнейшими политическими деятелями, оказавшими огромное влияние на весь ход мировой истории. Поэтому знакомство с их трудами, представляется необходимым для человека желающего иметь широкое представление о мире, в котором он живет и осуществляет свою профессиональную деятельность, и границы которого становятся все более условны.

¹²⁹ Там же. С. 140-141.

Глава II.

Духовные поиски английских писателей конца XIX – XX в.

Англия – главный центр империализма рубежа XIX–XX веков, но совсем скоро центры были перенесены в Германию и СССР, а затем в США, и это не могло не наложить свой отпечаток на творчество тех, кто писал, будучи подданным английской короны, живя в метрополии имеющей глобальный характер Британской империи. Им нужно было ответить на вызовы именно той эпохи, но при этом они часто использовали образы мифологии разных народов. Например, К.С. Льюис проповедовал Христа, но с помощью художественных образов, иногда не говоря о Нем прямо, но при этом так, чтобы тронуть сердца многих из тех, кого не трогали выхолощенные богословские трактаты, а Библия виделась текстом, не имеющим отношения к их жизни.

Как именно империализм влиял на творчество писателей? Тот же К.С. Льюис в «Космической трилогии», а конкретно в «Мерзейшей мощи» говорит о «двух Англиях»: «Понимаете, есть Британия, а в ней, внутри Логрис. Разве вы сами не замечали, что есть две Англии? Рядом с Артуром – Мордред, рядом с Мильтоном – Кромвель, народ поэтов – и народ торговцев, страна сэра Филипа Сидни – и Сесила Родса. Надо ли удивляться, что нас считают лицемерами? Это не лицемерие, это борьба Британии и Логриса».

Можно видеть в этих словах совсем не то, что вижу я: не намек на реальную Британскую империю и идеальную Англию, которую искал в ней писатель, и эта точка зрения также может иметь место – на то и существуют художественные произведения. Дело в том, что в ранних своих произведениях и записях К.С. Льюис не касался проблем глобального мира; не знаю, употреблял ли он вообще термин «империализм»; но роль, место и значение личности в глобальном мире в той или иной степени рассматриваются в разных его произведениях, в первую очередь, в «Космической трилогии». Уже то, что становление Льюиса как поэта происходило во время Первой ми-

ровой, свидетельствует о влиянии на него новой глобализации: как может не влиять империализм на участника империалистической войны, хотя бы опосредованно?

Английские писатели, о которых ниже пойдет, жили и творили в контексте общего развития процессов глобализации, которые изменили роль Британской империи («страны в которой не заходит Солнце») и поставили её на место государства, не имеющего значительного геополитического потенциала (в отличие от таких стран как Россия /Советский Союз/, США, Германия) и вынужденного отказаться от прежней колониальной политики. Это не могло не наложить отпечаток на их творчество.

Рубеж XIX – XX веков характеризовался развитием глобализационных империалистических процессов¹³⁰. Британская империя была с одной стороны на пике своего могущества; с другой – стремительно приближалась к своему закату. Воспевание цивилизаторской миссии Британии, апология империализма, представляемого как добровольное мученичество для «спасения» «отсталых наций», наверное, лучше всего выражены в небольшом стихотворении «Бремя Белого Человека», написанном в самом конце XIX века Редьярдом Кипплингом:

«Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –

¹³⁰ Подробнее об этом см.: Федотов А.А. Формирование учения об империализме в начале XX века. Иваново, 2011; Федотов А.А. Проблемы империализма в книге Розы Люксембург «Накопление капитала» // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2012. № 1-2(5-6); Федотов А.А. Учение об империализме в работах В.И. Ленина // Актуальные вопросы образования и науки. Научный журнал. Москва - Архангельск. 2010. № 5-6. Ноябрь. С. 72-77; Федотов А.А. Учение об империализме в одноименной книге Д. А. Гобсона // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2011. № 1-2. С. 4-10; Федотов А.А. Империализм начала XX века в формировании геополитики начала XXI века // Философия хозяйства. 2013. № 6(90). С. 214-223; Федотов А.А. Февральская буржуазная революция 1917 года в контексте формирования новой государственности в мире // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 1-2(9-10) и др.

На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

<...>

Неси это гордое Бремя –
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
"Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!"»¹³¹

И в это же время многие английские писатели чувствовали приближение катастрофы, краха старого мира. Особенно острым стало ощущение, что подлинная радость и счастье находятся за пределами категорий, которые большинство англичан того времени считали единственно реальными. Появляются прекрасные произведения, в которых с одной стороны – тоска по недоступному Раю, с другой – утверждение, что Рай не где-то далеко, он всегда рядом, просто нужно суметь его увидеть.

Интересно отметить, что эта тоска по Раю сквозит и в произведениях некоторых авторов совсем далеких от христианства по своим взглядам. И в то же время – многие английские авторы пишут об аде, поднявшемся на землю, на которой забыли про Бога.

Впрочем, наверное, на что бы мы не смотрели, мы видим это через наши стереотипы и особенности восприятия, видим себя в других. И в этой связи и сегодня особенно актуален опыт английских писателей рубежа XIX – XX веков, готовых, говоря словами Гилберта Честертона «пройти сквозь огонь, чтобы добыть первоцвет» в поиске себя настоящих в мире, в котором, как писал Романо Гвардини «постепенно исчезает

¹³¹ Цит. по: <http://klock.livejournal.com/122502.html> (дата обращения 6 ноября 2013 года)

чувство собственного бытия человека и неприкосновенной сферы “личного”, составлявшее прежде основу социального поведения»¹³². Сегодня, когда процессы глобализации предельно заострены, когда англосаксонский мир распространяет свое влияние и через культурный империализм, этот опыт ценен, как показатель точек соприкосновения и разрыва глобализма и традиции, которые могут стать основой для понимания происходящих в начале третьего тысячелетия процессов.

Еще Джонатан Свифт писал, что «развращенный разум пожалуй хуже какой угодно звериной тупости»¹³³; нацистские, да и не только нацистские концентрационные лагеря со всей убедительностью подтвердили правоту этого утверждения. Казалось, что все большее количество людей в мире стремятся «освободиться» от себя настоящего и превратиться в созданного воображением Роберта Стивенсона «мистера Хайда»¹³⁴, духовного родственника созданного фантазией М.А. Булгакова товарища Шарикова.

Стивенсон описывает Хайда как монстра: «в нем нет ничего человеческого! Он более походит на троглодита. А может быть, это случай необъяснимой антипатии? Или все дело в том, что чернота души проглядывает сквозь тленную оболочку и страшно ее преображает?»¹³⁵ Первое появление Хайда в повести, происходит, конечно, не так, чтобы внушить к нему симпатию. Увидевший его рассказывает: «вдруг я увидел целых две человеческие фигуры: в восточном направлении быстрой походкой шел какой-то невысокий мужчина, а по поперечной улице опроретью бежала девочка лет девяти. На углу они, как и можно было ожидать, столкнулись, и вот тут произошло нечто непередаваемо мерзкое: мужчина хладнокровно наступил на упавшую девочку и даже не обернулся на ее громкие стоны. Рассказ об этом может и не произвести большого

¹³² *Гвардини Р.* Конец Нового времени www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения 03 октября 2013 года)

¹³³ *Свифт Д.* Путешествия Гулливера. Москва-Ленинград, 1932. С. 516.

¹³⁴ *Стивенсон Р.Л.* Странная история доктора Джекила и мистера Хайда.// Повести. М., 2010.

¹³⁵ *Стивенсон Р.Л.* Указ. соч. С. 416.

впечатления, но видеть это было непереносимо. Передо мной был не человек, а какой-то адский Джаггернаут¹³⁶»¹³⁷.

Но как реагируют свидетели этого события? «Я сразу же проникся к этому молодчику ненавистью и омерзением. И родные девочки тоже, что, конечно, было естественно. Однако меня поразил врач. Это был самый обыкновенный лекарь, бесцветный, не молодой и не старый, говорил он с сильнейшим эдинбургским акцентом, и чувствительности в нем было не больше, чем в волынке. Так вот, сэр. С ним случилось то же, что и со всеми нами, – стоило ему взглянуть на моего пленника, как он бледнел от желания убить его тут же на месте. <...> И все это время мы с трудом удерживали женщин, которые были готовы растерзать его точно фурии»¹³⁸. В итоге они не сдают его полиции, а вымогают с него достаточно крупную сумму денег; их не останавливает, что предъявленный им банковский чек подписан человеком одному из них известным; объясняется это так: «чем подозрительнее дело, тем меньше я задаю вопросов»¹³⁹.

И здесь стоит остановиться и задуматься: а каков «нормальный» европеец Нового Времени?

Э.Т.А. Гофман пишет о реакции матери на смерть Цахеса Циннобера – уродца, прихотью феи вознесенного на вершину власти в княжестве: «Так нельзя ли мне, – сказала старуха, и у нее на глаза навернулись слезы, – нельзя ли мне по крайности взять моего бедного малыша в передник и отнести домой? У нашего пастора много хорошеньких чучел – птичек и белочек; он набьет и моего крошку Цахеса, и я поставлю его на шкаф таким, как он есть, в красном камзоле, с широкой лентой и звездой на груди, на вечное поминовение!»¹⁴⁰.

¹³⁶ Термин, который используется для описания проявления слепой непреклонной силы, для указания на кого-то, кто неудержимо идет напролом, не обращая внимания на любые препятствия.

¹³⁷ *Стивенсон Р.Л.* Указ. соч. С. 399.

¹³⁸ *Стивенсон Р.Л.* Указ. соч. С. 400.

¹³⁹ *Стивенсон Р.Л.* Указ. соч. С.402-403

¹⁴⁰ *Гофман Э.Т.А.* Крошка Цахес по прозвищу Циннобер // Романтические фантазии. Том I. М., 1993. С. 80.

В. Гауф пишет о том, что увидев обезьяну, которую принимали за человека, «проживающий по соседству ученый, у которого был настоящий музей предметов натуральной истории и целая коллекция чучел животных, подошел поближе, внимательно посмотрел на него и с удивлением воскликнул:

- Господи, Боже мой, милостивые государи и милостивые государыни, как вы допустили это животное в порядочное общество? Да ведь это же обезьяна *Homo Trogloditus Linnaei*. Уступите его мне, я тут же дам вам шесть талеров, сдору с него шкуру и набью его чучело для своей коллекции»¹⁴¹. И в немецких концентрационных лагерях гитлеровской Германии таким же было и отношение администрации лагерей к заключенным, которых они не считали людьми.

«Приличные люди» Нового Времени, не видящие в себе Хайда, с верой в свое высокое предназначение шли к страшным катастрофам XX века, разрушая традицию, и под видом веры в высокое предназначение человека, строя башню дегуманизации...

Процесс дегуманизации, как кажется многим, приобретает необратимые формы. В этой связи показательно творчество Джорджа Оруэлла. В 2013 году в «Российской газете» Вячеслав Недошивин писал: «Мне же главный специалист “по Оруэллу” Виктория Чаликова, за полгода до своей смерти, сказала странную вещь: “Честно говоря, я бы не хотела, чтобы мы осмыслили Оруэлла до дна. Это может произойти только тогда, когда общество убедится: та альтернатива, какую сегодня предлагает идейный авангард этого общества, альтернатива тоталитаризму, она тоже не гуманистична, не даст простому человеку того, что он хочет...”»¹⁴²

Пониманию антиутопии Д. Оруэлла может помочь методологический принцип «С точностью наоборот», разработанный иеромонахом Михаилом (Чепелем): «Умело поданную ложь по недоступности понимания можно сравнить с высшей

¹⁴¹ Гауф В. Молодой англичанин // Романтические фантазии. Том I. М., 1993. С. 291.

¹⁴² Недошивин В. Оруэлл 2013. <http://www.rg.ru/2013/06/25/oruell.html> (дата обращения 25.06.2016 года)

математикой. Хотя столь благородная наука здесь ни при чем. Те, кто хочет вас обмануть, стремятся, чтобы у вас не было критической оценки того, что они говорят и пишут. Они используют ложь, запугивание, формирование различных фобий, подмену понятий. <...> Закон “С точностью наоборот” необратим, так как является классическим выражением борьбы противоположностей (но не их единства). В духовном мире диалектика Гегеля не работает: Свет не может быть единым с тьмой, дуализм неприемлем для христианского сознания. Дьявол не способен создавать. Он – разрушитель. Разрушать он может то, что создано не им. Именно это обстоятельство помогает видеть действие закона “С точностью наоборот”»¹⁴³.

И вот герои Оруэлла живут в мире без Бога, в мире без надежды, без смысла, без любви и без правды; своего рода – аде, которому, как верит большинство его обитателей, нет ни конца, ни альтернативы. Мир бесконечной войны трех империй, в которой не будет победителей, войны, направленной на поддержание стабильно плохого положения в мире.

Регулярное упражнение обитателей одной из этих трех империй – Океании – двухминутка ненависти: «И вот из большого экрана в стене вырвался отвратительный вой и скрежет – словно запустили какую-то чудовищную несмазанную машину. От этого звука вставали дыбом волосы и ломило зубы. Ненависть началась».

Как всегда на экране появился Эммануэль Голдстейн. Зрители зашикали. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами вскрикнула от страха и омерзения. Голдстейн, отступник и ренегат, когда-то, давным-давно (так давно, что никто уже и не помнил когда), был одним из руководителей партии, почти равным самому Старшему Брату, а потом встал на путь контрреволюции, был приговорен к смертной казни и таинственным образом сбежал, исчез. Программа двухминутки каждый день менялась, но главным действующим лицом в ней всегда был Голдстейн»¹⁴⁴.

¹⁴³ Михаил (Чепель), иеромонах. С точностью наоборот. Записки на полях. М., 2015. С. 19-20.

¹⁴⁴ Оруэлл Д. 1984 // Д. Оруэлл. 1984. Скотный двор. М., 2011. С. 15.

В мире, где ценность человеческой личности уничтожена, образ зла персонифицирован; персонифицирован в нем и образ «добра»: «Но тут же с облегчением вздохнули: фигуру врага заслонила наплывом голова Старшего Брата, черноволосая, черноусая, полная силы и таинственного спокойствия, – такая огромная, что заняла весь экран. <...> Тут все собрание принялось медленно, мерно, низкими голосами скандировать: “ЭС-БЭ!.. ЭС-БЭ!.. ЭС-БЭ!..” – снова и снова, вразтяжку, с долгой паузой между “ЭС” и “БЭ”, и было в этом тяжелом волнообразном звуке что-то первобытное – мерещился за этим топот босых ног и рокот больших барабанов. Продолжалось это с полминуты. Вообще такое нередко происходило, когда чувства достигали особого накала. Отчасти это был гимн величию и мудрости Старшего Брата, но в большей степени самогипноз – люди топили свой разум в ритмическом шуме»¹⁴⁵.

Аллюзии с И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким достаточно очевидны, впрочем, Голдстейн показывается Оруэллом отнюдь не гуманистом.

И дело не только в назвавшем себя его последователем О'Брайене, «члене внутренней партии, занимавшем настолько высокий пост, что Уинстон (*главный герой романа – А.Ф.*) о нем имел лишь самое смутное представление. <...> Лет за десять Уинстон видел О'Брайена, наверное, с десятков раз. Его тянуло к О'Брайену, но не только потому, что озадачивал этот контраст между воспитанностью и телосложением боксера-тяжеловеса. В глубине души Уинстон подозревал, а может быть и не подозревал, а лишь надеялся, что О'Брайен политически не вполне правоверен. Его лицо наводило на такие мысли. Но опять-таки возможно, что на лице было написано не сомнение в догмах, а просто ум»¹⁴⁶. Вопросы, которые задает О'Брайен пришедшим к нему Уинстону и Джулии, показывают, что те, кто якобы сопротивляется системе, являют собой ничуть не меньшее зло, чем она сама: готовы ли они совершить убийство, совершить вредительство, которое будет стоить жизни сотням ни в чем не повинных людей, изменить родине

¹⁴⁵ Там же. С. 19.

¹⁴⁶ Там же. С. 15.

и служить иностранным державам, обманывать, совершать подлоги, шантажировать, растлевать детские умы, распространять наркотики, способствовать проституции, разносить венерические болезни, плеснуть серной кислотой в лицо ребенку»¹⁴⁷.

Мир без Бога – это еще и мир без прощения...

К чему же стремится этот мир? Пытающийся Уинстона О'Брайен говорит ему: «какой мир мы создаем? Он будет полной противоположностью тем глупым гедонистическим утопиям, которыми тешились прежние реформаторы. Мир страха, предательства и мучений, мир топчущих и растоптанных, мир, который совершенствуясь, будет становиться не менее, а более безжалостным; прогресс в нашем мире будет направлен к росту страданий. Прежние цивилизации утверждали, что они основаны на любви и справедливости. Наша основана на ненависти. В нашем мире не будет иных чувств, кроме страха, гнева, торжества и самоуничужения. Все остальные мы истребим»¹⁴⁸. Аду не нужны мученики, мучения которых могут вырвать их из него; ему нужны те, чьи мучения станут вечными, и они добровольно согласятся на них. Тот же О'Брайен говорит Уинстону: «Когда вы нам сдадитесь, вы сдадитесь по собственной воле. Мы уничтожаем еретика не потому, что он нам сопротивляется; покуда он сопротивляется, мы его не уничтожим. Мы обратим его, мы захватим его душу до самого дна, мы его переделаем. Мы выжжем в нем все зло, и все иллюзии; он примет нашу сторону – не формально, а искренне, умом и сердцем. Он станет одним из нас, и только тогда мы его уьем. Мы не потерпим, чтобы где-то в мире существовало отклонения даже в миг смерти»¹⁴⁹. И в конце книги Уинстон в момент расстрела «любит Старшего Брата»¹⁵⁰.

Столь же безнадежен и конец сказки-притчи «Скотный двор»: захватившие власть на ферме свиньи, вместо освобождения принесли животным еще более жестокое угнетение.

¹⁴⁷ Там же. С. 149.

¹⁴⁸ Там же. С. 232.

¹⁴⁹ Там же. С. 221.

¹⁵⁰ Там же. С. 258.

Они установили деловые связи с соседними фермами, и один из приехавших на устроенный свиньями прием фермер говорит: «Он надеется не погрешить против истины, если скажет, что на Скотном Дворе низшие животные работают больше, а кормов получают меньше, чем на любой другой ферме. Словом, и ему и его друзьям довелось увидеть много такого, что они безотлагательно введут на своих фермах. <...> Интересы свиней и людей никоим образом не противоречат друг другу. У них одни и те же цели, одни и те же трудности. Разве проблемы рабочей силы не везде одинаковы?»¹⁵¹.

В финале «Скотного двора» Джорджа Оруэлла персонажи «переводили взгляд со свиньи на человека, с человека на свинью и снова со свиньи на человека, но угадать, кто из них кто, было невозможно»¹⁵². Вообще, его антиутопии – пророческое предостережение о том, что несет с собой глобализация – дегуманизацию, безнадежность и вечное царство зла, вне зависимости от того, кто бы не пришел к власти.

И в этом ему вторит Олдос Хаксли. «Дивный новый мир» без Христа становится миром антихриста, вне зависимости от того, какова его олигархия. Открывается книга экскурсией студентов по «Центрально-Лондонскому инкубаторию и воспитательному центру» – месту, где Мировое Государство делает людей из пробирок и моделирует их по своему усмотрению; при этом наибольшим успехом считается постановка производства одинаковых людей на конвейер: «Девяносто шесть тождественных близнецов, работающих на девяносто шести тождественных станках, – Голос у Директора слегка вибрировал от воодушевления. – Тут уж мы стоим на твердой почве. Впервые в истории. “Общность, Одинаковость, Стабильность”, – проскандировал он девиз планеты. Величественные слова»¹⁵³.

«Отец» и «мать» стали неприличными словами; семьи нет; поощряются беспорядочные связи с раннего детства и до

¹⁵¹ Оруэлл Д. Скотный двор // Д. Оруэлл. 1984. Скотный двор. М., 2011. С. 348.

¹⁵² Оруэлл Д. Скотный двор // Д. Оруэлл. 1984. Скотный двор. М., 2011. С. 350.

¹⁵³ Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2011. С. 13

самой смерти; сама возможность для женщин к зачатию находится под жестким контролем Мирового Государства.

«Идеальное» общество отнюдь не гуманистично. Его Главноуправители без всяких сомнений идут, например, на такие эксперименты: «По распоряжению Главноуправителей Мира остров Кипр был очищен от всех его тогдашних обитателей и заново заселен специально выращенной партией альф численностью в двадцать две тысячи. Им дана была вся необходимая сельскохозяйственная и промышленная техника и предоставлено право самим вершить свои дела. Результат в точности совпал с теоретическими предсказаниями. Землю не обрабатывали как положено; законы и в грош не ставились, приказам не повиновались; все альфы, назначенные на определенный срок выполнять черные работы, интриговали и ловчили как могли, чтобы перевестись на должность почище, а те, кто сидел на чистой работе, вели встречные интриги, чтобы любым образом удержать ее за собой. Не прошло и шести лет, как разгорелась самая настоящая гражданская война. Когда из двадцати двух тысяч девятнадцать оказались перебиты, уцелевшие альфы обратились к Главноуправителям с единодушной просьбой снова взять в свои руки правление»¹⁵⁴.

Естественно, что в этом мире не нужна историческая память. «– Все вы помните, – сказал Главноуправитель своим звучным басом, – все вы, я думаю, помните прекрасное и вдохновенное изречение господина нашего Форда: «История – сплошная чушь». История, – повторил он не спеша, – сплошная чушь»¹⁵⁵.

Но человек, даже выращенный в пробирке, стремится к чему-то высшему; это стремление глушится легализованным наркотиком – сомой, внешне не дающим тяжелых последствий: «Наркотик получился идеальный. <...> Успокаивает, дает радостный настрой, вызывает приятные галлюцинации. <...> Все плюсы христианства и алкоголя и ни одного их минуса. <...> Захотелось, и тут же устраиваешь себе сом-отдых – отдых от реальности, – и голова с похмелья не болит потом, и не за-

¹⁵⁴ Хаксли О. Указ. соч. С.245-246

¹⁵⁵ Хаксли О. Указ. соч. С. 42-43

сорена никакой мифологией. <...> Это практически обеспечило стабильность»¹⁵⁶.

Главный герой романа «Дикарь» Джон в конце покончил с собой, словно пытаясь сказать, что будущее этого мира, мира, отвергнувшего Бога и традицию, безнадежно... Именно на поражении Джона, личности раздавленной глобальным миром, заканчивает он свой роман, словно пытаясь сказать, что будущее этого мира, мира, отвергнувшего Бога и традицию, безнадежно...

Даже право в таком мире становится правом буквы, а не духа, приобретая абсурдные черты. И это имеет свою большую историю. В своей книге «Путешествия Гулливера», впервые вышедшей в 1726 году, Джонатан Свифт дал оценку англосаксонской системе права, не потерявшую актуальность и сегодня: «Я сказал, что у нас есть целая корпорация людей смолоду обученных искусству доказывать при помощи пространных речей, что белое черно, а черное бело, соответственно деньгам, которые им за это платят. Эта корпорация держит в рабстве весь народ.

... В этом судебском сословии установилось правило, что однажды вынесенное решение может, по аналогичному поводу, применяться вновь; на этом основании они с великой заботливостью сохраняют все старые решения, попирающие справедливость и здравый смысл. Эти решения известны у них под именем прецедентов; на них ссылаются как на авторитет, для оправдания самых несправедливых мнений, и судьи никогда не упускают случая руководствоваться этими прецедентами. При разборе тяжб они тщательно избегают касаться сути дела; зато горячатся и кричат до хрипоты, пространно излагая обстоятельства, не имеющие к делу никакого отношения. ...они никогда не выразят желание узнать, какое право имеет мой противник на мою корову и какие доказательства этого права он может представить, но проявят величайший интерес к тому, рыжая корова или черная; длинные у нее рога или короткие; круглое ли поле, на котором она паслась, или четырехугольное; дома ли ее доят или на пастбище; каким бо-

¹⁵⁶ Хаксли О. Указ. соч. С 65-66

лезням она подвержена и т. п.; после этого они начнут справляться с прецедентами, будут откладывать дело с одного срока на другой и через десять, двадцать или тридцать лет придут наконец к какому-то решению.

Следует также принять во внимание, что это судейское сословие имеет свой собственный жаргон, недоступный пониманию обыкновенных смертных, на котором пишутся все их законы. Эти законы умножаются с таким усердием, что ими совершенно затемнена подлинная сущность истины и лжи, справедливости и несправедливости; поэтому потребовалось бы не менее тридцати лет, чтобы разрешить вопрос мне ли принадлежит поле, доставшееся мне от моих предков, владевших им в шести поколениях, или какому либо чужеземцу, жившему за триста миль от меня.

...во всем, не имеющем отношения к их профессии, они являются обыкновенно самыми невежественными и глупыми из всех нас, неспособными вести самый простой разговор, заклятыми врагами всякого знания и всякой науки, так же склонными извращать здравый человеческий смысл во всех других областях, как они извращают его в своей профессии»¹⁵⁷.

Даже те, кто внешне благополучны, не могут быть счастливы в мире, забывшем Бога. В этом смысле показательна «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф – картина респектабельного ада; послевоенного мира, где герои страдают в большей степени от внутренних, чем от внешних проблем. Интересно, что все события в романе, как и в «Улиссе» Д. Джойса происходят в течение одного дня; несмотря на то, что у Вирджинии Вулф знаменитые лондонские часы являются чуть ли не самостоятельным персонажем, возникает ощущение, что некоторые герои вышли за пределы времени, и их муки уже вечны... Главная героиня романа «Миссис Дэллоуэй» «Кларисса как-то сочинила целую теорию <...> Ей хотелось объяснить это чувство досады: ты никого не знаешь достаточно, тебя недостаточно знают. Да и как узнаешь другого? То встречаешь человека изо дня в день, то с ним полгода не видишься или годами. <...>

¹⁵⁷ *Свифт Д.* Путешествия Гулливера. Академия. Москва-Ленинград, 1932. С. 517, 519-522.

она сказала: она чувствует, что она всюду, сразу всюду. <...> И чтобы узнать ее или кого-то там еще, надо свести знакомство с кой-какими людьми, с которыми в жизни не перемолвилась словом <...> И вылилось это в трансцендентальную теорию, которая, при Клариссином страхе смерти, позволяла ей верить – или она только так говорила, будто верит (при ее-то скептицизме), что раз очевидное, видимое в нас до того зыбко в сравнении с невидимым, которое еще со стольким со многим связано – невидимое это и остается, возможно, в другом человеке каком-нибудь, в месте каком-нибудь, доме каком-нибудь, когда мы умрем»¹⁵⁸. То есть атеистка Кларисса фактически признает существование духов, которые «никогда не упустят случая напакостить, испортить человеку жизнь», а потом остаются «в другом человеке каком-нибудь, в месте каком-нибудь, доме каком-нибудь, когда мы умрем».

Смыслы слов в мире миссис Дэллоуэй извращены. Рассуждая сама с собой об учительнице дочери мисс Килман и Питере, она с точностью наоборот изменяет значение терминов. «Любовь и религия! – думала Кларисса, возвращаясь в гостиную, вся клокоча. <...> Самые жестокие две вещи на свете, думала она и так и видела их неуклюжесть, ярость, властность, каверзность, бесстыдство... <...> Разве сама она пыталась кого-нибудь обращать? Разве не желает она каждому, чтоб он был самим собою?»¹⁵⁹.

Джойс в «Улиссе» как в зеркале отразил постхристианский мир – бессмысленный, наполненный грехом, несчастьем, место вечного страдания, в котором даже один день и то никак не может закончиться, вмещающая в себя еще и отражение восприятия религии и истории, преломляющихся как в кривом зеркале сквозь призму восприятия обитателей этого сломанного мира и в таком искаженном состоянии в этот мир входящих...

Куда же можно деться от этого полного ужаса и безнадежности мира?

¹⁵⁸ Вулф В. Миссис Дэллоуэй // В. Вулф. Малое собрание сочинений. Спб., 2014С. 149-140

¹⁵⁹ Вулф В. Указ. Соч. С. 117

Уильям Моэм наглядно показывает в своих произведениях плоды греха, к которому стремится большинство людей – болезнь и смерть; показывает с удивительной художественной достоверностью, хотя, естественно, не ставил перед собой такой задачи. И он же наглядно показал, как самые красивые слова о Боге и спасении могут нести за собой совсем иной смысл, разрушая жизнь людей, в первую очередь, того, кто так бездумно их использует. А в то же время простые человеческие решения, если они движимы любовью, могут менять жизнь не только тех, кто их принял, но и тех, кто рядом с ними.

Итог многолетних духовных поисков писателя, честно пытавшегося понять сущность человеческой природы, смысл человеческой жизни – приближение к отвергнутому им в юности христианству, но без Христа и даже без Бога: «Доброта – единственная ценность, которая в нашем мире видимостей как будто имеет основания быть самоцелью. Добродетель сама себе награда. Мне стыдно, что я пришел к столь банальному выводу. При моей врожденной любви к эффектам я хотел бы закончить эту книгу каким-нибудь неожиданным парадоксом или циничной эпиграммой, которая дала бы читателю повод с усмешкой заметить, что он узнает мою манеру. А выходит, что мне почти нечего сказать сверх того, что можно прочесть в любых прописях или услышать с любой церковной кафедры. Я проделал долгий кружной путь, чтобы прийти к тому, что всем уже было известно»¹⁶⁰.

В своих тезисах Моэм очень созвучен с родившимся как и он в 1874 году Гилбертом Кийтом Честертоном. Результат долгих духовных поисков Честертонна – осознание того, что то, что он искал, всегда было рядом: «Я охотно сознаюсь во всех дурацких предрассудках конца XIX века. Как все важничающие мальчики, я пытался опередить век. Как они, я пытался минут на десять опередить правду. И я увидел, что отстал от нее на восемнадцать веков. По-юношески преувеличивая, я мучительно возвышал голос, провозглашая мои истины, – и был наказан как нельзя удачнее и забавнее: я сохранил мои исти-

¹⁶⁰ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 554-555.

ны, но обнаружил, что они не мои. Я вообразил, что я одинок, – и был смешон, ибо за мной стояло все христианство. Может быть, прости меня Господи, я пытался оригинальничать, но я создал только ухудшенную копию традиционной веры»¹⁶¹. И в то же время в отличие от Честертона Моэм не решается сделать дальнейшие шаги навстречу Христу.

Однако ему удастся от юношеского максимализма прийти к терпимости к людям. В «Острие бритвы» он говорит: «Когда я хорошо отношусь к человеку, я могу скорбеть о его грехах, но на мое отношение к нему это не влияет»¹⁶². А в «Подводя итоги» Моэм восклицает: «Люди страстны, люди слабы, люди глупы, люди жалки; обрушивать на них нечто столь грандиозное, как Божий гнев, представляется мне в высшей степени бессмысленным. Прощать людям их грехи не так уж трудно. Стоит поставить себя на их место, и почти всегда можно понять, что толкнуло их на тот или другой недозволенный поступок, а значит, и найти для них оправдание»¹⁶³.

Разум писателя остановил движения его души, что в итоге привело к трагическому ощущению нереальности собственной жизни: «Когда я оглядываюсь на свою жизнь с ее успехами и срывами, ее бесчисленными ошибками, ее обманами и свершениями, радостями и горестями, она кажется мне до странности нереальной. Она призрачна и невещественна. Может быть, мое сердце, нигде не найдя покоя, глубоко затаило древнюю жажду Бога и бессмертия, с которой мой разум не желал считаться»¹⁶⁴.

Уильям Сомерсет Моэм так и не прошел сквозь стену толщиной в листок папиросной бумаги, отделявшую его от веры, – ведь для его материалистического сознания она была также непроницаема, как была бы кирпичная. Но в своих кни-

¹⁶¹ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 360-361.

¹⁶² Моэм У.С. Острие бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 274.

¹⁶³ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 531.

¹⁶⁴ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 555.

гах он запечатлел искренний духовный поиск истины и добра, занявший у него не одно десятилетие. Поэтому его книги, которые сложно назвать светлыми и добрыми, но можно назвать честными, и не оставляли равнодушными миллионы читателей.

Грэм Грин написал роман «Сила и слава», наполненный внутренними конфликтами персонажей – на первый взгляд роман без положительных героев и, кажется, что и без надежды.

Но конец романа, когда главный герой пойман, приговорен к расстрелу, проводит накануне его ночь в мучительных терзаниях, показывает, что священнику удалось все-таки победить в себе страх смерти, столь долго его терзавший: «Какой я нелепый человек, – подумал он, – нелепый и никому не нужный. Я ничего не сделал для других. Мог бы и вовсе не появляться на свет». Его родители умерли – скоро о нем даже памяти не останется. Может быть, он и адских мук не стоит. Слезы лились у него по щекам; в эту минуту не проклятие было ему страшно, даже страх перед болью отступил куда-то. Осталось только чувство безмерной тоски, ибо он предстанет перед Богом с пустыми руками, так ничего и не свершив. В эту минуту ему казалось, что стать святым легче легкого. Для этого требовалось только немного воли и мужества. Он словно упустил свое счастье, опоздав на секунду к условленному месту встречи. Теперь он знал, что в конечном счете важно только одно – быть святым»¹⁶⁵.

Его смерть стала началом веры для мальчика, который демонстрировал свое отторжение от нее в протест религиозной матери, не умевшей найти к нему подхода. Мальчик спрашивает мать:

«– Он крикнул: “Viva el Cristo Rey”?

– Да. Он был мучеником Церкви»¹⁶⁶.

Оскар Уайльд пытался построить в своих произведениях выдуманный мир красоты, в который можно было бы уйти от

¹⁶⁵ Грин Г. Сила и слава. / Г. Грин. Брайтонский леденец. Сила и слава. Суть дела. Романы. М., 2009. С. 446

¹⁶⁶ Грин Г. Указ. соч. С. 454

ужасной реальности сформировавшегося империализма. Но торжество правды на этой поврежденной грехом земле не может быть постоянным, и в финале сказки «Мальчик звезда» Уайльд пишет о том, что правление этого мальчика, ставшего справедливым королем, было непродолжительным: «Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию – и спустя три года он умер. А преемник его был тираном»¹⁶⁷. Здесь писатель подчеркивает то, что земной рай – это утопия, тот, кто его строит должен осознавать земную недолговечность результатов его деятельности, которая имеет при этом онтологическое вневременное значение и подлинную оценку которой может дать только Бог.

В написанной в 1888 году, возможно, самой красивой сказке «Счастливый Принц» Оскар Уайльд описывает статую Счастливого Принца и Ласточку, отдавших все, что у них было, даже саму жизнь ради того, чтобы помочь тем, кто рядом с ними. «Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукояти его шпаги»¹⁶⁸. Но под этим великолепием статуя была из обычного материала, даже сердце ее было оловянным. И вот всю свою драгоценную внешность, даже свои глаза Счастливый Принц отдает погибающим от нужды, а Ласточка, чтобы помочь ему сделать это, не улетает на зиму в теплые края. «Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но, наконец, она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы – в последний раз взобраться Принцу на плечо. И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам. И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это раскололось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз»¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Уайльд О. Мальчик-звезда // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 378.

¹⁶⁸ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 265.

¹⁶⁹ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 272.

И Оскар Уайльд с удивительной художественной достоверностью показывает тот суд, который выносят Принцу и Ласточке люди, и какое определение о них Господа: «И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

– Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, – продолжал Мэр. – Он хуже любого нищего!

И расплавили статую в горне.

– Удивительно, – сказал Главный Литейщик. – Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

И повелел Господь Ангелу Своему:

– Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему Ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

– Правильно ты выбрал, – сказал Господь. – Ибо в Моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в Моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать Мне хвалу»¹⁷⁰.

А у Герберта Уэллса герой «Двери в стене», желающий выйти за границы реальной повседневности в волшебный мир, с детства его манивший, падает в яму и сворачивает себе шею. Но странным образом кажется, что автор сочувствует его поступку: «Но кто знает, что ему открылось?»¹⁷¹ Реальность же не давала писателю поводов для оптимизма. В эпилоге завершенного в 1895 году романа «Машина времени» он описывает отношение того, от лица кого ведется повествование, и путешественника во времени – к тем достижениям человеческого разума, которыми так гордился XIX век: «Я лично не могу поверить, чтобы наш век только начавшихся исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так по крайней мере думаю я. Что касается до

¹⁷⁰ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 273.

¹⁷¹ Уэллс Г. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964. С. 373.

него, то он держался иного мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей»¹⁷².

Уэллс понимал, что все эти страдания и катастрофы оставляют абсолютно равнодушными большинство из тех, кого не касаются непосредственно. «Игрок в крокет» заканчивается следующим показательным диалогом:

«– Но что значит крокет, – крикнул Нобрет нетерпеливо, – когда мир рушится у вас на глазах?

Он сделал такое движение, словно собирался преградить мне путь. Ему хотелось продолжить свои апокалиптические пророчества. Но я был сыт ими по горло.

Я посмотрел ему в глаза твердым, спокойным взглядом и сказал:

– А мне наплевать! Пусть мир провалится. Пусть возвращается каменный век. Пусть это будет, как вы говорите, закатом цивилизации. Очень жаль, но сегодня утром я ничем не могу помочь. У меня другие дела. Что бы там ни было, но в половине первого я, хоть тресни, должен играть с тетушкой в крокет!»¹⁷³

Однако этот мир жути не мог удовлетворить душу писателя, которая искала что-то светлое. Писатель всматривался в глобальный мир сформировавшегося империализма нового типа, в котором он жил, и мир этот не вселял радужных надежд. В каких-то из своих прозрений Герберт Уэллс достаточно близко подходил к христианскому взгляду на мир, но при этом его не принял. И прекрасно описанному научно-фантастическому аду смог противопоставить только смутную надежду на прекрасный мир «за дверью в стене». А вот вера в свободу воли человека и его возможность силой своих поступ-

¹⁷² Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 142.

¹⁷³ Уэллс Г. Игрок в крокет // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 12. М., 1964. С. 526.

ков менять мир вокруг – нашла в его произведениях гораздо меньшее отражение.

Многие английские писатели прямо утверждали, что подлинная цель бытия человека – за границами этого мира.

Льюис Кэрролл утверждал, что кошмар этого мира, его абсурд – всего лишь сон; мы способны проснуться от него, проснуться, чтобы стать причастными любви. Об этом говорят финалы его сказок об Алисе и менее известным читателям романа «Сильвия и Бруно». В первой из них «она вскрикнула полуиспуганно, полугневно, принялась от них отбиваться... и обнаружила, что лежит на берегу, головой у сестры на коленях, а та тихо смахивает у нее с лица сухие листья, упавшие с дерева»¹⁷⁴. А во второй сказке, в конце, Алиса «схватила Черную Королеву и стала трясти ее изо всех сил. Черная Королева и не думала сопротивляться, только лицо ее сморщилось и стало совсем маленьким, а глаза округлились и позеленели. Алиса все трясла и трясла ее, а Королева у нее в руках становилась все меньше... и мягче... и толще... и пушистее... и в самом деле оказалось, что это просто котенок!

– Ваше Чернейшее Величество зря так громко мурлычет, – сказала Алиса котенку почтительно, но и строго и протерла глаза. – Ты меня разбудила, Китти»¹⁷⁵.

А о цели этого пробуждения писатель недвусмысленно говорит в финале третьего своего произведения для детей – романе «Сильвия и Бруно», который он считал главной из написанных им книг:

«– Божье небо, – послушно повторил малыш. Они стояли рядом, взявшись за руки и глядя в лицо ночи. – Сильвия, скажи, пожалуйста, какая сила делает это небо таким ласково-синим?»

Губки Сильвии шевельнулись, словно отвечая что-то, но звук ее голоса донесся откуда-то издалека... Видение почти исчезло, но мне показалось, что в самый последний миг уже не

¹⁷⁴ Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. 111.

¹⁷⁵ Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. 230-231.

Сильвия, а ангел поглядел на него ее карими глазками, и голос ангела, а не Сильвии, прошептал: «ЛЮБОВЬ»¹⁷⁶.

Клайв Льюис устами своих героев прямо заявляет: «Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который лучше вашей реальной ямы. Я не предам игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии»¹⁷⁷. А тех, кто считает, что любовь и вера – глупые выдумки можно только пожалеть: «Они не дадут себе помочь. Они выбрали выдумку вместо веры. Их тюрьма – в их воображении, но они – в тюрьме. Я не могу вывести их наружу, потому что они слишком много думают о том, чтоб не дать себя провести»¹⁷⁸.

Писатель обличает распространившееся в западном мире восприятие религии, как чего-то прикладного, призванного удовлетворять «потребности» человека». В «Письмах к Малькольму» он писал: «Рабский страх, конечно, низшая из форм религии. Но бог, который ни при каких обстоятельствах не станет причиной даже для рабского страха, *безопасный* бог, ручной бог – фантазия, и здравый ум ее быстро разоблачит. Я не встречал людей, которые, совершенно отрицая существование ада, имели бы живую и животворящую веру в рай»¹⁷⁹.

В «Хрониках Нарнии» Льюис писал об Аслане, что это не ручной Лев. Вера, в которую человек не верит, вера, которая существует для него лишь для того, чтобы прикрыться ей, в итоге не преминет обличить и наказать кощунника. В завершающей серию книг писателя «Хроники Нарнии» «Последней битве», рассказывается об *Обезьяне*, который учил, что добро и зло – одно и то же, и мучительно погиб от вызванного им духа, в которого не верил.

Но там же мы видим и другой пример. Юноша – воин, всю жизнь искренне служил злу, полагая его добром, всю жизнь творил благородные поступки во имя этого зла. Но когда пе-

¹⁷⁶ Кэрролл Л. Сильвия и Бруно. М., 2011. С. 487.

¹⁷⁷ Льюис К.С. Серебряное кресло / Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., 2000. С. 95.

¹⁷⁸ Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 362-364.

¹⁷⁹ Льюис К. С. Письма к Малькольму // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. СПб., 2000. С. 391.

ред лицом смерти он оказывается рядом с воплощенным Добром (у Льюиса – Аслан) и Злом (у Льюиса – Таш), то зло не может его коснуться, а Добро говорит, почему принимает его: «Не потому я принял твое служение, что мы (добро и зло) – одно, а потому, что мы противоположны, я и она столь различны, что если служение мерзко, оно не может быть мне, а если служение не мерзко – не может быть ей. Итак, если кто клянется именем Таш и держит клятву правды ради, мной он клянется не ведая, и я вознагражу его. Если же кто-то совершит зло во имя мое, пусть говорит он “Аслан” – Таш он служит и Таш принимает его служение»¹⁸⁰.

Говоря о смерти, Льюис, оценивая весь ее ужас и неестественность для человеческой природы, тем не менее, пишет: «Это – спасение, ибо для падшего человека телесное бессмертие было бы ужасным. Если бы ничто не мешало нам прибавлять звено за звеном к цепям гордыни и похоти и класть камень к камню нашей чудовищной цивилизации, мы превратились бы из падших людей в истинных дьяволов, которых, быть может, и Богу не спасти. Люди должны свободно принять смерть, свободно склониться перед ней, испить ее до дна и обратиться в мистическое умирание, сокровенную основу жизни»¹⁸¹. «Но лишь Тому, Кто разделил добровольно нашу невеселую жизнь; Тому, Кто мог бы не стать человеком и стал Единым Безгрешным, дано умереть *совершенно* и тем победить смерть. Он умер *за нас* в самом прямом смысле слова, и поистине умер, ибо Он один поистине жил. Он, знавший изначально непрестанную и блаженную смерть послушания Отцу, принял во всей воле Своей, во всей полноте, столь ужасную для нас смерть тела. Предстательство – закон созданного Им мира, и потому смерть Его – наша смерть. Чудо Воплощения и Смерти Господней, не отрицая ничего, что мы знаем о природе, пишут комментарий к ней, и неразборчивый текст становится ясным»¹⁸².

¹⁸⁰ Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 315.

¹⁸¹ Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 235-236

¹⁸² Там же. С. 238.

О Воскресении Христа Льюис писал не только в философских трактатах, но и аллегорически, в форме его всемирно знаменитых сказок «Хроники Нарнии». Как он написал в первой, самой известной книге этой серии «Лев, колдунья и платяной шкаф» «когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле войдет тот, кто ни в чем не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается и сама смерть отступит перед ним»¹⁸³.

В этом с ним полностью созвучен Гилберт Честертон. Христианство для Честертонна – не отвлеченное понятие, а жизнь в Церкви, жизнь, которая шире любых философских систем: «Христианство смотрит на жизнь через тысячу окон, а древние стоики или агностики – через окно. Оно смотрит на жизнь глазами самых разных людей. У него найдется ключ для всех настроений, для всех человеческих типов, ему ведомы тайны психики, бездны зла, оно умеет отличать ложное чудо от истинного, а его реальность, такт, изображение – многообразны, как реальная жизнь, которую не охватишь заунывными или бодрыми трюизмами древней и новой этики. Наша вера не только вещественней поэзии и вместительней философии – в ней есть еще и вызов, есть борьба. Она достаточно широка, чтобы принять любую истину, но не примет заблуждения»¹⁸⁴. «В Церкви есть то, чего нет в мире. Мир сам по себе не может обеспечить нас всем. Любая другая система узка и ущербна по сравнению с Церковью; это не пустая похвальба, это – реальность. Как ни бьются над этим современные синкретисты, им не удастся создать ничего, что было бы шире Церкви. Всякий раз они просто выбрасывают что-нибудь не из Церкви, а из жизни: знамя, или харчевню, или детскую книжку про рыцарей, или плетень в конце поля»¹⁸⁵. Перешедший в зрелом возрасте из протестантизма в католичество Гилберт Кийт Честертон делает это не вследствие интеллектуального решения.

¹⁸³ Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. СПб., 1999. С. 103.

¹⁸⁴ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 207.

¹⁸⁵ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 203-204.

Он объясняет это так: «Когда меня или кого-нибудь другого спрашивают: “Почему вы приняли католичество?”, мы отвечаем быстро и точно, хотя и не для всех понятно: “Чтобы освободиться от грехов”»¹⁸⁶. Евангелие для писателя – не этическое учение, это проповедь Воплощенного Бога, главное в которой – сам факт Боговоплощения: «Сквозь все поучения Христа проходит нить, почти незаметная для тех, кто говорит, что это именно поучение. Когда читаешь Евангелие, так и кажется, что на самом деле Он пришел не для того, чтобы учить»¹⁸⁷. «Простые слова Евангелия тяжелы как жернова, и тот, кто может читать их просто, чувствует, что на него свалился камень»¹⁸⁸.

Быть героем в мире, лежащем во зле, совсем непросто. В «Перелетном кабаке» Честертон в маленьком диалоге показывает, какая судьба героя может ждать:

«– Что еще можно сделать с героем, – спросила миссис Макинтош, – как не поклониться ему?

– Его можно распять, – сказала Джоан»¹⁸⁹.

Но Честертон при этом не ищет мученического пути. В предисловии к «Ортодоксии» он пишет: «нам нужна жизнь повседневной романтики; жизнь, соединяющая странное с безопасным. Нам надо соединить уют и чудо. Мы должны быть счастливы в нашей стране чудес, не погрязая в довольстве»¹⁹⁰. И писатель говорит о том, что «христианство имеет дело с весомой, вне нас существующей реальностью, с внешним, а не только с вечным. Оно возвещает, что мир действительно есть,

¹⁸⁶ Честертон Г.К. Бог с золотым ключом (из «Автобиография») // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 207.

¹⁸⁷ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 220.

¹⁸⁸ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 223.

¹⁸⁹ Честертон Г.К. Перелетный кабак // Г.К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 231.

¹⁹⁰ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 359-360.

что мир – это мир. В этом оно совпадает со здравым смыслом»¹⁹¹.

И единственный источник истинной жизни для человека – это Христос, но нужно поверить в Него – Воплощенного Бога: «Если считать, что Он только человек, вся история становится несравненно менее человеческой. Исчезает ее суть, та самая, что поистине пронзила человечество. Люди отвергают догму не потому, что догма плоха, а потому что она слишком хороша. Она дарует слишком большую свободу, чтобы оказаться правдой. Она дарует невысказанную свободу, ибо человек может пасть. Она дает небывалую свободу – сам Бог может умереть. Вот что должны были бы сказать просвещенные скептики, и я ни в малейшей степени не собираюсь возражать им. Для них – мироздание – тюрьма, жизнь – сплошные ограничения; не случайно, говоря о причинной связи, они вспоминают цепь. Им кажется, что поверить в нашу свободу – все равно, что поверить в страну фей. Мы вправе вполне буквально сказать, что истина сделала нас свободными»¹⁹².

Что же может сделать «простой человек» перед лицом глобального мира? Джон Рональд Руэл Толкин (1892-1973) создал силой своей фантазии удивительный мир, английский литературный эпос, населенный необычными существами – гномами, эльфами, хоббитами и другими персонажами мифов, соседствующими с обычными людьми.

Пройти путь, полный опасностей и уничтожить Кольцо Всевластия должен тот, кто внешне вовсе не похож на героя, – хоббит Фродо. Толкин ярко показывает насколько хоббиты далеки от мечтаний о подвигах: «На самом деле очень немногие из хоббитов видели море и плавали по нему, а еще меньше таких, кто возвращался, чтобы рассказать об этом. Большинство хоббитов относились с недоверием даже к небольшим речкам и мало кто из них умел плавать»¹⁹³.

¹⁹¹ *Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 175.*

¹⁹² *Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 246-247.*

¹⁹³ *Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 16.*

Показателен разговор Фродо с эльфом, отражающий навинную веру в то, что где-где, а в Хоббитании не может произойти ничего плохого: «– Знаешь, полная правда вряд ли испугала бы меня больше, чем твои недомолвки! – воскликнул Фродо. – Я, конечно, готовился к опасностям; однако не здесь же, не дома! Неужели хоббиту уже нельзя спокойно пройти от Прудов к Реке?»

– Да ведь это земля не только ваша, – сказал Гилдур. – Жили здесь другие, до хоббитов, и будут жить, когда вас не станет. Мир широк; вы можете отгородиться от него, но нельзя же навек оставить его за оградой!»¹⁹⁴.

И глобальные беды не обходят стороной и край, жителям которого казалось, что они могут спрятаться от них, как страус, зарыв голову в песок: «По Краю ходили слухи о странных событиях в дальних странах. <...> Эльфы прежде редко посещавшие Хоббитанию, теперь то и дело появлялись в лесах по вечерам, они уходили на запад, уходили и не возвращались. Они покидали Средиземье навек, и тревоги и заботы этой земли мало заботили их. Правда, на дорогах встречались и гномы – их тоже стало больше, чем прежде, – древний Западный Тракт вел через Край к Серебристой Гавани, и гномы всегда ходили по нему в свои рудники в Голубых горах. От них-то главным образом хоббиты и узнавали при желании, что творится в мире; но гномы были скупы на слова, а хоббиты не особенно настойчивы. Но теперь Фродо все чаще попадались незнакомые гномы из отдаленных поселений, и кое-кто из них шепотом рассказывал о страшном Враге из Мордорской земли»¹⁹⁵.

И именно Фродо в решающий момент делает свободный выбор посвятить себя уничтожению Кольца Всевластия: «Ужас охватил Фродо, словно сейчас должны были произнести приговор, которого он давно ожидал, напрасно надеясь, что сия чаша минет его. Страстное желание жить мирно и спокой-

¹⁹⁴ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 105.

¹⁹⁵ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 57-58.

но рядом с Бильбо в Раздоле захлестнуло его. Наконец, сделав усилие, он заговорил, с изумлением прислушиваясь к собственным словам, как будто кто-то другой говорил его слабым голосом:

– Я возьму Кольцо – хотя путь мне не известен»¹⁹⁶.

Хоббит осознает всю тяжесть этого выбора еще в самом начале пути:

«– Хотелось бы мне, чтобы это случилось в другое время – не в мое, – сказал Фродо.

– И мне бы тоже, – сказал Гэндальф, – да и всем, кто дожил до таких времен. Но выбирать нам не дано. Мы можем только решить, как распорядиться своим временем»¹⁹⁷.

С Фродо идут маг Гэндальф, два человека, три хоббита, гном и эльф. Эльфийская владычица Галадриэль говорит хранителям Кольца: «Я сразу могу сказать: ваш поход – по острию ножа. Отклонитесь лишь немного – и всеобщая гибель неизбежна. Но пока Хранители соблюдают верность, надежда жива»¹⁹⁸.

От того, насколько успешна будет эта миссия, зависит судьба глобального мира толкиновского эпоса. По словам Гэндальфа «судьбы мира держатся на тонком волоске. Но чем дольше мы выстоим, тем жарче разгорится надежда»¹⁹⁹.

Толкин показывает, как может вырасти хоббит, прошедший путь до конца и, справившись с испытаниями, превывавшими его силы, исполнивший возложенную на него миссию, и он показывает падение некогда великого мага Сарумана, на закате своей жизни измывавшегося над Хоббитанией. Хоббиты требуют казнить его, но Фродо запрещает. «Саруман, не оглядываясь, двинулся прочь. Драконий язык полпелся за ним. Но когда они проходили мимо Фродо, в руке

¹⁹⁶ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 318.

¹⁹⁷ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 67.

¹⁹⁸ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 417.

¹⁹⁹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 2. Две твердыни. М., 2004. С. 122.

Сарумана вдруг сверкнул нож. Яростный удар обрушился на Фродо, но клинок скользнул по кольчуге, скрытой плащом и сломался. Сэм первый бросился на Сарумана, за ним другие; негодя повалили на землю, Сэм вытащил меч.

– Стой, Сэм! – крикнул Фродо. – Даже сейчас – не убивай! Он не ранил меня. Не должен кончать так тот, кто был магом, членом великого братства. Он пал, и не в наших силах поднять его. Но мы должны сохранить ему жизнь: быть может, кто-то иной сумеет возродить его душу...

Хоббиты расступились. Саруман поднялся на колени и внимательно посмотрел на Фродо. В глазах его промелькнули удивление, уважение и ненависть – все сразу.

– Э, да ты вырос, невысоклик, – сказал он. – Да-да, сильно вырос. Ты мудр и жесток. Ты лишил меня сладости мести, теперь я должен унести с собой горькую мысль, что обязан тебе жизнью. Ненавижу тебя!»²⁰⁰

Впрочем, смерть к Саруману и его слуге приходит очень быстро: колдун «ткнул ногою своего злосчастного невольника, скорчившегося на земле, и повернулся, чтобы идти; вдруг Драконий Язык распрявился как пружина и, выхватив спрятанный за пазухой нож, прыгнул на спину Сарумана. Мгновение – и бывший маг рухнул с перерезанным горлом, а Драконий Язык, вопя, помчался по тропинке вниз. Не успел Фродо опомниться, как три тетивы одновременно натянулись, три хоббитских стрелы пропели – и Грим Драконий Язык замертво повалился наземь»²⁰¹.

Джон Толкин показывает, как выбор хоббита Фродо меняет не только его самого, но и судьбу мира, в котором он живет, а выбор некогда великого мага Сарумана безвозвратно губит его, делая жалким и беспомощным, но губит лишь его лично и тех, кто ему поверил. Невольно вспоминаются слова апостола Павла: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить силь-

²⁰⁰ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004. С. 304.

²⁰¹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004. С. 305.

ное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, - для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 1, 28).

Мы не знаем будущего мира, даже собственного будущего; Арнольд Тойнби хорошо написал об этом, что «он лишь живой обломок кораблекрушения в бурном потоке времени, отдавая себе отчет в том, что его неустойчивое и фрагментарное видение происходящих событий не более чем карикатура на историко-топографическую карту. Лишь Бог знает истинную картину. Наши индивидуальные человеческие суждения – это стрельба наугад»²⁰². Но здесь и сейчас каждый из нас делает свой выбор, который определяет не только нашу судьбу, но и судьбу всего мира.

Клайв Льюис прямо пишет о том, что даже в антихристианском мире, и особенно в нем, подлинного себя человек может обрести только во Христе: «Отдайте себя – и вы обретете себя. Будете искать “себя” – и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и “все остальное приложится вам”»²⁰³. Его слова также актуальны и сегодня.

Интересно отметить, как мысли английских христианских писателей начала и первой половины XX века перекликаются на глубинном уровне с рассуждениями одного из наиболее харизматичных деятелей движения «Анонимных Алкоголиков» второй половины этого столетия Чарльза Чемберлейна, самого о себе говорившего, что его вряд ли можно назвать христианином и вряд ли имевшим представление об английской литературе, но жившим последние 30 лет своей жизни так, как будто он всегда предстоит перед Богом. Название его получившей известность книги – «Новые очки» – дали слова одного католического священника-иезуита, о котором Чарльз Чемберлейн вспоминал так: «Он сказал мне однажды: “Чак, твоим крестом был алкоголизм, а моим слабость веры. Я

²⁰² Тойнби Дж. А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. <http://romanbook.ru/book/txt/9360095/?key=f5c448uct69fua73usjtav8873> (дата обращения 03.01.2015 года).

²⁰³ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 200-201.

выучил всё, что было нужно, и был посвящён в духовный сан, но при этом ни во что не верил”. Восемнадцать лет он изучал все эти дела, в духовный сан его посветили, а он ни во что не верит. И он сказал мне: “Я стал верить, когда увидел, что происходит со всеми вами в сообществе Анонимных Алкоголиков”. И он сказал: “Иногда я верю, что Рай – это всего лишь новые очки”. Я думаю, что это одно из самых мудрых высказываний, которое мне когда-либо довелось услышать»²⁰⁴. Ч. Чемберлейн убедительно показывает, что большинство проблем находится внутри человека: «...сегодня я сижу в том же кресле, в котором я просидел десять лет, как в Аду. В этом же кресле я уже двадцать девять лет сижу, как в Раю. С креслом ничего не произошло. Ничего не произошло с моей женой. Ничего не произошло с моими детьми. Но что-то произошло со мной, доказывая, что Рай всегда был в этом кресле. С креслом ничего не случилось, я по-прежнему сижу в нём, и я в Раю. Вот почему в словах Большой Книги так много позитива. Полностью освободиться от себя – там сказано, отринув всё. И препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу»²⁰⁵.

Такое сходство на онтологическом уровне совсем разных людей показывает общность их базовых ценностей. Смелому поиску Истины, отринув все, они посветили свою жизнь, давая новую надежду все дальше отходящему от Христа и от христианского взгляда на жизнь англосаксонскому миру, пытаясь донести старые истины на новом языке тем, кто перестал их понимать и воспринимать.

²⁰⁴ Чак Ч. Новые очки <http://www.google.ru/url?d.Yms&cad=rjt> (дата обращения 5.09.2013)

²⁰⁵ Там же.

Глава III.

Россия в глобальном мире XX века

Февральская буржуазная революция 1917 года произошла во время, когда Российская империя участвовала в Первой мировой войне 1914-1918 гг. Высшие государственные чиновники и военачальники, включая начальника генерального штаба, даже члены императорской семьи оказались вовлечены в заговор против императора Николая Второго. Он просто не мог ничего сделать с этим в рамках той системы христианских ценностей, которые были ему органично присущи, так как ценность человеческой жизни, свобода личности, права человека не были для него лишены внутреннего содержания символами.

Однако наступивший XX век был временем появления иных ценностей; он требовал появления государственных лидеров нового типа. Шла как бы «селекция» тех, кто может стать лидером объединенного мира, а в том, что мир должен быть объединен в единое пространство, сходились все наиболее значимые политические деятели, их разделяли лишь взгляды на то, на каких основаниях должно произойти это объединение. Впрочем, и те, кто выступал с позиций капиталистического империализма, и те, кто выступал с позиций его кажущегося антипода – империализма «пролетарского», были едины в том, что в новом мире уже нет места самодержавным династиям.

В результате Первой мировой войны прекратила свое существование не только Российская империя, но и Австро-Венгерская, Османская и Германская (впрочем, Веймарская республика еще продолжала именоваться Германской империей).

Все эти политические изменения происходили, как выше уже отмечалось, на фоне перемен в самом взгляде на мир.

Многие представители интеллигенции слишком долго видели в происходящих общественных катаклизмах лишь своего рода представление, о чем хорошо написал в начале 20 века В.В. Розанов: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над

Русскую Историю железный занавес. — Представление окончилось. Публика встала. — Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось».

К началу XX века, российское общество, внешне религиозное, на самом деле отошло от православия очень далеко. Русская Православная Церковь превратилась всего лишь в одну из составляющих государственного механизма. Сложный и неоднозначный процесс ее ослабления и низведения до уровня безынициативной иерархической структуры – бесправной, затравленной и привыкшей подчиняться советской власти, при повсеместном распространении атеизма – начался задолго до 1917 года²⁰⁶. В воздухе носилось ожидание какой-то катастрофы. В проповеди на новый 1907 год протоиерей Иоанн Кронштадтский говорил: «Посмотрите, как мир близится к концу; смотрите, что творится в мире: всюду безверие... повсюду хула на Создателя... повсюду в мире вооружения и угрозы войною.... Смотрите и сами судите: мир окончательно растлен и нуждается в решительном обновлении, как некогда через всемирный потоп»²⁰⁷.

Отношение к самодержавию в среде духовенства не было однозначным. Даже Патриарх Московский и Всея Руси Тихон, в то время архиепископ Литовский, спокойно отнесся к его свержению и подписал в числе ряда других архиереев приветствие Временному правительству²⁰⁸. Таким образом, революция не была для России неожиданностью. Но всех масштабов этой катастрофы духовенство еще не осознавало. Первое давление со стороны государства Церковь ощутила уже при Временном правительстве. Кроме имевших место фактов грубого вмешательства советской власти в сугубо церковные вопросы, Временным правительством было принято постановление об объединении всех учебных заведений, включая церковно-приходские школы, которых было около 37 тысяч, в ведение

²⁰⁶См.: История Русской Православной Церкви. От Восстановления Патриаршества до наших дней. Том 1. 1917-1990. СПб., 1997.

²⁰⁷См.: *Боголюбов Д.И.* О так называемых иоаннитах в Русском народе. -СПб., 1909. С. 15.

²⁰⁸ См.: История Русской Православной Церкви. Том 1. 1917-1990. -СПб., 1997. С. 133.

министерства народного просвещения. Постановление объективно подготовило дальнейшие шаги сначала временного, а затем и Советского правительства по усилению бесконтрольного вмешательства властей в дела Церкви²⁰⁹.

В то же время, Февральская революция, которая сопровождалась рядом антицерковных действий, фактически стала и «религиозной революцией», уникальной в истории Православия. В марте-апреле 1917 года по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями, с кафедр были смещены свыше 10 наиболее скомпрометированных архиереев, избранные епархиальные советы значительно ограничились епископскую власть. Вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально – представительское начало церковного управления, демократизировалась приходская жизнь²¹⁰.

Протопресвитер Николай Любимов, вошедший в 1917 году, после Февральской революции, в состав Священного Синода Русской Православной Церкви вспоминал, что, например, депутация из Владимирской епархии «решительно требовала увольнения архиепископа Алексия; иначе произойти могут в епархии прискорбные эксцессы. В некоторых храмах перестали уже почитать архиепископа. Из 372 членов Владимирского съезда не нашлось ни одного защитника архиепископа и съезд единогласно постановил ходатайствовать об удалении его на покой»²¹¹. Архиепископ Алексий, будучи вызван для объяснений в Петроград, прислал телеграмму о том, что по болезни приехать не может, просит дать ему 2-х месячный отпуск, после которого уволить его на покой, дав ему в управление какой-либо монастырь в Москве или Киеве. Синод постановил уволить его, согласно прошению, сразу же, ввиду тревожного состояния епархии, а суждение о его дальнейшей судьбе иметь

²⁰⁹ См.: История Русской Православной Церкви. Том 1. 1917-1990. СПб., 1997. С. 92.

²¹⁰ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, С. 68-69.

²¹¹ См.: Российская Церковь в годы революции (1917-1918): Сборник. М., 1995. С. 99.

по окончании его отпуска²¹². Через свободное избрание, тайным голосованием, на Владимирскую кафедру был избран архиепископ Сергей (Страгородский), впоследствии Патриарх²¹³, 28.11 (11.12).1917 года он был утвержден в должности архиепископа Владимирского и Шуйского Патриархом Тихоном²¹⁴.

Демократические выборы при решении вопроса с замещением постов приходскими священнослужителями нередко принимали самые уродливые и гротескно – комические формы. В той же Владимирской епархии, в одном селе, мужики – прихожане миром порешили избрать в диаконы своего «голосистого» односельчанина и, желая видеть, как этот мужик будет выглядеть во время священнодействия, силой и угрозами заставили своего батюшку допустить его к диаконскому служению Божественной Литургии. И этот мужик, облаченный в диаконские священные одежды, начал служить Литургию. Правда, в алтарь священник его не допустил, но, тем не менее, он сказал великую ектенью и две малых и только перед малым входом священник опять взмолился перед прихожанами о прекращении этого лицедейства, угрожая прекратить служение Литургии, и кощунство было прекращено²¹⁵.

В целом в стране под лозунгами демократических преобразований шло нарастание анархии, процессов разрушения фактических демократических свобод и достижений, имевшихся в Российской империи. Один из крупнейших социологов конца 19-начала 20 века Макс Вебер назвал февральский режим «псевдодемократией». В его статьях 1917 года говорилось о том потенциале, который имелся в России для становления гражданского общества, в первую очередь, обращая внимание на земское самоуправление и аграрную реформу П.А. Столыпина. По мнению М. Вебера, земство не только действовало в

²¹²См.: Российская Церковь в годы революции (1917-1918): Сборник. М., 1995. С. 104-105.

²¹³См.: Российская Церковь в годы революции (1917-1918): Сборник. М., 1995. С. 7.

²¹⁴См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея Руси. М., 1994. С. 66.

²¹⁵См.: Российская Церковь в годы революции (1917-1918): Сборник. М., 1995. С. 210-211.

интересах провинциального населения страны, но и развивало его инициативу. Это работа ветеринарных служб, строительных и дорожных организаций, школ и иных просветительных учреждений, органов опеки и призрения и т.п.²¹⁶ Интересно для понимания процесса коллективизации, проводимого впоследствии Советской властью, то, как оценивал Макс Вебер реформу Столыпина в 1917 году: «Аграрная реформа Столыпина была умным маневром, потому что расколола главную силу социальной революции – крестьянство коренных русских областей на две неравные и глубоко враждебные друг другу части. На одной стороне оказывались новые, вырвавшиеся из сельского коммунизма собственники – экономически самый сильный элемент крестьянства, тесно привязанный своей собственностью к нынешнему режиму. На другой стороне – оставшаяся в лоне сельского коммунизма пролетаризованная крестьянская масса, считающая увод земли в частные руки грубой несправедливостью к выгоде одних и в ущерб других»²¹⁷.

Тех, кто стоял за Февралем 1917 года в России, не интересовали вопросы свободного развития страны и конкретных личностей в ней. Главной их задачей было включение разрушенной Российской империи в мировые глобальные экономические процессы, уже в полностью зависимом качестве. Между тем, деятели февральской буржуазной революции и стоявший за ними мировой капитал в тот исторический момент не имели сил для удержания власти в России, где процессы разрушения приняли неконтролируемые формы.

Как писал в своей книге «Закат Западного мира» Освальд Шпенглер «деньги подходят к концу своих успехов и начинается последняя схватка, в которой цивилизация принимает свою завершающую форму: схватка между *деньгами и кровью*. Силу может ниспровергнуть только другая сила, а не принцип, и перед лицом денег никакой иной силы не существует. День-

²¹⁶ Чеснокова Г.Г., Прибытков А.А. Макс Вебер о политическом процессе в России в начале XX века // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы X международной научной конференции. Часть 1. Иваново, 2011. С. 658.

²¹⁷ Вебер М. О России. Избранное. М., 2007. С. 106.

ги будут преодолены и упразднены только кровью»²¹⁸. И попытка строительства всемирного государства диктатуры пролетариата, в котором в будущем деньги вообще должны были исчезнуть, началось именно с красного террора.

Впрочем, и в западном империализме уже в начале 20 века деньги все больше превращались в отвлеченное понятие, не связанное с конкретными процессами производства и потребления. Тот же Освальд Шпенглер писал: «Мышление деньгами порождает деньги, которые не чеканятся, но мыслятся в качестве центров действия, будучи базированными на жизни, внутренний ранг которой возвышает мысли до значения фактов. Мышление деньгами порождает деньги: вот в чем тайна мировой экономики. Если организатор большого стиля пишет на бумаге: «миллион», - этот миллион уже имеется, ибо сама личность этого человека в качестве экономического центра служит ручательством повышения экономической энергии его области. Именно это, а не что-то иное означает для нас слово «кредит»²¹⁹.

Октябрьский переворот, называемый также Великой Октябрьской социалистической революцией, произошел 25 октября (7 ноября по н. ст.) 1917 года. Он произошел в условиях приближения конца Первой мировой войны, роль в которой России после отречения императора Николая II становилась иной: все более явственно просматривалось, что она окажется в роли побежденной страны, что и было подтверждено заключенным уже большевиками Брестским миром. В стране был очевидный кризис власти. Временное правительство стремительно теряло авторитет, давая повод предъявлять претензии на власть в России своим политическим противникам.

Выступая на I Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 года (ст. стиль) В. И. Ленин в частности сказал: «Сейчас целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы сложны, что их трудно ввести, что их надо особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, - эти меры вполне ясны. Он говорил, что нет в России политической пар-

²¹⁸Шпенглер О. Закат Западного мира. М., 2010. С. 971.

²¹⁹Там же. С. 959.

тии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: «Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»²²⁰.

То, что страна движется к гибели, видели представители самых разных слоев общества. 15 августа 1917 года (ст. стиль) на Государственном совещании один из крупнейших представителей российского капитала П. П. Рябушинский констатировал: «в настоящее время Россией управляет какая-то несбыточная мечта, невежество и демагогия. Все эти три начала, которые влекут Россию. И мы не знаем куда, без пути, она будет доведена»²²¹.

Попытка остановить процессы распада путем введения военной диктатуры была предпринята генералом Л. Г. Корниловым. 28 августа 1917 года (ст. стиль) он издал приказ Верховного главнокомандующего, в котором, в частности, говорилось: «Видя бессилие Временного правительства и отсутствие у него решимости принять энергичные меры против лиц и организаций определенно ведущих к гибели России, и дабы предотвратить катастрофу, я решил подтянуть к Петрограду 4 кавалерийских дивизии с тем, что если выступление большевиков действительно последует, то оно будет подавлено самыми решительными и крутыми мерами. С преступной работой изменников тыла необходимо покончить раз и навсегда. ... Одновременно с этим я обратился к Временному правительству со следующим: «Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и давайте совместно со мною выработайте состав правительства Народной Обороны, который, обеспечив победу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа»²²².

²²⁰ Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 21-22.

²²¹Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 37.

²²² Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 43, 45.

В борьбе с «корниловским мятежом» глава Временного правительства А. Ф. Керенский нашел поддержку и у Всероссийского центрального комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В его воззвании от 29 августа 1917 года года (ст. стиль), обращенном к «войскам, обманутым Корниловым» говорилось: «Он, Корнилов, хочет пролить братскую кровь. Он, Корнилов, хочет низвергнуть революционное правительство. Он, Корнилов, хочет арестовать любимого вождя армии Керенского. Помните: Корниловское правительство и вам и нам грозит снова принести проклятую царскую власть»²²³.

Выступление генерала Л. Г. Корнилова было подавлено. 1 сентября 1917 года года (ст. стиль) Временное правительство своим постановлением провозгласило Российскую республику²²⁴. Но дни его нахождения у власти были уже сочтены.

В своем письме к членам партии большевиков от 1 октября 1917 года (ст. стиль) В. И. Ленин писал: «События так явно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением. Выборы в Москве – 47 процентов большевиков – гигантская победа. Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию, и русскую революцию, и жизни сотням тысяч людей на войне... Если нельзя взять власть без восстания, надо идти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся»²²⁵.

Через год после переворота, в своей статье в газете «Правда» от 6 ноября 1918 года И. В. Сталин так охарактеризовал, обусловившие его причины: «наиболее важными со-

²²³ Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 46.

²²⁴См.: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 47.

²²⁵Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 48.

бытиями, ускорившими Октябрьское восстание, явились: намерение Временного правительства (после сдачи Риги) сдать Петроград, подготовка правительства Керенского к переезду в Москву, решение командного состава старой армии перебросить весь гарнизон Петрограда на фронт, оставив столицу беззащитной, и, наконец, лихорадочная работа во главе с Родзянко в Москве – по организации контрреволюции. Все это в связи с возрастающей хозяйственной разрухой и с нежеланием фронта продолжать войну определило неизбежность быстрого и организованного восстания, как единственного выхода из создавшегося положения»²²⁶.

Интересна характеристика лорда Уинстона Черчилля, данная им тем, кто пришел к власти в России в результате октябрьского переворота: «Верховный большевистский комитет, эта нечеловеческая или сверхчеловеческая организация, - это сообщество крокодилов, обладавших образцовыми интеллектами, взял власть 8 ноября. Его члены обладали твердой программой политики на ближайшее время. С внешним врагом надо было заключить мир и повести беспощадную войну с помещиками, капиталистами и реакционерами. Все эти термины истолковывались в самом широком смысле»²²⁷.

Российская социалистическая революция мыслилась ее творцами, как часть всемирной революции. Черчилль писал: «Ленин и его сообщники, принимаясь за свое дело, были уверены, что с помощью беспроволочного телеграфа они могут обратиться непосредственно к народам воюющих государств через головы их правительств. Поэтому вначале они не имели в виду заключения сепаратного мира. Они надеялись, что под влиянием русского примера и выхода России из войны военные действия всюду приостановятся и все правительства, как союзные, так и неприятельские, очутятся лицом к лицу с восставшими городами и взбунтовавшимися армиями»²²⁸.

²²⁶ Сталин И. В. Октябрьский переворот // И. В. Сталин. Сочинения. Том 4. М., 1947. С. 152.

²²⁷ Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 10.

²²⁸ Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 10.

Октябрьский переворот произошел почти не встретив сопротивления. Однако, он стал отправной точкой для начала гражданской войны. Для победы в ней новому правительству страны требовалось заключение мира с Германией. Сэр Уинстон Черчилль так изложил суть причин, заставивших большевиков в условиях гражданской войны подписать невыгодный для них Брестский мир: «Какое сопротивление они могли оказать врагу? Армии исчезли, флот был охвачен бунтом, Россия погружена в хаос. Даже возможность бегства по широким пространствам России, которою они еще располагали, не могла оставаться в их распоряжении сколько-нибудь долго. Но ведь для них поставлено на карту нечто более драгоценное, чем судьба России. Разве они не осуществляли коммунистической революции? Разве они могли бороться с буржуями у себя на родине, в то же время тратя весь остаток своих сил на сопротивление вторгшемуся неприятелю? В конце концов, для интернационалистов, стремящихся к мировой революции, географические границы и политические связи не имели особенно важного значения. Большевики должны были укрепить свою власть на тех русских территориях, которые у них останутся, и отсюда распространить гражданскую войну и на все прочие страны»²²⁹.

Идея мировой революции не была реализована, однако в России партии большевиков власть удержать удалось. Во многом здесь сыграла решающую роль личность В. И. Ленина. И. В. Сталин так писал о нем: «Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. В дни революционных переворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их как на ладони»²³⁰.

²²⁹ Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 12.

²³⁰ Сталин И. В. Гений революции // И. В. Сталин. Сочинения. Том 6. М., 1947. С. 61.

И далее он приводит пример, как Ленину удалось одним своим решением сделать российскую армию неспособной к продолжению к войне с Германией и отчасти поставить ее под контроль Советского правительства: «Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у проводы лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдем на радиостанцию, - сказал он, - она сослужит нам пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом – окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки». Это был «скачок в неизвестность». Но Ленин не боялся этого «скачка», наоборот, он шел ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах»²³¹.

... Пройдет совсем немного времени, и дисциплина в Рабоче-крестьянской красной армии будет установлена путем

²³¹Сталин И. В. Гений революции // И. В. Сталин. Сочинения. Том 6. М., 1947. С. 62-63.

жесточайшего террора, оправдываемого «высокими» революционными целями.

Каковы же были итоги Октября 1917 года и последовавшей за ним гражданской войны? Известный английский писатель Герберт Уэллс, сторонник советской власти, в своей книге «Россия во мгле», задуманной в целом, как апология Советской России, так писал о том, что он увидел в ней в 1920 году: «Основное наше впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию»²³².

Советское правительство, пришедшее к власти в результате октябрьского переворота, не было легитимно в глазах большей части того населения страны, которое интересовалось происходившими политическими преобразованиями. В то же время оно было готово на все для сохранения власти. Это делало гражданскую войну в России неизбежной.

Как писал Уинстон Черчилль «Большевистское перемирие и последовавшее вслед за ним заключение мира с центральными державами произвели огромное впечатление в России. В тот самый день, когда были приостановлены военные действия (2 декабря 1917 года), генералы Корнилов, Алексеев и Деникин подняли на Дону контрреволюционное знамя. Все они пробрались в это убежище к лояльным казакам обходными путями и не без опасности для жизни. Здесь, окруженные простым и преданным населением, эти военные вожди явились центром притяжения для всех наиболее благородных элементов старой России. Но на чем был основан их политический авторитет? Императорский режим был дискредитирован во всех классах общества. В России ничто не могло усто-

²³²Уэллс Г. Россия во мгле // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15. М., 1964. С. 316.

ять перед двумя лозунгами: «всю землю крестьянам» и «вся власть Советам»²³³.

Между тем, некоторые надеялись еще, что ситуация в стране может быть нормализована путем демократических процедур. На основе всеобщего избирательного права осенью 1917 года в России было выбрано Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было определить форму правления в стране и выработать Конституцию. В выборах участвовало 50% избирателей. В целом по стране большевики получили 25% голосов, по 67 губернским городам 36,5% голосов, в Петроградском гарнизоне 79,2%. В Учредительное собрание, по неполным данным, было избрано 715 человек, в том числе 370 эсеров, 40 левых эсеров, 175 большевиков, 17 кадетов, 15 меньшевиков, 2 народных социалиста, 1 беспартийный, 86 от национальных групп. Собрание работало 5 января 1918 года. В ночь с 6 на 7 января 1918 года ВЦИК принял решение о роспуске Учредительного собрания, одобренное 3-м Всероссийским съездом Советов²³⁴.

Почему Советское правительство не могло допустить работы Учредительного собрания, видно из декларации РСДРП (Объединенной) (созданной в августе 1917 года из групп меньшевиков), принятой в единственный день работы собрания: «Учредительное собрание собирается, когда вся страна охвачена пожаром гражданской войны, когда подавлены все демократические свободы, не существует ни неприкосновенности личности, ни жилища, ни свободы слова, ни собраний, ни союзов, ни даже свободы стачек, когда тюрьмы переполнены заключенными, испытанными революционерами и социалистами, даже членами самого Учредительного собрания, когда нет правосудия ... когда анархическими попытками введения социалистического хозяйства в отсталой стране, при исключительно неблагоприятных международных и внутренних условиях, разлагаются и разрушаются все производительные силы ее, уничтожается возможность ее быстрого экономического возрождения, и тем самым миллионы рабочих, лишен-

²³³ Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 14.

²³⁴См.: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 72.

ные организации и демократической свободы, обрекаются в самом близком будущем на все муки голода и безработицы, на безоговорочное подчинение всем требованиям капитала... когда страна распадается на ряд совершенно независимых друг от друга государств... когда власть, не признанная большинством народа, ведет переговоры о мире в таких условиях, на таких основаниях, которые сделают России данницей германского империализма... Рабочий класс России должен требовать, чтобы все органы власти, возникшие на почве гражданской войны, признали верховную власть Учредительного собрания»²³⁵.

Во вверженной в анархию стране не могло уже быть никакой дееспособной власти, кроме диктатуры. Как писал в октябре 1918 года в газете «Правда» И.В. Сталин «в начале 1917 года лозунг Учредительного собрания был прогрессивен, и большевики стояли за него. В конце 1917 года, после Октябрьского переворота, лозунг Учредительного собрания стал реакционным, ибо он перестал соответствовать новому соотношению борющихся политических сил в стране. Большевики считали, что в обстановке империалистической войны в Европе и победоносной пролетарской революции в России мыслимы лишь две власти: диктатура пролетариата, принявшая форму Республики Советов, или диктатура буржуазии в форме военной диктатуры, - всякая попытка найти среднее и возродить Учредительное собрание неминуемо приведет к возврату к старому, к реакции, к ликвидации октябрьских завоеваний»²³⁶.

После роспуска Учредительного собрания важнейшей задачей Советского правительства было заключение мирного договора, который был подписан в марте 1918 года на столь невыгодных для России условиях, что вызвал кризис даже внутри большевистского правительства (так называемый, «Брестский мир», аннулирован правительством РСФСР 13 ноября 1918 после поражения Германии в 1-й мировой войне). Обосновывая необходимость подписания данного

²³⁵ Там же. С. 72-73.

²³⁶ Сталин И. В. Логика вещей // И. В. Сталин. Сочинения. Том 4. М., 1947. С. 137-138.

мирного договора, И. В. Сталин выдвигал следующие аргументы: «В октябре мы говорили о священной войне против империализма, потому что нам сообщали, что одно слово «мир» поднимет революцию на Западе. Но это не оправдалось. Проведение нами социалистических реформ будоражит Запад, но для проведения их нам нужно время»²³⁷.

По поводу Брестского мира избранный Поместным Собором Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. Патриарх Московский и всея России Тихон выпустил 5(18) марта 1918 года послание в котором в частности говорилось: «Заключенный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чужого по вере врага... по которому даже Православная Украина отделяется от братской России, и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, такой мир не даст народу желанного успокоения, Церкви же православной принесет великий урон и неисчислимые потери»²³⁸.

Впрочем, как показала история, Брестский мир имел скорее тактическое значение для Советского правительства, которое его подписанием выиграло время для борьбы со своими противниками внутри страны. Однако, позиция большевиков открывала широкие возможности для интервенции в Россию бывших союзников Российской империи в Первой мировой войне. Как вспоминал лорд Черчилль, руководители правительств США, Великобритании и Франции «Вильсон, Ллойд-Джордж и Клемансо послали за маршалом Фошем и спросили его: «Что вы можете сделать в России?» Фош ответил: «Особых трудностей нам не представится, и вряд ли придется долго воевать. Несколько сот тысяч американцев, горячо желающих принять участие в мировых событиях, действуя совместно с добровольческими отрядами британских и фран-

²³⁷ Сталин И. В. Сочинения. Том 4. М., 1947. С. 27.

²³⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве церковной власти. 1917-1943./ Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 108-109.

цузских армий, с помощью современных железных дорог могут легко захватить Москву. Да и кроме того, мы уже владеем тремя окраинами России. Если вы хотите подчинить своей власти бывшую русскую империю для того, чтобы дать возможность русскому народу свободно выразить свою волю, вам нужно только дать мне соответствующий приказ». Но руководители правительств Антанты приняли резолюцию: «Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы»²³⁹.

Свою власть в стране большевики упрочивали как с помощью пропаганды, так и с помощью террора. Бывший в декабре 1917 - марте 1918 гг. наркомом юстиции И. З. Штейнберг, вышедший из СНК и эмигрировавший после ратификации Брестского мира, писал впоследствии: «При терроре власть в руках меньшинства, заведомого меньшинства, чувствующего свое одиночество и боящегося этого одиночества. Террор потому и существует, что находящееся у власти меньшинство зачисляет в стан своих врагов все большее и большее число людей, групп, слоев. ...«враг революции» вырастает в поистине исполинскую величину, занимающую весь фон революции, тогда как властью остается меньшинство, опасливое, подозрительное, одинокое»²⁴⁰.

Приказ наркома внутренних дел Петровского, подписанный в сентябре 1918 года, гласил: «Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы, из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочный массовый расстрел. Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора»²⁴¹.

Как писал В. В. Карпов, «в Крыму по прямому указанию Л. Д. Троцкого без суда и следствия было расстреляно десять тысяч русских офицеров как превентивное мероприятие – чтобы

²³⁹ Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 27-28.

²⁴⁰ Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 112-113.

²⁴¹ Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 113-114.

они не ушли в белое движение. Эти действия Троцкий обосновал теоретически: «У нас нет времени выискивать действительных активных наших врагов. Мы вынуждены встать на путь уничтожения физического тех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти»²⁴².

Необходимо отметить, что террор в стране не был только «красным» - он был новой данностью этого исторического этапа жизни России, в которой, казалось, запущен механизм самоуничтожения... Генерал А. И. Деникин так вспоминал о реалиях гражданской войны: «За гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: *насилия* и *грабежа*. Она пронеслась по всему Северному Кавказу, по всему Югу, по всему российскому театру гражданской войны – творимые красными, белыми, зелеными, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага. И жалки оправдания, что там, у красных было несравненно хуже. Но ведь мы белые выступали именно против насилия и насильников! Пусть правда вскрывает наши зловонные раны, не давая заснуть совести, и тем побудит к раскаянию более глубокому, и внутреннему переждению, более полному и искреннему»²⁴³.

В то же время необходимо отметить, что лидеры Белого движения не были чужды милосердия, хотя и реализуемого с учетом гражданской войны. Митрополит Вениамин (Федченков), возглавлявший военное духовенство в армии барона П. Н. Врангеля, писал в своих воспоминаниях: «Еще могу припомнить о смертной казни. Временами арестовывали большевиков и после суда иногда расстреливали их. Было несколько случаев, когда обращались к моему посредничеству. Обычно я утешал, обещал хлопотать, на другой день шел к генералу. И

²⁴² Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Кн. 1. М., 2003. С. 55.

²⁴³ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 62-62.

были случаи помилования. Но однажды он в присутствии своей жены Ольги Михайловны сказал нам в полухуточку:

- У меня два главных врага: это жена и владыка. Вечно просят за каких-нибудь мерзавцев. Да поймите же сами, что не для удовольствия же я утверждаю смертные приговоры. Необходимость заставляет. Если не казнить сейчас одного, потом придется казнить десять. Или они нас будут казнить в случае успеха.

Скоро был издан специальный общий указ: впредь не обращаться к главнокомандующему с просьбой о помилованиях»²⁴⁴.

Еще в начале этого года – 19.01(01.02)1918 – Патриарх Тихон выпустил послание об анафематствовании творящих беззаконие и гонителей веры и Церкви Православной. В нем говорилось: «Забыты и попраны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных разве в том, что честно исполняли долг свой перед Родиной, что все силы полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности – совершается в наши дни во всех почти городах и всях нашей Отчизны... Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной»²⁴⁵.

В годы гражданской войны возникли целые армии, сражавшиеся под революционными лозунгами, на деле же представлявшие организованные банды, которые порой использовались и Советским правительством для ведения боевых дей-

²⁴⁴Вениамин (Федченков), митрополит. Россия между верой и безверием. М., 2003. С. 450.

²⁴⁵ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве церковной власти. 1917-1943. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 82-83.

ствий с Белым движением. Среди таких бандформирований можно выделить доходившую до 80 тысяч человек армию Н. И. Махно, о котором продолжительное время проживший рядом с ним К. В. Герасименко вспоминал так: «Десятилетняя каторга ожесточила его, лишила способности разбираться в добре и зле. Махно испытывает бешеную, безграничную радость при виде гибели в огне цветущих городов, его глаза горят восторгом от взрыва тяжелых снарядов на улицах города. В Махно – жестокая потребность наблюдать мучительную смерть часто совершенно невинных людей»²⁴⁶.

О причинах, в силу которых Белое движение было обречено в борьбе против Советского правительства, емко сказал лорд Черчилль, давая характеристику адмиралу А. В. Колчаку: «Колчак был честен, благороден и неподкупен. Он не принимал участия в движениях и заговорах, которые низвергали правительство, но когда по необходимости те, кто были с ним связаны, возложили на него ответственность диктатора, он счел долгом принять ее. Колчак был наиболее подходящим из действовавших в то время в Сибири людей. Его программа была именно такая, какая была тогда нужна; но он не обладал ни авторитетом самодержавного строя, ни тем, который могла дать революция. Он должен был потерпеть неудачу в попытке придать боеспособность промежуточным политическим концепциям, которые представляют собой общее место в цивилизованном обществе»²⁴⁷.

Империалистические державы, боровшиеся против молодой Советской республики, проводили непоследовательные и несогласованные действия, их поддержка Белого движения, в котором они видели фактически представителей их колониальных интересов на территории бывшей Российской империи, которую они желали разделить на сферы влияния, была недостаточной. О поражении Антанты и ее интервенции в гражданской войне также уместно процитировать запись Черчилля, датированную 1919 годом: «вместо того, чтобы при

²⁴⁶ Герасименко К. В. Махно // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 220-221.

²⁴⁷ Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 40.

помощи правильно согласованных мероприятий, без каких-либо дополнительных жертв людьми и деньгами позаботиться о создании антибольшевистской, цивилизованной, дружественной Антанте России, что было вполне в наших силах, - мы скоро будем иметь дело с милитаристической большевистской Россией. Было бы ошибочно думать, что в течение этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены, и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи»²⁴⁸.

Гражданская война дала возможность появиться целой плеяде советских военначальников – С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова, М. В. Фрунзе, впоследствии репрессированных М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера, А. И. Егорова. Но особое влияние в результате победы Советской республики в гражданской войне приобрел народный комиссар по военным делам, председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий.

Уровень доверия к нему Ленина, по свидетельству самого Троцкого, был очень высок. В своей книге «Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов», полемизируя с антитроцкистским направлением сталинской политики, Л.Д. Троцкий, в пылу полемики писал о своей деятельности в годы организации Красной Армии: «Ленин выдал мне, по собственной своей инициативе, бланк, написавши внизу страницы следующие строки:

«Товарищи.

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов (Ленин)»

Назначение этого бланка я уже разъяснил на Пленуме ЦККК:

²⁴⁸Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 69.

«Когда он (Ленин) мне это вручил, и внизу чистой страницы были написаны эти вот строки, я недоумевал. Он мне сказал: «до меня дошли сведения, что против вас пускают слухи, что вы расстреливаете коммунистов. Я вам даю такой бланк, и могу дать вам их сколько угодно, что я ваши решения одобряю, и наверху страницы вы можете написать любое решение и на нем будет готовая моя подпись». Это было в июле 1919 года»²⁴⁹.

Как писал в своей книге «Генералиссимус» В. В. Карпов, «Троцкий руководил фронтами, имел колоссальную власть и популярность. Фактически он стал вторым человеком после Ленина. Но даже такое высокое положение его не устраивало – не для того он приехал в Россию, чтобы быть вторым. Оставался всего один шаг до положения главы государства. Но на этом пути стояли два человека, которые своим существованием не позволяли осуществить заветные планы – это были Ленин и император Николай II. И Троцкий дает тайную команду (то, что покушение Каплан на Ленина и уничтожение царской семьи совершилось по указанию Троцкого, было выявлено и доказано на судебных процессах 1935-1938 годов)»²⁵⁰

В. И. Ленин после покушения уже не мог по состоянию здоровья в прежней мере участвовать в управлении страной, в его организме происходили необратимые изменения, в том числе и по причинам, с покушением не связанным. Однако Л. Д. Троцкий недооценивал фигуру И. В. Сталина, также претендовавшего на то, чтобы стать первым лицом в государстве...

Гражданская война в России в 1920 году завершилась лишь как установление Советской власти на большей части территории бывшей Российской империи. Но как противостояние разных групп внутри страны по политическим, национальным, религиозным и иным признакам, сопровождаемое голодом, террором, депортациями, репрессиями и казнями по политическим обвинениям, в определенной мере она

²⁴⁹Троцкий Л. Указ соч. С. 60-61.

²⁵⁰Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Кн. 1. М., 2003. С. 52.

продолжалась вплоть до самого начала Великой Отечественной войны в 1941 году.

XX век был временем появления новых ценностей; он требовал и появления государственных лидеров нового типа. Первая половина XX века была, без сомнения, самым кровавым периодом во всей истории человечества. Две мировые войны, революции и гражданские войны унесли многие десятки миллионов человеческих жизней. Казалось, что человечество уже бесповоротно вступило на путь самоуничтожения, что неминуемы третья мировая война и ядерная катастрофа. И естественно, что этот период всемирной истории выдвинул совершенно иной тип государственного лидера – гениального, но беспощадного, чуждого милосердию и гуманизму, основывающего свою власть на диктатуре и терроре, на страхе и насилии. Это можно сказать о лидерах разных государств того времени, но в наибольшей степени это может быть отнесено к России. В какой-то мере справедливым будет тезис о том, что внутри Советского Союза вплоть до 1940-х годов в определенной форме продолжалась гражданская война. Исходя из этого, и нужно анализировать сложную и противоречивую деятельность И.В. Сталина. Учитывая те очень разные оценки, которые сегодня даются этому историческому деятелю, несомненный интерес представляют те, которые давал один из его прижизненных ближайших сподвижников и, возможно, главный враг его посмертной памяти, как народного лидера — Н.С. Хрущев.

Вскоре после смерти И.В. Сталина укрепившийся у власти Н. С. Хрущев начал непримиримую борьбу против сталинского наследия. Нужно при этом отметить, что в силу своего должностного положения Хрущев подписал расстрельных списков не меньше, чем тот, на кого он пытался перенести всю вину за репрессии.

В этой связи можно привести пример, что в секретном циркулярном письме от 8 мая 1933 года, подписанном И.В. Сталиным и В.М. Молотовым от имени ЦК коммунистической партии и Советского Правительства предписывалось: «Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. Выселение допускать только в индивидуальном и частном по-

рядке и в отношении только тех хозяйств, члены которых ведут активную борьбу против колхоза и организуют отказ от сева и заготовок. <...> Воспретить производство арестов лицами на то не уполномоченными по закону — председателями РИК, районными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов <...> Аресты могут быть производимы только органами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции. <...> Запретить органам прокуратуры, ОГПУ и милиции применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда за маловажные преступления»²⁵¹.

Рассмотрим те мысли, которые Хрущев высказывал в своих воспоминаниях, написанных уже на пенсии. В них приводится, в частности, такой эпизод: «Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать! Интересно, впрочем, что как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол»²⁵². История показала, что отношение к И. В. Сталину самого Н. С. Хрущева принципиально ничем не отличалось от отношения Л. П. Берии.

Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях всячески пытался дискредитировать деятельность И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны. Он пытался показать, что И.В. Сталин практически ничего не предпринял в плане подготовки к войне, боялся А. Гитлера, что без И.В. Сталина победа была бы намного более быстрой и с меньшими жертвами: «Возвращаясь к предвоенному времени, вновь напомню, что мы начали войну при недостатке вооружения и с немобилизованной армией, хотя именно Сталин знал, что война неизбежна. Но он был парализован Гитлером, как кролик удавом, боялся всякого внешне решительного шага по укреплению границы, считая,

²⁵¹История России. 1917-1940. Хрестоматия. Под ред. проф. М.Е. Главацко. Челябинск, 1994. С. 283-284.

²⁵²Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 265.

что Гитлер может расценить это как нашу подготовку к нападению на него. Точка зрения, что только личность Сталина вывела страну из кризиса, созданного войной, и что армия победила в результате гениального руководства Сталина, полностью несостоятельна. Армия победила бы и без Сталина, и даже с меньшими потерями²⁵³. «Конечно, Сталин хотел победы. Но когда он увидел результаты своего «труда» по уничтожению кадров, увидел, что армия обескровлена и ослаблена, а люди, которые пришли к ее руководству, недостаточно подготовлены и не умеют командовать, у него появился какой-то физический, животный страх перед Гитлером. И он все делал, чтобы ублажить Гитлера. Тут воля Сталина была парализована волей врага»²⁵⁴. «Много потребовалось бы мне времени (да я и все равно не смог бы), чтобы перечислить всех. Кто погиб в результате сталинского вероломства и террора. Если бы не произошло того, что сделал Сталин, когда выдумал «врагов народа» и уничтожил честных людей, я убежден, что нам победа стоила бы во много раз дешевле»²⁵⁵. Между тем, именно И.В. Сталин был тем признанным всем народом Советского Союза лидером, который сумел сплотить страну на борьбу с гитлеровской агрессией, во все дни войны сохранить за собой верховное командование, стать тем, с чьим именем бойцы шли на смерть. Под его политическим и военным руководством СССР выиграл войну. Это исторические факты, которые невозможно опровергнуть.

Себя и других представителей высшего руководства страны Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях выставил какими-то ничего не понимающими людьми: «Ну ладно, тогда все мы были обмануты, все верили, что прозорливость «отца и вождя советского народа великого Сталина» спасла нас от врагов. Но потом-то, на XX съезде КПСС, все эти вопросы были подняты и освещены»²⁵⁶ (5). Но в другом месте он сам себе противоречит: «Если рассматривать нашу партию как основанную на демо-

²⁵³Там же. С. 243.

²⁵⁴Там же. С. 239.

²⁵⁵Там же. С. 189.

²⁵⁶Там же. С. 183.

кратическом централизме, то мы, ее руководители, не имели права не знать. Я, да и многие другие, находились в таком положении, что, конечно, не знали многого, потому что был установлен такой режим, когда ты должен знать только то, что тебе поручено, а остального тебе не говорят, и не суй нос дальше этого. Мы и не совали нос»²⁵⁷.

При чтении воспоминаний создается впечатление, что Н.С. Хрущев писал их как апологию своей деятельности, пытаюсь переложить всю ответственность за происходившие в стране процессы на И.В. Сталина и Л.П. Берия, а себя представить безвольным исполнителем сталинских приказаний. Он не скрывает своего негативного отношения к И.В. Сталину: «Сталинисты (эта кличка станет позднее, я знаю, самой оскорбительной, самой ругательной) сегодняшнего дня лакируют Сталина как гения и как вождя. Это вреднейшие люди. Они, вольно или невольно, не только прикрывают преступления, которые были совершены, но и прокладывают путь в будущее таким же методам, которыми пользовался Сталин»²⁵⁸. «Его методы, формы работы основывались на уничтожении людей, расстрелах, пытках, вымогательствах признаний в несуществующих преступлениях. Не может возникнуть двух мнений в оценке личной деятельности Сталина, подробности которой выявились в полной мере уже после его смерти. Многие стороны этой деятельности заслуживают морального осуждения, а может быть, и суда истории»²⁵⁹.

Но в то же время Н.С. Хрущев пишет, что и после смерти И.В. Сталин продолжал оказывать силой своей личности на него моральное давление: «Уже прошло три года после смерти Сталина. За эти годы мы не смогли порвать с прошлым, не смогли набраться мужества, обрести внутреннюю потребность приоткрыть полог и заглянуть, что же там на самом деле, за этой ширмой? Что кроется за всем тем, что происходило при Сталине? Что означают бесконечные аресты, суды, произвол, расстрелы? Мы сами были скованы своей деятельностью

²⁵⁷Там же. С. 293.

²⁵⁸Там же. С. 198.

²⁵⁹Там же. С. 200

под руководством Сталина и еще не освободились от посмертного давления»²⁶⁰.

В этой связи уместно привести мнение об И.В. Сталине, приписываемое выдающемуся государственному деятелю XX века лорду Уинстону Черчиллю. Это был один из самых последовательных врагов большевизма, еще в годы гражданской войны в России заявлявший о большевиках: «Они ведут бесконечную войну против цивилизации. Их цель – уничтожить все институты власти, все правительства, все государства, существующие в мире. Они стремятся создать международный союз нищих, преступников, бездарностей, бунтовщиков, больных, дебилов и дураков, который охватит весь мир. В этой войне, как Ленин справедливо заметил, не может быть ни перемирий, ни компромиссов»²⁶¹, поэтому его сложно заподозрить в какой-либо личной симпатии к вождю столь ненавистного ему большевизма.

Так вот, спустя 6 лет после смерти И.В. Сталина, в 1959 году, когда, говоря о нем, У. Черчилль мог не прибегать к политической риторике, на заседании палаты общин английского парламента (некоторые сомневаются в подлинности этого спича, но в любом случае его содержание в основном соответствует тем оценкам, которые давал Черчилль деятельности Сталина в разные годы) он по некоторым источникам произнес следующий спич по случаю 80-летия со дня рождения И.В. Сталина: «Большое счастье для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец И.В. Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому и изменчивому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли, резким и беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого

²⁶⁰Там же. С. 290.

²⁶¹Цит. по: *Бедарида Ф.* Черчилль. М., 2009. С. 137.

безвыходного положения. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет, что бы мы ни говорили о нем, - таких история и народы не забывают»²⁶².

Впрочем, и Н.С. Хрущев в некоторых местах своих воспоминаний не мог не признавать выдающихся способностей И.В. Сталина: «После смерти Сталина среди нас не было человека, который считался бы признанным руководителем. Претенденты были, но признанного всеми лидера не имелось»²⁶³. «Все знают о роли Сталина, его личности, его революционности, его заслугах перед страной и качествах, которые были отмечены партией. Он имел полное основание претендовать на особую роль, потому что действительно выделялся из своего круга и умением организовать дело, и умом. Он действительно стоял выше других. И даже сейчас, несмотря на мою нетерпимость относительно его методов и действий и его злоупотреблений, я признаю это. Этот человек не просто пришел к нам с мечом и завоевал наши умы и тела. Нет, он проявил в жизни своей превосходство, умение руководить страной, умение подчинять себе людей, выдвигать их и прочие качества, необходимые руководителю крупного масштаба»²⁶⁴.

Важным представляется для объективности привести и оценки, которые давал И.В. Сталину один из его ближайших соратников В.М. Молотов, в разные годы занимавший высшие посты в Советском Правительстве.

По мнению В.М. Молотова, «У Сталина великая роль, необычная. Он руководил, он был вождем. Сначала боролся со своим культом, а потом понравилось немножко... Нельзя меня равнять со Сталиным. Ни один человек после Ленина, ни только я, ни Калинин, ни Дзержинский и прочие не сделали и деся-

²⁶²Там же. С. 400-401.

²⁶³Хрущев Н.С. Воспоминания. С. 291.

²⁶⁴Там же. С. 287-288.

той доли того, что Сталин.»²⁶⁵. «А Сталин еще никем не замечен. Я являюсь критиком Сталина, в некоторых вопросах с ним не согласен и считаю, что он допустил крупные, принципиальные ошибки, но об этих ошибках никто не говорит, а о том, в чем Сталин прав, говорят, как об отрицательном»²⁶⁶. «Когда Хрущев попросил Рокоссовского написать какую-нибудь гадость о Сталине, тот ему ответил: «Товарищ Сталин для меня святой». На другой день Константин Константинович пришел на работу, а в его кабинете, в его кресле уже сидит Москаленко и протягивает ему решение о его снятии»²⁶⁷.

При этом Молотов не пытался «лакировать» образ Сталина; в этой связи интересны его воспоминания о ссоре И.В. Сталина и Н.К. Крупской: «То, что Ленин написал о грубости Сталина, - это было не без влияния Крупской. Она невзлюбила Сталина за то, что он довольно бестактно с ней обошелся. Сталин провел решение секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, раз врачи запретили. Они пожаловались Крупской. Та возмутилась, сказала Сталину, а Сталин ей ответил: «ЦК решил и врачи считают, что нельзя посещать Ленина». - «Но Ленин сам хочет этого!» - «Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить».

Сталин был раздражен: «Что я должен перед ней на задних лапках ходить? Спать с Лениным еще не значит разбираться в ленинизме!»

Мне Сталин сказал примерно так:

«Что же, из-за того, что она пользуется тем же нужником, что и Ленин, я должен ее также ценить и признавать как Ленина?»²⁶⁸

Необходимо отметить, что деятельность И.В. Сталина критиковали и демагоги на несколько порядков более искусные, чем Н.С. Хрущев. Свою книгу «Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов» Л.Д. Троцкий начинал заявлением: «На самом деле ложь в полити-

²⁶⁵Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. С. 260-261.

²⁶⁶Чуев Ф. Указ. Соч. С. 35.

²⁶⁷Чуев Ф. Указ. Соч. С. 433.

²⁶⁸Чуев Ф. Указ. Соч. С. 212.

ке, как и в быту, есть функция классового строения общества. Ложь угнетателей есть система отуманивания масс для поддержания своего господства. Ложь угнетенных есть оборонительное орудие слабости»²⁶⁹. Но тут же он делал уточнение, что «революция есть разрыв социальной лжи. Революция правдива. Она начинается с того, что называет вещи и отношения их собственным именем»²⁷⁰. И буквально на следующей странице писал: «Не является ли основным учреждением демагогии церковь, которая за восковую свечку обещает вечное блаженство на всем готовом?»²⁷¹ Такая примитивная демагогия самого Троцкого не может не вызывать отторжения у всякого, хоть что-то понимающего о религии, поэтому он тут же обрушивался на своих возможных критиков: «Демагогией людям порядка кажется разрушение их традиционной лжи. Революция, которая есть наиболее беспощадное обнажение противоречий общества и его фальши, представляется людям порядка извержением демагогии»²⁷². И далее Троцкий невольно сам себя обличил: «Так в сознании меньшинства, которое строит свое благополучие на подавлении и духовном закабалении большинства, все отношения переворачиваются вверх дном. <...> революция <...> поднимает новый правящий слой, который стремится закрепить свое привилегированное положение и склонен видеть в себе не временное историческое орудие революции, а ее завершение и увенчание»²⁷³.

На заседании Центральной контрольной комиссии в июне 1927 года Троцкий так критиковал идею И.В. Сталина о построении социализма в одном государстве: «Я принес вам и вручу, если пожелаете, важный документ. Это статья Фольмара, известного впоследствии немецкого социалпатриота, написанная в 1879 году. Называется она «Изолированное социалистическое государство». <...> Немецкий социалдемократ Фольмар развивал теорию национального социализма еще в

²⁶⁹Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 5.

²⁷⁰Там же.

²⁷¹Троцкий Л. Указ соч. С. 6.

²⁷²Там же.

²⁷³Там же. С. 6-7.

1879 г., тогда как его эпигон, Сталин, стал создавать свою «Самобытную» теорию только в 1924 году. Почему в 1879 году? Да потому, что это было время реакции, период большого сползания европейского рабочего движения вниз. <...> В Германии социал-демократия в это время развивалась довольно быстро. Вследствие этого противоречия Фольмар и прибег к самобытной теории социализма в одной стране. А знаете ли вы чем кончил Фольмар? Он кончил архиправым баварским социал-демократом, шовинистом. Вы скажете, что сейчас обстановка не та. Но поражения пролетариата в европейских странах были за последние годы большие. Надежды на международную революцию, на ее непосредственную победу, как это было в 19 году, - сейчас отодвинуты, и кое-кто из «оптимистов» большинства эту надежду вообще потерял, а потому и тянет к выводу, что можно обойтись без международной революции. Вот это и есть предпосылка для оппортунистического сползания к фольмаровщине, начиная с его теории социализма в одной стране»²⁷⁴.

На этом же заседании Троцкий сказал: «Если вы впрямь считаете, что против указанных мною явлений ничего поделать нельзя, значит вы признаете революцию погибшей. Потому что на нынешнем пути она должна погибнуть»²⁷⁵.

В одном из мест своих воспоминаний Н.С. Хрущев написал: «Удивляюсь некоторым крупным военачальникам, которые в своих воспоминаниях хотят обелить Сталина и представить его отцом народа, доказать, что если бы не он, то мы не выиграли бы войну и подпали под пяту фашистов. Это глупые рассуждения, рабские понятия. Что же теперь, когда нет Сталина, мы подпадем под немецкое, английское или американское влияние? Нет, никогда. Народ выдвинет новых руководителей и сумеет постоять за себя, как это было всегда»²⁷⁶.

Однако история показала, что не прошло и сорока лет после смерти И.В. Сталина, как Россия попала под влияние Запада, из под которого только сейчас вновь выходит. Можно

²⁷⁴Троцкий Л. Указ соч. С. 141-142

²⁷⁵Там же. С. 145.

²⁷⁶Там же. С. 297.

по-разному оценивать личность И.В. Сталина, однако нельзя не отметить того, что он был одним из самых выдающихся политических лидеров XX века, время для окончательных оценок деятельности которого историками еще не пришло.

Остановимся на международных процессах, предшествовавших началу Второй мировой войны. Как писал бывший посол СССР в Англии академик И.М. Майский «на следующих страницах я расскажу подлинную правду о том, что действительно происходило в отношениях СССР с Англией, Францией и Германией весной и летом 1939 года. У меня есть особые преимущества для выполнения такой задачи. С одной стороны, как советский посол в Лондоне в те дни я был свидетелем и участником тройных переговоров 1939 года между СССР, Англией и Францией, с другой – как историк в послевоенный период я имел возможность изучить всю литературу (документы, мемуары, монографии и т. д.) о кануне Второй мировой войны, которая была опубликована после ее окончания. Однако для того чтобы правда, которую я расскажу, была настоящей правдой, я должен начать свое изложение не с 1939 года, а со значительно более ранней даты. Эта дата, естественно, определяется той гранью, которая является водоразделом в эпохе между двумя войнами — приходом гитлеризма к власти в Германии»²⁷⁷.

И.М. Майский пересказывал, как перед его назначением послом в Англию в 1932 году нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов давал ему директивы, указывая на то, что в связи с явными перспективами прихода в Германии к власти Гитлера, геополитическая ситуация изменится и Советскому Союзу «надо попробовать улучшить отношения с Англией и Францией, особенно с Англией, как ведущей державой капиталистической Европы. Правда, оба эти государства до сих пор относились к нам враждебно... Максим Максимович в подтверждение своей мысли некоторые важнейшие факты (руководящее участие Англии и Франции в интервенции 1918-1920

²⁷⁷Майский И.М. Кто помогал Гитлеру (из воспоминаний советского посла). М., 1962. С. 7.

гг., ультиматум Керзона в 1923 году, налет на АРКОС²⁷⁸ и разрыв англо-советских дипломатических отношений в 1927 году, бешеные антисоветские кампании в 1930-1931 гг.)»²⁷⁹.

Представляет интерес воспоминание И.М. Майского о том, какова была реакция высшего общества Англии на него, как советского посла: «8 ноября 1932 г. я вручил свои верительные грамоты английскому королю и, стало быть, юридически оформил свое положение, как посла СССР в Великобритании. На следующий день мне пришлось уже в качестве советского представителя присутствовать на ежегодном банкете лорд-мэра лондонского Сити, устраиваемом по случаю его вступления в исполнение своих обязанностей. Этот банкет является чрезвычайно красивой церемонией средневекового стиля, на которую собираются 500-600 человек, представляющих подлинные «сливки» капиталистической Англии. <...> Пока гость идет, гремят аплодисменты ранее пришедших гостей в его честь. Доза аплодисментов варьируется в зависимости от положения и популярности гостя. Получается своеобразный плебисцит, и по количеству выпавших на долю гостя аплодисментов можно безошибочно судить об отношении к нему со стороны правящей Англии»²⁸⁰. И далее И.М. Майский вспоминал как после бурных оваций японскому послу, когда «герольд возгласил:

- Его превосходительство советский посол Иван Майский!

Точно порыв ледяного ветра пронесся по залу. Все смолкло. Я тронулся по красной дорожке. Ни звука! Ни одного хлопка!... <...> Да, демонстрация чувств правящей Англии к Советскому Союзу была яркая и законченная!...»²⁸¹

И.М. Майский отмечал, что «в период между двумя мировыми войнами британский господствующий класс распался

²⁷⁸АРКОС — в полной расшифровке «All-Russian Cooperative Society», то есть «Всероссийское кооперативное общество», — являлся в те годы центральным органом советской торговли в Англии, юридически оформленным как английская торговая компания.

²⁷⁹Там же. С. 14.

²⁸⁰Там же. С. 19-20.

²⁸¹Там же. С. 20-21.

по вопросу отношения к СССР на две главные группировки. В одной преобладал принцип государственного интереса – эта группировка видела, что Англия и СССР как державы не имеют никаких серьезных противоречий, а в области экономической даже очень могут быть полезны друг другу. Данная группировка отстаивала политику сближения с СССР. Среди ее видных представителей были такие люди, как Ллойд Джордж, Бивербрук, Иден, Вантисарт и др. После прихода Гитлера к власти к этой группировке присоединился и Черчилль. В другой группировке, напротив, преобладало слепое чувство классовой ненависти к СССР, как стране социализма. Эта группировка считала необходимым при всяких условиях атаковать Советский Союз, даже в ущерб национальным интересам Англии как государства. Ее наиболее видными представителями были Керзон, братья Чемберлен – Остин и Невиль, Биркехед, Джойнсон Хикс, Саймон, Галифакс и др. До 1934 г. с этой группировкой шел и Черчилль. Каково было соотношение сил между этими двумя группировками? <...> В середине и второй половине 30-х годов расстановка сил внутри господствующего класса Великобритании (беря за одну скобку консерваторов и либералов) была примерно следующая: в консервативной партии - три четверти шли за Чемберленом и лишь около одной четверти стояли на позиции Черчилля; либералы делились между двумя группировками приблизительно пополам, однако в эти годы они уже явно шли к упадку и потеряли большую часть своего прежнего политического влияния. Отсюда ясно, что в рассматриваемый период чемберленцы в рядах господствующего класса играли решающую роль, особенно с учетом того, что в эпоху между двумя мировыми войнами они слишком долго стояли у власти и сумели заполнить своими сторонниками большую часть государственного аппарата»²⁸².

Позднее, в своей знаменитой Фултонской речи, сэр Уинстон Черчилль говорил о том, что Второй мировой войны могло не быть, если бы именно его сторонники оказывали решающее влияние на политические процессы: «Когда в свое

²⁸²Там же. С. 36.

время я увидел приближающуюся опасность и обратился к своим согражданам и ко всему миру с призывом остановить ее, никто не прислушался к моим словам. А между тем вплоть до 1933 или даже до 1935 года Германию еще можно было спасти от ожидавшей ее страшной участи, и человечество избежало бы тех неисчислимых бед, которые обрушил на нее Гитлер. Во всей мировой истории не найти другого примера войны, которой можно было бы так же легко избежать, как недавней кровавой бойни, прошедшей опустошительной поступью по всей земле. Нужно было лишь своевременно принять необходимые меры, и, я уверен, Вторая мировая война была бы предотвращена, причем без единого выстрела, а Германия смогла бы стать процветающей, могущественной и всеми уважаемой страной. Однако никто не верил в надвигающуюся опасность, и постепенно, одна за другой, страны мира оказались втянутыми в чудовищный водоворот войны»²⁸³.

И И.М. Майский в своей книге, косвенно подтверждает этот тезис лорда Черчилля, когда пишет, что «именно в этот период чемберленовцы выдвинули новый план для парирования германской угрозы, который в то время именовался «концепцией западной безопасности». Если в 1934 году правящие круги Англии всех толков и течений склонялись к возрождению Антанты эпохи первой мировой войны и видели именно в ней гарантию сохранения Британской империи, то теперь, в 1935 году, среди правящих кругов Англии стало все явственнее обнаруживаться расхождение между сторонниками «государственного интереса» и сторонниками «классовой ненависти». Первые по-прежнему стремились к возрождению Англии и, стало быть, к сближению между Англией и СССР. Вторые все больше увлеклись игрой на другую лошадь. Они рассуждали примерно так: «Для Британской империи опасны и гитлеровская Германия и Советская Россия: надо столкнуть их между собой (тем более, что фашисты и коммунисты ненавидят друг друга), а самим остаться в стороне; когда Германия и СССР хорошенько пустят друг другу кровь и в результате войны сильно ослабеют, настанет момент для выступления на сцену «за-

²⁸³ Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 380.

пада», прежде всего Англии, - тогда «запад» продиктует Германии и СССР такой мир, который на долгое время, если не навсегда, обеспечит безопасность Британской империи и, возможно, ее мировую гегемонию». Из этой концепции естественно вытекали борьба против сближения между Лондоном и Москвой, а также всяческое поощрение Гитлера к развязыванию войны на востоке»²⁸⁴.

И.М. Майский приводит слова Черчилля, который в частной беседе, критикуя данную позицию, указал на следующее: «Эти люди рассуждают так: все равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения, - так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных на востоке и юго-востоке Европы! Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое. Такие рассуждения, конечно, сплошной идиотизм, но, к сожалению, они еще пользуются значительной популярностью в известных кругах консервативной партии. Однако я твердо убежден, что победа в конечном итоге останется не за сторонниками «западной безопасности», а за теми людьми, которые подобно мне или Ванситарту, считают, что мир неделим и что Англия, Франция и СССР должны явиться костяком того оборонительного союза, который будет держать Германию в надлежащем страхе. Никаких уступок Гитлеру делать нельзя. Всякая уступка с нашей стороны будет истолкована как признак слабости и только окрылит Гитлера к повышению его требований»²⁸⁵.

И.М. Майский приводит конкретные примеры попустительства этих оппонентов Черчилля в правительстве Англии, приводившие к усилению Гитлера. Один из наиболее ярких - «англо-германское морское соглашение, подписанное в июне 1935 года. Как известно, Версальский договор устанавливал очень жесткие ограничения для морских вооружений Германии. В феврале 1935 года Гитлер односторонним решением разорвал все военные статьи этого договора и приступил к гонке немецких вооружений на суше и на море. Конференция в

²⁸⁴Майский И.М. Указ. Соч. С. 53-54.

²⁸⁵Тем же. С. 55.

Стрезе осудила (хотя и в мягкой форме) названные действия «фюрера». И вот теперь, всего через два месяца после Стрезы, Англия официально признала право Германии на морские вооружения, далеко выходящее за версальские рамки! <...> Официозные комментарии не оставляли сомнений в том, что важнейшим мотивом для заключения такого соглашения было стремление Англии обеспечить Германии господство на Балтийском море против СССР. Дорога для гитлеровской гонки вооружений была не только открыта, но даже юридически узаконена»²⁸⁶.

«Когда 7 марта 1936 г. Гитлер объявил о разрыве Локкарнского договора и реокупировал Рейнскую область и когда СССР предлагал принять решительные меры против этого нового акта агрессии, Англия и Франция при поддержке США ограничились лишь словесными протестами, которые оказывали на Гитлера такой же эффект, как слова крыловского повара на кота Ваську. А между тем, как позднее стало известно, гитлеровские генералы, вступая в Рейнскую область, имели в кармане предписание немедленно ретироваться, если французы окажут им какое-либо сопротивление»²⁸⁷.

Невиля Чемберлена, английского политика, оказавшего наибольшую поддержку развитию режима Гитлера, как своими действиями, так и бездействием, Майский характеризовал, забывая о том, что как дипломат, он должен был бы более подбирать слова: «Невиль Чемберлен был, несомненно, самой зловещей фигурой на тогдашнем политическом горизонте Англии. Зловещей по глубоко органичной реакционности своих воззрений, зловещей по тому влиянию, которым он пользовался в консервативной партии. Тот факт, что Невиль Чемберлен был человеком ограниченных взглядов и малых способностей, что его политический кругозор, по выражению Ллойд Джорджа, не возвышался над кругозором «провинциального фабриканта железных кроватей», только усугублял опасность от его пребывания у власти. <...> В 1917 году, как консерватор знатного происхождения, Невиль Чемберлен получил пост

²⁸⁶Там же. С. 57-58.

²⁸⁷Там же. С. 59.

министра рекрутирования армии в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа, но позорно провалился и был изгнан премьером из правительства. И вот теперь этот самый Невиль Чемберлен стал главой британского кабинета, да еще в такой сложной и трудной мировой обстановке!»²⁸⁸

Майский описал и свои впечатления от общения с Чемберленом по проблеме гитлеровского нацизма: « - Если бы мы могли, - говорил он, - сесть с немцами за один стол и с карандашом в руках пройти по всем их жалобам и претензиям, то это сильно прояснило бы отношения.

Итак, все дело лишь в том, чтобы сесть за один стол с карандашом в руках! Как просто! Мне невольно вспомнились слова Ллойд Джорджа - «провинциальный фабрикант железных кроватей». Действительно, Гитлера и себя он, видимо, представлял как двух купцов, которые поспорят, пошумят, поторгуются и затем в конце концов ударят по рукам. Вот как примитивны были политические понятия премьера!»²⁸⁹

В реальности именно политика Чемберлена и назначенного заместителем премьера, а затем министром иностранных дел лорда Галифакса во многом и спровоцировала гитлеровскую агрессию вне Германии. Как писал Майский «из записи беседы Гитлера и Галифакса 17 ноября 1937 года, опубликованной МИД СССР в 1948 году, совершенно ясно, что Галифакс от имени британского правительства предлагал Гитлеру своего рода альянс на базе «пакта четырех» и предоставления ему «свободы рук» в Центральной и Восточной Европе. В частности, Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе, и далее уточнил, что «к этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия». <...> Гитлер <...> мог рассматривать свою беседу с Галифаксом как благословение Лондона на насильственный захват «жизненного пространства» в указанных районах.<...> Он не стал терять времени, и 12 марта 1938 г, через 12 дней после назначения Галифакса министром иностранных дел, сделал первый крупный «прыжок» - молние-

²⁸⁸Там же. С. 61.

²⁸⁹Там же. С. 62.

носным ударом захватил Австрию. Точно издеваясь над лондонскими «умиротворителями», «фюрер» приурочил свой захват как раз к тому дню, когда Чемберлен торжественно принимал у себя приехавшего в Англию германского министра иностранных дел Риббентропа. И что же? Англия и Франция реагировали на столь вопиющий акт агрессии лишь словесными протестами, которые ни они сами, ни тем более Гитлер не принимали всерьез»²⁹⁰.

После Австрии угроза нависла над Чехословакией. И опять Гитлер добился успеха именно благодаря попустительству определенных сил в Англии. Как писал Майский, «вместо того, чтобы заявить, что Англия вместе с Францией не даст Гитлеру проглотить Чехословакию (а такой шаг еще имел шансы остановить руку агрессора), правительство Чемберлена решило отправить в Чехословакию миссию во главе с лордом Ренсименом. Кто такой был лорд Ренсимен? Это был никогда не занимавшийся международными делами престарелый савонник, глухой, малоподвижный, и даже толком не знавший, где находится Чехословакия (я убедился в этом из одного разговора с ним, происходившего летом 1938 г.). Какая цель ставилась перед миссией Ренсимена? Официально миссия должна была «исследовать» на месте ситуацию и сделать посредническое предложение в целях урегулирования германо-чешского конфликта. Фактически, однако, как показали события, «работа» миссии свелась к прокладыванию пути для расчленения Чехословакии»²⁹¹.

И это при том, что «Франция имела с Чехословакией пакт взаимопомощи, и, если бы Германия напала на Чехословакию, Франция обязана была бы выступить на ее защиту. Англия такого формального пакта с Чехословакией не имела, но, как близкая союзница Франции, она тоже не могла бы остаться в стороне»²⁹². Министр иностранных дел СССР М.М. Литвинов «2 сентября 1938 г. заявил французскому поверенному в делах в Москве Прайяру (посол Наджиар был в отсутствии) и просил

²⁹⁰Там же. С. 67.

²⁹¹Там же. С. 72.

²⁹²Там же. С. 71.

его срочно передать французскому правительству, что правительство СССР в случае нападения Германии на Чехословакию исполнит свои обязательства по советско-чехословацкому пакту взаимопомощи 1935 года и окажет Чехословакии вооруженную помощь. <...> Примерно в то же время, как впоследствии заявил Готвальд (ставший после войны президентом Чехословакии), И.В. Сталин через него довел до сведения президента Чехословацкой республики Бенеша, что Советский Союз готов оказать Чехословакии вооруженную помощь, даже если Франция это не сделает»²⁹³.

Как писал И.М. Майский «я не сомневался тогда, не сомневаюсь и сейчас, что если бы французское правительство подхватило протянуло ему советскую руку, если бы Англия и Франция хотя бы в этот поздний час искренне пошли на совместные действия с СССР, Чехословакия была бы спасена, а весь ход европейских и мировых событий принял бы иное направление. Однако поступить так — означало бы поссориться с Гитлером, поставить крест над планами «западной безопасности», отказаться от надежд столкнуть Германию с СССР... Ни Чемберлен, ни Даладье на это не хотели пойти!»²⁹⁴

«Как известно, первое паломничество Чемберлена к Гитлеру состоялось 15 сентября. Гитлер принял британского премьера в Берхтесгадене и выдвинул свои требования к Чехословакии, угрожая в случае отказа последней применить силу. Чемберлен вернулся в Лондон. Состоялось экстренное совещание англо-французских министров, которое приняло требования Гитлера. 19 сентября под нажимом из Лондона и Парижа чехословацкое правительство также приняло эти требования»²⁹⁵. А дальше были новые уступки. «В итоге за спиной Чехословакии было подписано мюнхенское соглашение, суть которого сводилась к следующему. Судетская область передавалась Германии со всем находящимся там имуществом, а сверх того Чехословакия должна была удовлетворить территориальные требования к ней со стороны Польши и Венгрии.

²⁹³Там же. С. 72-73.

²⁹⁴Там же. С. 74-75.

²⁹⁵Там же. С. 77-78.

Остальная Чехословакия, беззащитная и униженная, должна была получить гарантию «большой четверки»²⁹⁶, гарантию, ценность которой после всего случившегося была немногим выше нуля. Для того, чтобы хоть немного ослабить гнетущее впечатление, которое на широкую английскую общественность должно было произвести мюнхенское предательство, Чемберлен уговорил Гитлера подписать вместе с ним бумажку о том, что отныне не должно быть войн между Англией и Германией. Никчемную бумажку, годную, как показало дальнейшее, лишь для мусорной корзины!.. Этой бумажкой Чемберлен демонстративно размахивал по возвращении из Мюнхена на лондонском аэродроме, громко провозглашая, что теперь обеспечен «мир в наше время!..»²⁹⁷

И.М. Майский делает вывод, что «если говорить о лицах, которые помогали Гитлеру, которые наиболее полно олицетворяли эти реакционные силы и проводили угодную им политику, то надо в первую очередь назвать Невилля Чемберлена и Даладье. Трудно переоценить всю глубину их исторической ответственности за развязывание второй мировой войны и за бесчисленные жертвы, потери и страдания, которые она принесла с собой человечеству»²⁹⁸.

Воспоминания И.М. Майского, при всей дипломатической сглаженности формулировок, в основном все-таки присущей его книге, указывают на то, что без поддержки определенных политических и финансовых кругов Англии Гитлер не смог бы прийти к власти в Германии, и его дальнейшее продвижение к развязыванию Второй мировой войны было связано именно с наличием поддержки и попустительства этих кругов Британской империи и отчасти Франции.

15 января 2015 года в статье в «Таймс» премьер-министр Великобритании и Президент США заявили, что вместе их страны победили нацистов... Вспоминается история про один международный студенческий лагерь, где молодежь обсуждала итоги Второй мировой войны. Там один юноша,

²⁹⁶Англия, Германия, Франция и Италия

²⁹⁷Там же. С. 79-80.

²⁹⁸Там же. С. 196.

представитель маленькой островной страны заявил, что победа над фашизмом принадлежит именно его народу. И на вопрос: почему? мотивировал, что их колдуны, используя магию вуду, проткнули иголкой восковую фигурку Гитлера... Давайте вспомним историю. Второй фронт был открыт нашими английскими и американскими союзниками только в 1944 году, когда они поняли, что если они этого не сделают, то советская армия пройдет всю Европу до неоккупированной части Франции. И это было вполне реально; возможно победа отодвинулась бы на несколько лет, но силы Советского Союза позволяли ее одержать.

Посмотрим еще на цену, которую заплатили за победу во Второй мировой войне СССР и союзники. Советские потери составили свыше 20 млн. человек, значительная часть из них - гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, болезней и голода, от налетов вражеской авиации. Потери народонаселения Великобритании 370 тыс. чел., США около 300 тыс. человек (по другим данным 418 000 человек) погибшими²⁹⁹.

По другим данным людские потери СССР - 6,8 млн. военнослужащих убитыми, 4,4 млн. попавшими в плен и пропавшими без вести. Общие демографические потери (включающие погибшее мирное население) - 26,6 млн. человек. (По данным, изданным группой исследователей под руководством консультанта Военно-мемориального центра ВС РФ Григория Кривошеева в 1993 году). По данным У. Черчилля, вооружённые силы Великобритании за годы Второй мировой войны потеряли убитыми и пропавшими без вести 303 240 человек, а вместе с доминионами, Индией и колониями - 412 240 человек. Потери гражданского населения составили 67 100 человек, потери рыболовецкого и торгового флота - 30 000 человек. Согласно двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны», потери Великобритании во Второй мировой войне составили 450 000 человек.

²⁹⁹Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978, стр. 25; Б. Урланис. Народонаселение. Исследования, публицистика. М., 1976, стр. 201 - 203.

И все сегодняшние попытки замалчивать значение Советского Союза в победе над нацизмом также нелепы, как заявление о победителе во Второй мировой войне, сделанной юношей из островного государства...

И.В. Сталину многое ставили в вину: и то, что перед войной были проведены репрессии против командного состава армии, и то, что страна не была готова к войне. Думается, что здесь уместно процитировать В.М. Молотова, который вспоминал впоследствии: «Я считаю Тухачевского очень опасным военным заговорщиком, которого в последний момент только поймали. Если бы не поймали, было бы очень опасно»³⁰⁰. «По сути, к войне мы были готовы в главном. Пятилетки, промышленный потенциал, который был создан, он и помог выстоять. Иначе бы у нас ничего не вышло. Прирост военной промышленности в предвоенные годы у нас был такой, что больше было невозможно!»³⁰¹

Большой критике подвергался и пакт о ненападении с Германией 1939 года. Здесь уместно отметить, что не являвшийся другом СССР Черчилль писал о нем так: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу «поодиночке». Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. <...> Если их политика и

³⁰⁰Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. С. 418.

³⁰¹Чуев Ф. Указ. соч. С. 35.

была холодно расчетливой, то она также была в тот момент в высокой степени реалистичной»³⁰².

О том, какую судьбу готовил Гитлер СССР, говорят многие источники. Можно процитировать генерала Винценца Мюллера, единственного немецкого генерала, который капитулировал не просто сам или с узким кругом приближенных офицеров, но отдал приказ о капитуляции всей своей армии, что было его осознанным политическим решением. Он писал: «Перед вторжением в Россию Гитлер вместе с приказом о задачах СС по истреблению населения издал и чреватый тяжелыми последствиями приказ, отменивший уголовную ответственность солдат за преступные действия против мирного населения. <...> Нацистские руководители хотели превратить Россию в колонию. И в этом вопросе я располагаю конкретным доказательством. Генерал пехоты фон Зоденштерн, начальник штаба группы армий «Юг», ездил в начале июля 1942 года по служебным делам в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. Во время обеда Гитлер заявил, что он собирает теперь все книги о методах колонизации, чтобы применить эти методы при «колонизации России»³⁰³. И желание Сталина оттянуть время для того, чтобы СССР имел достаточно сил для встречи с врагом, представляется естественным.

Имеет смысл процитировать и то, что писал о роли И.В. Сталина во Второй мировой войне итальянский историк Джузеппе Боффа: «Более чем любой другой правитель в любой из воюющих стран, Сталин действительно держал в своих руках управление войной во всех ее аспектах: политических и дипломатических, экономических и военных. Он реально был Верховным Главнокомандующим, ибо своим военачальникам он оставлял лишь ограниченную самостоятельность. <...> Лично на себя Сталин взвалил в годы войны гигантский труд. По прошествии лет его ближайшими сотрудниками были высказаны противоречивые оценки его руководства в тот период: негативные у одних (Хрущева, Воронова), хвалебные у других

³⁰²Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 113-114.

³⁰³Мюллер В. Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала. М., 1974. С. 294.

(Микояна, Штеменко), умеренно позитивные у третьих (Жукова, Василевского). Оценивать деятельность Сталина надо дифференцированно. <...> Он никогда не был на фронте, но со временем приобрел солидную компетенцию в военных делах. <...> При всех отрицательных сторонах он был в общем и целом самым деятельным из военных руководителей военных лет; самым деятельным из трех лидеров антифашистской коалиции, сказал позже американец Гарриман, который близко знал всех трех. Но его самая крупная заслуга состояла в другом. Он понял, что без упорства, терпения и мужества советских людей было бы бесполезно и его руководство. Этому народу, которому в час беды требовался в первую очередь сильный предводитель, Сталин сумел явиться в роли вождя. <...> В своих немногочисленных речах он умел найти слова, внушавшие надежду. Его решение не оставлять Москву в октябре 1941 года было ключевым в психологическом отношении актом, предпринятым точно в нужный момент: всем тогда было нужно проявление уверенности. С этого момента и сложился народный образ «сурового отца». То был условный образ, но солдаты слепо верили в него. Это не преувеличение, что они шли в атаку с возгласом: «За Родину! За Сталина!»³⁰⁴

О значении простого советского человека для дела Победы очень хорошо написал маршал Василевский: «я хочу отдать должное главному герою Великой Отечественной войны — советскому рядовому бойцу и партизану, младшему, среднему и старшему командному и политическому составу наших славных Вооруженных Сил. Это они <...> сумели отстоять честь и свободу Родины, изгнать с ее земли фашистских захватчиков, помогли освободиться от них народам Европы. Я восхищаюсь стойкостью и героизмом, проявленными ими на полях сражений, их дисциплинированностью, умением переносить любые трудности, их неисчерпаемой верой в победу»³⁰⁵. И хотелось бы привести еще слова маршала Жукова: «Я призвал бы также нашу молодежь бережно относиться ко всему, что

³⁰⁴Бюффа Д. История Советского Союза. В двух томах. Том 2. М., 1994. С. 165-166.

³⁰⁵Василевский А.М. Дело всей моей жизни. М., 1978. С. 551.

связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди нас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно»³⁰⁶.

Нельзя забывать и того, что не успела закончиться Вторая мировая война, как бывшие союзники СССР стали вынашивать мысли о Третьей. Как писал А.И. Уткин, в 1948-1949 гг. «в Вашингтоне всерьез раздумывали о возможности перерастания советско-американских разногласий в новую мировую войну. <...> Единственная надежда на победу в войне против СССР возлагалась американским руководством на «атомизацию» Советского Союза, которая, по мнению составителей плана «Бройлер», должна заставить Кремль капитулировать: «На протяжении трех лет концепция войны против СССР будет основана на скорейшем проведении мощного воздушного наступления, в ходе которого будет максимально использован разрушительный потенциал и разрушительный эффект атомной бомбы, и в дополнение к этому будут применены обычные бомбардировки, с целью лишить СССР возможности продолжать военные действия»³⁰⁷. Историк приводит некоторые положения плана «Троян», принятого в 1948 году, согласно которому «предполагалось в течение 30 дней подвергнуть атомной бомбардировке 70 основных индустриальных центров в СССР, в результате чего, по мнению американских военных, должно быть выведено из строя от 30 до 40% советского промышленного потенциала, 2 миллиона 700 тысяч советских людей должны погибнуть немедленно, еще 4 миллиона должны скончаться через некоторое время и, кроме того, 28 миллионов обитателей этих городов должны были остаться без крова»(3). И не началась война только потому, что Советский Союз смог противопоставить адекватный, в том числе атомный противовес этим захватническим планам³⁰⁸.

³⁰⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. Т. 3. М., 1988. С. 348.

³⁰⁷ Уткин А.И. СССР в осаде. М., 2009. С. 127-129.

³⁰⁸ Там же. С. 125.

Последние события, происходящие в мире, заставляют все чаще мысленно возвращаться к тем процессам, которые привели к распаду Советского Союза.

Как писал известный историк и политолог А.И. Уткин «совершаемого Горбачевым переворота политического и социального облика своей страны в Вашингтоне не ожидал никто. <...> С чего начал Горбачев свою первую встречу с вице-президентом США Бушем и государственным секретарем Дж. Шульцем? Говорил ли он о национальных интересах своей страны? Оказывается, он видел свою задачу в том, чтобы «помочь всем странам»³⁰⁹.

По словам Джима Гаррисона, основателя Горбачев-фонда в США «махинации Бориса Ельцина привели к распаду Советского Союза в конце 1991 года, оставив лишь ослабленную и бурлящую Россию и ряд свежеиспеченных независимых и хаотических евразийских республик»³¹⁰. Однако нужно понимать, что вне рамок проводимой М.С. Горбачевым политики приоритета американских геополитических интересов над советскими, не было бы возможно и развитие этой политики Б.Н. Ельциным.

Государственный секретарь США Дж. Шульц отмечал, что «Он (Горбачев) складывал подарки у наших ног – уступка за уступкой». <...> Вместо слов благодарности Шульц отмечал, что эти уступки – «результат нашего пятилетнего давления на них». Конгрессмен Э. Марки оценил согласие СССР уничтожить свои ракеты средней дальности как «лучшее, что русские предложили нам со времен Аляски»³¹¹. Отвечавший за международную политику СССР Э.А. Шеварнадзе удивил другого государственного секретаря США Дж. Бейкера тем, что «министр великого Советского Союза более всего думает о своей закавказской родине, не скрывая этого от своих важнейших контр-

³⁰⁹Уткин А.И. СССР в осаде. М., 2010. С. 249-250.

³¹⁰Гаррисон Д. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски. Б.м., 2009. С. 159.

³¹¹Уткин А.И. Указ. соч. С. 251.

партнеров. «Я находился, - пишет Бейкер, - в московских апартаментах советского министра иностранных дел и беседовал с энергичной и интеллигентной его женой, которая безо всякого провоцирования открыла мне, что в глубине души она всегда была грузинской националисткой». И, пишет Бейкер, я еще много раз слышал вариации этих взглядов из уст советского министра»³¹².

Бывший председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков в своих воспоминаниях давая оценку деятельности трех политиков, подписавших Беловежские соглашения, писал: «Снижение жизненного уровня народа с тем, чтобы восстановить его против центральной власти – вот что было первостепенной задачей этой публики. <...> Из заявления разрушителей страны складывалось впечатление, что высшие органы власти и управления и руководители республик стояли в стороне, не принимая участия в подрывных акциях. «Забыты» были и объявленное ими верховенство республиканских законов над союзными, и введение запрета на право вывоза товаров за пределы республики, и обособленное регулирование цен»³¹³. Цитируя книгу А.Д. Шутова «На руинах великой Державы» Н.И. Рыжков однозначно показывает свое видение того, чьи интересы реализовывали подписавшие Беловежские соглашения: «Ельцин срочно доложил о содеянном американскому Президенту Дж. Бушу (старшему). «Сегодня в нашей стране произошло очень важное событие, и я хотел бы лично проинформировать вас, прежде чем вы узнаете об этом из печати», - торжественно произнес Ельцин. Он подчеркнул, рассказывает Буш в своих мемуарах, что «Горбачев еще не знает этих результатов»³¹⁴.

Для американских народных масс необходимость гонки вооружений объяснялась советской угрозой. Поэтому, как писал американский исследователь Д.Б. Фостер, «гласность и перестройка конца 1980-х годов, за которыми последовало па-

³¹²Уткин А.И. Указ. соч. С. 251-252.

³¹³Рыжков Н.И. Кто стоял за спиной Горбачева // Иуда. Анатомия предательства Горбачева. М., 2010. С. 221.

³¹⁴Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 219-220.

дение зависимых от Советского Союза режимов в Восточной Европе в 1989 году и развал самого Советского Союза в 1991 году, породили большие надежды, особенно среди тех, кто всегда верил в утверждения, будто военные базы США находились там для сдерживания советской угрозы и что произойдет быстрый демонтаж этой системы»³¹⁵. В реальности же в мире, «внезапно» ставшим однополярным, произошло еще большее наращивание американского военного потенциала.

Распад Советского Союза стал победой Соединенных Штатов в холодной войне, победой, достигнутой, в первую очередь, благодаря тому, что к власти в СССР и России пришли люди, приоритетом политики которых в силу тех или иных причин оказалась реализация именно американских геополитических интересов. О том, каким образом была достигнута поддержка этих процессов населением, интересное предположение высказывал бывший заместитель председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР Б.И. Олейник, который писал о том, что американские спецслужбы «в свою «программу» включили также воздействия, которые вызывают «лишение способностей», дегенерацию личности, ее дезинтеграцию, роботизацию, необратимые изменения психики, мышления, включая и оккультные методы влияния на мозг. <...> многие из темных мест начинают проясняться. В частности «Каким образом они получили возможность, особенно через телевидение, подвергать все население страны регулярному воздействию подсознательного, не поддающегося контролю внушения... Практически в течение года, причем решающего для судеб страны, нас успокаивали, приводили в инертное состояние»³¹⁶.

То, что происходило и до сих пор происходит в так называемой «медийной» сфере в России сегодня заставляет вспомнить знаменитые слова А. Даллеса: «Литература, театры, кино – все будут изображать самые низменные человеческие чувст-

³¹⁵Фостер Д.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека». М., 2007. С. 95-96.

³¹⁶Олейник Б.И. Михаил Горбачев перед судом истории // Иуда. Анатомия предательства Горбачева. М., 2010. С. 67-68.

ва. Мы всячески будем поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства... И лишь немногие... будут догадываться, что происходит... но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать»...³¹⁷.

Опыт, полученный Россией в конце 1980-х – начале 1990-х, однозначно свидетельствует о том, что шаги по ее возрождению, предпринимаемые сегодня Президентом РФ В.В. Путиным, будут эффективны при проведении коренных преобразований в образовательной и культурной сферах, формировании государственной идеологии, так как аморфные «общечеловеческие ценности» не могут быть фундаментом государственной политики по противостоянию тоталитарному миру лжи и пропаганды «по западному образцу».

³¹⁷Цит. по: *Олейник Б. И.* Указ. соч. С. 68.

Глава IV. Взгляд на Восток

Россия, в условиях глобальных вызовов начала третьего тысячелетия, обращает взгляд на Восток, в сторону Китая.

На протяжении значительной части своей истории, особенно в XIX и XX столетиях, когда отношения между Китаем и Россией быстро развивались в рамках первой волны глобализации, Россия считала себя более мощной державой. В недолгий период китайско-советского альянса в 1950-х годах Советский Союз называл себя «старшим братом». В постсоветский период вплоть до недавнего времени Россия была более слабым партнером Китая, и это беспрецедентная ситуация: такого не бывало с начала освоения русскими Сибири в XVII столетии³¹⁸. Впрочем, история российско-китайских отношений знает периоды, когда Китай, по крайней мере, в регионе соприкосновения с Россией, был более мощным государством. Так было с XVII до первых десятилетий XIX века. Однако с тех пор почти два столетия (считая и советский период) Россия превосходила Китай в военном, политическом и экономическом отношениях. Исторический поворот в пользу Китая в конце двадцатого века нарушил сложившиеся представления³¹⁹. Однако, на данный момент можно говорить о равных возможностях государств: экономическое превосходство Китая компенсируется военным превосходством России, и их сотрудничество открывает огромные перспективы для развития новой геополитической реальности.

Уже более двух десятилетий в России, то усиливаясь, то затухая, идут разговоры об угрозе китайской «демографической экспансии». Газеты пишут о переселившихся в Россию то ли сотнях тысяч, то ли миллионах китайских мигрантов; о том, что китайское руководство якобы такое переселение поощряет, вынашивая планы заселения российских территорий и по-

³¹⁸ Качинс Э. Россия и Китай: двойственный союз // Pro et Contra. 2007, № 6 (39), ноябрь-декабрь. С. 62.

³¹⁹ Лукин А. Китай: опасный сосед или выгодный партнер? // Pro et Contra. 2007, № 6 (39), ноябрь-декабрь. С. 73.

следующего их захвата; что Китай субсидирует выезд своих граждан в Россию; что китайская мафия, также руководимая из Пекина, контролирует Россию; что Китай овладевает нашими стратегическими ресурсами, вооружается современным российским оружием, с тем, чтобы потом на нас же и напасть³²⁰. Однако представляется, что такие нагнетания напряженности не сопряжены с реальными угрозами.

Можно констатировать, что феномен Китая во второй половине XX века был обусловлен тем, что в отличие от СССР он не отказался от сплывавшей страну в ее национально-освободительном движении коммунистической идеологии и в проведении экономических реформ опирался на имеющийся партийно-государственный аппарат, используя при этом новейшие достижения современной мировой науки и техники. Взаимоотношения же с Россией на данном этапе следует оценивать как добрососедские и имеющие перспективы дальнейшего углубления сотрудничества.

Обратимся к истории. В середине 90-х годов XIX века полфеодальный Китай становится объектом ожесточенной борьбы империалистических держав за его дальнейшее экономическое и политическое закабаление, за расчленение территории. Капиталистический мир вступил к этому времени в стадию империализма, борьба за раздел мира сменилась борьбой за его передел. Важнейшим объектом этой борьбы стал Китай. Ведущую роль в разделе Китая играл английский империализм. В результате страна оказалась поделенной на сферы влияния иностранных империалистических держав. Кроме Британской империи это были Франция и Япония. Исключительно большое значение в своих захватнических планах придавали Китаю США. В 1840–1850-х гг. они получили не только все те привилегии, которые приобрели другие державы, но и ряд дополнительных. Между тем в стране усиливались выступления против феодалов и иностранных захватчиков. В кругах растущей китайской буржуазии, среди либеральных помещиков, интеллигенции получают распространение идеи, оппози-

³²⁰ Там же. С. 83.

ционные существовавшему режиму³²¹. В Шаньдуне и Чжили в 1898 году большое влияние среди крестьянства и городской бедноты приобрело тайное общество «И-хэ-туань». В июне 1900 года отряды повстанцев ихэтуаней вступили в Пекин, блокировали квартал, где были расположены иностранные дипломатические миссии. В ответ империалистические державы, захватив форты Дагу, организовали интервенцию, в которой приняли участие Германия, Франция, Япония, Россия, США, Англия, Австро-Венгрия и Италия. В августе 1900 года интервенты заняли Пекин. К началу XX века Китай стал типично полукOLONиальной страной, опутанной системой неравноправных договоров, лишенной важнейших элементов национального суверенитета. Иностранные войска получили возможность находиться в главных центрах страны. Империалисты душили развитие национальной экономики, наводняя китайский рынок своими товарами. Таможенными доходами Китая полностью распоряжались иностранные державы³²².

В 1910–1911 годах по всей стране проходили крестьянские восстания и городские волнения. Национальная буржуазия была заинтересована в создании новой власти, способной отстоять интересы развивающегося национального капитала. 12 февраля 1912 года от имени малолетнего императора Пу-и был опубликован акт отречения Цинской династии. 16 февраля 1912 года Национальное собрание Китая избрало временным президентом республики Юань Шикая. В августе 1912 года в Пекине была образована политическая партия гоминьдан. Режим диктатуры Юань Шикая в 1913–1916 годах характеризовался возникновением и развитием китайского милитаризма, сосредоточением гражданской и военной власти в руках генерал-губернаторов провинций, что вело к децентрализации страны³²³. В 1916 году Юань Шикай, желавший стать императором Китая, скоропостижно умер. В сентябре 1917 года в Кантоне во главе с лидером гоминьдана Сунь Ятсеном сформировалось военное правительство защиты конституции.

³²¹ Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Т. 21. М., 1953. С. 216–217.

³²² Там же. С. 217.

³²³ Там же. С. 219–220.

Коммунистическая партия Китая оказала помощь Сунь Ятсену в преобразовании гоминьдана, оформленного решениями первого конгресса гоминьдана, состоявшегося в январе 1924 года. В период 1924–1936 годов Китай пережил две гражданских революционных войны³²⁴. В 1937–1945 годах в Китае шла кровопролитная война против японских интервентов, оккупировавших значительную часть территории страны. В ходе войны быстро росла Коммунистическая партия Китая. Если в начале войны в 1937 году в ней было только 40 тысяч членов, то в 1945 году уже 1 миллион 210 тысяч членов, в 1949 году – более 3 миллионов³²⁵. В 1946–1949 годах в Китае прошла третья гражданская революционная война, закончившаяся победой Коммунистической партии Китая над гоминьданом и образованием Китайской Народной Республики (КНР). Возглавил страну Мао Цзэдун.

Мао Цзэдун полагал, что буржуазная республика, существовавшая в зарубежных странах, не могла быть создана в Китае, ибо Китай являлся страной, угнетаемой империализмом³²⁶. Мао Цзэдун абсолютизировал классовую борьбу и считал главным противоречием в обществе конфликт между пролетариатом и буржуазией. Стремление развернуть борьбу с буржуазией внутри партии и «продолжить революцию в условиях диктатуры пролетариата» обернулось поиском «врагов» среди кадровых работников и интеллигенции³²⁷. Политика Мао, сводившаяся к немедленному введению коммунизма и огосударствлению всей экономики, потерпела очевидный крах, приведя к разрухе. Поэтому при сохранении общей цели было решено действовать по-иному. Тот этап развития, которого Китай достиг к концу 1970-х, новые лидеры страны определили как «начальный этап строительства социализма»,

³²⁴ Там же. С. 222–227.

³²⁵ Там же. С. 238, 243.

³²⁶ *Мао Цзэдун. Избранные произведения*. Т. 4. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1969. С. 505.

³²⁷ *Борох О., Ломанов А. Возвращение Небесного повеления // Pro et Contra*. 2009, № 3–4(46), май-август. С. 68.

предполагавший возможность развития рыночных отношений³²⁸.

Группировка во главе с Дэн Сяопином, пришедшая к власти в Китае вскоре после смерти Мао Цзэдуна, пытаясь разобраться, почему страна находится в таком плачевном положении, провела целый ряд идеологических собраний, дискуссий, научных совещаний, в результате которых возникла теория, идеологически обосновавшая необходимость реформ и их характер. Прежде всего, была сохранена основная цель развития страны, стоявшая перед ней с конца XIX века: превращение Китая в мощное государство³²⁹.

В Китае для продвижения реформ удалось использовать существующий коммунистический аппарат. Дэн Сяопин и его сторонники сумели заинтересовать чиновников, как в центре, так и на местах, в создании рыночных механизмов. И сегодня повышение получают те руководители, которые смогли обеспечить большой рост ВВП и привлечь более значительные иностранные инвестиции в свои регионы³³⁰. Вместе с тем, коммунистическая идеология в Китае остается господствующей. В августе 1980-го Дэн Сяопин в беседе с итальянской журналисткой Орианой Фалаччи сообщил, что Коммунистическая партия Китая готовится дать позитивную оценку деятельности Мао Цзэдуна и признать второстепенный характер допущенных им ошибок. «Поэтому портрет председателя Мао Цзэдуна будет всегда висеть на воротах Тяньаньмэнь как символ нашей страны, к тому же мы должны чтить память его как основателя нашей партии и государства, а также отстаивать идеи Мао Цзэдуна в дальнейшем. Мы не будем относиться к председателю Мао Цзэдуну так, как Хрущев отнесся к Сталину»³³¹. Портрет Мао Цзэдуна на воротах Тяньаньмэнь и мавзоль в центре Пекина, где в хрустальном саркофаге покоится

³²⁸ Лукин А. Указ. соч. С. 88–89.

³²⁹ Там же. С. 88.

³³⁰ Там же. С. 89.

³³¹ Дэн Сяопин. Избранное. Т. II (1975–1982). 2-е изд. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995. С. 432.

бальзамированное тело вождя, остаются на прежнем месте и в наши дни³³².

Китайская история сложилась так, что свобода в этой стране часто приводила к смуте или еще более жесткому деспотизму. В 1912 году Китай стал первой в Азии республикой, однако антимоноархическая революция вызвала распад страны на регионы, контролируемые милитаристскими группировками. Коммунисты, пришедшие к власти в 1949-м под лозунгом «народной демократии», установили жесточайшую диктатуру. Начавшаяся в 1966 году «Великая пролетарская культурная революция», выплеснувшая на улицу «энергию масс», сопровождалась такими зверствами и массовыми беспорядками, что руководству пришлось обуздывать ее энергию с помощью вооруженных сил. Наконец, студенческие демонстрации с требованием установить западную либеральную демократию в 1989-м парализовали на несколько дней жизнь в Пекине и других крупных городах³³³(22).

В настоящее время китайские теоретики все чаще обращаются к предложенному американским ученым Джозефом Наем понятию «мягкой силы», подразумевающему использование «нематериальных властных ресурсов» культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах – в отличие от воздействия с помощью «жесткой силы» оружия или денег. Внутри страны китайские эксперты видят два основных источника «мягкой силы»: богатство национальной культуры и успех китайской модели модернизации. Китайские эксперты нередко вспоминают о том, что еще в глубокой древности их предки размышляли над тем, как использовать инструменты «мягкой силы» для победы в конфликте «жестких сил». В подтверждение они приводят слова основоположника школы военного искусства Сунь-цзы (IV – начало V в. до Р. Х.) о том, что лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь³³⁴.

³³² Борох О., Ломанов А. Указ. соч. С. 67.

³³³ Лукин А. Указ. соч. С. 76.

³³⁴ Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007, № 6 (39), ноябрь-декабрь. С. 45–46.

Политическую трактовку данных понятий предложил влиятельный ученый Янь Сюэтун, возглавляющий Институт международных проблем университета Цинхуа. По его мнению, комплексная сила страны сочетает в себе «жесткую» и «мягкую силу», но это не сумма, а произведение двух компонентов, а потому при утрате «мягкой» или «жесткой силы» совокупная национальная мощь становится равной нулю. Янь Сюэтун приравнивает «мягкую силу» к политической силе страны. По его мнению, она слабее экономической силы Китая, но сильнее военной силы: Китай торгует со всеми континентами, оказывает политическое влияние на сопредельных территориях, а его военное влияние проявляется лишь в пограничных районах. По мнению ученого, слабость культурной силы вовсе не означает слабости «мягкой силы» государства. Так, во время «культурной революции» 1966–1976 годов культурная сила Китая была, по мнению Янь Сюэтун, серьезно ослаблена, однако в 1971-м Китай получил широкую политическую поддержку стран Третьего мира, обрел место в ООН и кресло постоянного члена Совбеза, что повысило международный вес и влияние страны³³⁵.

В начале XXI века китайские пропагандисты сосредоточили усилия на создании привлекательного образа сильного миролюбивого Китая, готового «поделиться» своим процветанием с другими странами, с тем, чтобы они были заинтересованы в его дальнейшем возвышении. Новый имидж Китая опирается на пропаганду успехов в области экономических преобразований и миролюбия национальной политики, а также на повышение глобальной привлекательности китайской культуры³³⁶. В настоящее время в Китае продолжает править авторитарный режим, однако его аппарат смог обеспечить грандиозный экономический рост, может быть, один из самых быстрых в истории. С другой стороны однобокий упор на рост привел ко многим проблемам – серьезным различиям в уровне развития регионов, социальному неравенству, загрязнению окружающей среды, обнищанию крестьян бедных регионов, за

³³⁵ Там же. С. 46–48.

³³⁶ Там же. С. 50.

счет которых в основном и осуществлялся промышленный подъем. Аппарат власти превращается в тормоз реформ. Основной линией политики Ху Цзиньтао было смягчение социальных противоречий и борьба с коррупцией³³⁷.

Если говорить о современных отношениях России и Китая, то можно согласиться с оценкой министра иностранных Дел РФ С.В. Лаврова, данной в феврале 2015 года: российско-китайские отношения переживают период небывалого подъема. По его словам, формат Россия-Индия-Китай сохраняет свою актуальность и имеет сейчас даже большее значение³³⁸.

³³⁷ Лукин А. Указ. соч. С. 90.

³³⁸ РИА Новости <http://ria.ru/east/20150202/1045401056.html#ixzz3aB8K4DXb> (дата обращения 20.03.2015 года).

Заключение

Человек в глобальном мире становится все более одинок. Одиночество это проистекает из антихристианского характера глобальности этого мира, в котором перестает быть святым и ценным то, что свято и ценно для человека, имеющего основу своей жизни в традиционных ценностях. И в силу этого черно-белый глобальный мир — мир, в котором нет места счастью. Пытаясь ниспровергнуть христианские мифы, мыслящий индивид постхристианской культуры на их место придумывает новые, всю зыбкость основательности которых не может не видеть. Говоря о примитивности традиционных религий, известнейшие европейские литераторы порой проговаривались и показывали кроющиеся в наивных детских впечатлениях шаткие основания их неверия. Можно говорить о том, что реализация потенциальных возможностей самоидентификации личности в глобальном мире связана с наличием у нее подлинной, а не выдуманной сформулированной ценностной системы, готовностью, в случае необходимости, «плыть против течения», найдя себя, человек решит и проблему одиночества, связанную, в первую очередь, с непониманием собственного внутреннего мира.

Личность реализует себя через взаимодействие с другими личностями, в том числе и в рамках институтов гражданского общества. Сегодня существуют как минимум два полностью противоположных взгляда на сущность гражданского общества. Проблема его строительства в современной России заключается в том, что разные люди вкладывают в этот термин разную смысловую нагрузку. Некоторые пытаются свести ее лишь к тому смыслу, которые вкладывали в него французские философы, идеи которых стали питательной почвой для кровавой французской буржуазной революции конца 18 века. Красивый лозунг «Свободы, равенства и братства», как показывает история, и во Франции конца 18 века и в России начала 20 века привели

лишь к новым, более изощренным, формам порабощения и неравенства, к братоубийственным гражданским войнам.

Во Франции новыми париями стали «аристократы», в России «буржуи», в реальности же – все, кто не принимал новый режим; в обоих случаях произошло резкое обесценивание человеческой жизни и свободы.

Сегодня многие видят в гражданском обществе лишь инструмент в борьбе отдельного человека против государства, в защите его прав и свобод, при этом важнейшим считается экономическое благополучие. Распространено мнение, что гражданское общество – это совокупность гражданских институтов вне рамок государства, которые создаются для защиты прав граждан от произвола властно-государственных структур. А главным субъектом гражданского общества соответственно является гражданин, который постоянно борется за свои права. В одной статье мне пришлось прочитать, что гражданское общество – это, когда все постоянно борются за свои права и зарплату. На улицы выходят миллионы, жгут машины, бьют витрины, захватывают правительственные здания. А мэры городов надевают на шею бечевую веревку в виде петли и в таком виде устраивают у Дома Правительства митинг. То есть гражданское общество, по этой точке зрения, постоянная борьба с властью. Граждане борются против власти, мелкие чиновники против крупных. Однако, мне представляется, что это правильнее назвать не гражданским обществом, а анархией, путем в гибель как для государства, так и для народа его населяющего; благоприятной почвой для строительства на обломках этой анархической вакханалии жесточайшего тоталитарного режима.

А подлинное гражданское общество – это объединение ответственных людей, которые думают и о своих обязанностях, а не только о правах, и умеют мыслить шире частных меркантильных интересов. Если так будут мыслить все, то само государство будет восприниматься не как про-

тивник гражданского общества, а как один из его институтов.

Человек, мерилom всего для которого становятся деньги, у которого нет ничего, что не имеет денежного эквивалента, теряет человеческий облик, а общество, состоящее из таких людей, гибнет, чему история дает нам множество примеров.

Человек, постоянно борющийся за свои права, превращается в раба своих представлений о том, какое место он должен занимать в мире, и он зачастую глубоко несчастен в силу расхождения желаемого с действительностью. Еще древнегреческий философ Платон писал, что «каждый гражданин должен играть свою роль в обществе согласно своим личным способностям». Познание себя – сложнейшее и важнейшее условие становления человеческой личности, без которого невозможно ее гармоничное сосуществование с самой собой и окружающим миром, невозможен путь к внутренней свободе. «Живет свободно только тот, кто находит радость в исполнении своего долга», – писал Римский консул и философ Цицерон.

Конечно, для подавляющего большинства людей присуще желание иметь как можно больше прав, не ограничивая себя при этом обязанностями. Здесь уместно вспомнить о словах Императора Александра II в его манифесте об отмене крепостного права: «Полагаемся на здравый смысл нашего народа. Когда мысль правительства об упразднении крепостного права распространилась между не подготовленными к ней крестьянами, возникали было частные недоразумения. Некоторые думали о свободе и забывали об обязанностях. Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что и по естественному рассуждению свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей».

Для современной России во многом актуальными являются идеи гражданского общества, существовавшие в Византийской империи и допетровской России. «Чем большей властью облечен человек, тем большей добродетелью он должен отличаться... На должности чиновников следует ставить прежде всего людей нравственно совершенных, а если таких нет, то по крайней мере справедливых», – писал Константинопольский Патриарх Святитель Фотий, переживший в своей жизни гонения от носителей высшей государственной власти. В России существовало осознание каждой из общественных групп своих обязанностей перед страной, начиная от главы государства, воспринимавшего свое положение, как служение народу.

И совсем иным воспринимается опыт западных демократий, который привел в итоге к империализму и разным формам тоталитаризма, о чем уже было сказано.

В 2018 году – сто лет со времени Первой мировой войны, в результате которой монархий не стало не только в России, но и в Австро-Венгрии, и в Германии и в Османской империи. Прежняя Россия была уничтожена в 1917-1920 гг. либерализмом, слабостью власти, отсутствием того, что можно противопоставить империализму. Большевики были наиболее последовательны, кроме того, они то же были империалистами: мечтали о государстве всемирной диктатуры пролетариата. Их победа в гражданской войне была исторически обусловлена четкостью их позиции, жесткостью организации. Их антиценностям не могли ничего противопоставить те, для кого все ценности были пустым звуком. Мир, который ни во что не верит – не имеет стержня, что предопределяет его поражение в столкновении с тем противником, который верит. И это то прошлое, из которого необходимо извлечь уроки.

Библиографический список

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве церковной власти. 1917-1943./ Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
2. Афанасьев В.С. Ультраимпериализма теория dic.academic.ru > [dic.nsf/bse/142776/...](http://dic.nsf/bse/142776/) (дата обращения 15.05.2011 года). Бедарида Ф. Черчилль. М., 2009.
3. Боголюбов Д.И. О так называемых иоаннитах в Русском народе. - СПб., 1909.
4. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Т. 21. М., 1953.
5. Борох О., Ломанов А. Возвращение Небесного повеления // Pro et Contra. 2009, № 3–4(46), май-август.
6. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007, № 6 (39), ноябрь-декабрь.
7. Боффа Д. История Советского Союза. В двух томах. Том 2. М., 1994.
8. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики империализма. М., 1989.
9. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. Вебер М. О России. Избранное. М., 2007.
10. Василевский А.М. Дело всей моей жизни. М., 1978.
11. Вениамин (Федченков), митрополит. Россия между верой и безверием. М., 2003.
12. Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков./ Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993.
13. Вулф В. Миссис Дэллоуэй // В. Вулф. Малое собрание сочинений. Спб., 2014.
14. Гаррисон Д. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски. Б.м., 2009.
15. Гауф В. Молодой англичанин // Романтические фантазии. Том I. М., 1993.
16. Герасименко К. В. Махно // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991.
17. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., 1924.
18. Гвардини Р. Конец Нового времени www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения 03 октября 2013 года)
19. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.

20. Гобсон Д. Империализм. Ленинград, 1927.
21. Гофман Э.Т.А. Крошка Цахес по прозвиению Циннобер // Романтические фантазии. Том I. М., 1993.
22. Грин Г. Сила и слава. / Г. Грин. Брайтонский леденец. Сила и слава. Суть дела. Романы. М., 2009.
23. Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991.
24. Дволайцкий Ш. Накопление капитала и проблема империализма. Б.м., б. г.
25. Дэн Сяопин. Избранное. Т. II (1975–1982). 2-е изд. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995.
26. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 3. М., 1988.
27. История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993.
28. История Русской Православной Церкви. От Восстановления Патриаршества до наших дней. Том 1. 1917-1990. СПб., 1997. История Русской Православной Церкви. Том 1. 1917-1990. -СПб., 1997.
29. История экономических учений, М., 1963 [ekoslovar.ru > istoria019.html](http://ekoslovar.ru/istoria019.html) (дата обращения 16.05.2011 года).
30. Кара-Мурза С.Г. Работа В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»: современное прочтение. Бесплатная электронная библиотека ModernLib.Ru (дата обращения 15.05.2011 года).
31. Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Кн. 1. М.. 2003.
32. Каутский К. Империализм // К. Каутский. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991. Каутский К. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917.
33. Качинс Э. Россия и Китай: двойственный союз // Pro et Contra. 2007, № 6 (39), ноябрь-декабрь.
34. Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979.
35. Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979.
36. Кэрролл Л. Сильвия и Бруно. М., 2011.
37. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 27. М., 1962.
38. Ленин В.И. Империализм и раскол социализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 30. М., 1962.
39. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 28. Тетради по империализму. М., 1962.

40. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 30. М., 1962.
41. Лукин А. Китай: опасный сосед или выгодный партнер? // Pro et Contra. 2007, № 6 (39), ноябрь-декабрь.
42. Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. СПб., 1999.
43. Льюис К. С. Письма к Малькольму // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. СПб., 2000. С. 391.
44. Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004.
45. Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 315.
46. Льюис К.С. Серебряное кресло / Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., 2000.
47. Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000.
48. Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934.
49. Майский И.М. Кто помогал Гитлеру (из воспоминаний советского посла). М., 1962.
50. Мандель Э. Марксистская теория империализма и ее критики http://marx.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=539 (дата обращения 15.01.2011 года).
51. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 4. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1969.
52. Михаил (Чепель), иеромонах. С точностью наоборот. Записки на полях. М., 2015.
53. Моэм У.С. Острие бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985.
54. Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984.
55. Мюллер В. Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала. М., 1974.
56. Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978.
57. Недошивин В. Оруэлл 2013. <http://www.rg.ru/2013/06/25/oruell.html> (дата обращения 25.06.2016 года).
58. Олейник Б.И. Михаил Горбачев перед судом истории // Иуда. Анатомия предательства Горбачева. М., 2010.
59. Оруэлл Д. 1984 // Д. Оруэлл. 1984. Скотный двор. М., 2011. С. 15.
60. Оруэлл Д. Скотный двор // Д. Оруэлл. 1984. Скотный двор. М., 2011.
61. Паренти М. Власть над миром. М., 2006.
62. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 2011.

63. РИА Новости http://ria.ru/east/20150202/1045401056.html#ixzz3aV8K4DXb_ (дата обращения 20.03.2015 года).
64. Российская Церковь в годы революции (1917-1918): Сборник. М., 1995.
65. Рыжков Н.И. Кто стоял за спиной Горбачева // Иуда. Анатомия предательства Горбачева. М., 2010.
66. Свифт Д. Путешествия Гулливера. Москва-Ленинград, 1932. Сталин И. В. Гений революции // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 6. М., 1947.
67. Сталин И. В. Логика вещей // И. В. Сталин. Сочинения. Том 4. М., 1947.
68. Сталин И. В. Октябрьский переворот // И. В. Сталин. Сочинения. Том 4. М., 1947.
69. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда. // Повести. М., 2010.
70. Тойнби Дж. А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. <http://romanbook.ru/book/txt/9360095/?key=f5c448uct69fua73usjtav8873> (дата обращения 03.01.2015 года).
71. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004.
72. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 2. Две твердыни. М., 2004.
73. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004.
74. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Изд-во «Наука», 1990.
75. Уайльд О. Мальчик-звезда // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
76. Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
77. Урланис Б. Народонаселение. Исследования, публицистика. М., 1976.
78. Уткин А.И. СССР в осаде. М., 2009.
79. Уэллс Г. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964. Уэллс Г. Игрок в крокет // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 12. М., 1964
80. Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964.
81. Уэллс Г. Россия во мгле // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15. М., 1964.
82. Федотов А.А. Империализм начала XX века в формировании геополитики начала XXI века // Философия хозяйства. 2013. № 6(90).

83. Федотов А.А. Проблемы империализма в книге Розы Люксембург «Накопление капитала» // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2012. № 1-2(5-6).
84. Федотов А.А. Учение об империализме в работах В.И. Ленина // Актуальные вопросы образования и науки. Научный журнал. Москва - Архангельск. 2010. № 5-6.
85. Федотов А.А. Учение об империализме в одноименной книге Д. А. Гобсона // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2011. № 1-2.
86. Федотов А.А. Февральская буржуазная революция 1917 года в контексте формирования новой государственности в мире // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 1-2(9-10).
87. Федотов А.А. Формирование учения об империализме в начале XX века. Иваново, 2011.
88. Фостер Д.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека». М., 2007.
89. Хаксли О. О дивный новый мир. М., 2011.
90. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
91. Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997.
92. Чак Ч. Новые очки <http://www.google.ru/url?d.Yms&cad=rjt> (дата обращения 5.09.2013)
93. Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011.
94. Чеснокова Г.Г., Прибытков А.А. Макс Вебер о политическом процессе в России в начале XX века // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы X международной научной конференции. Часть 1. Иваново, 2011.
95. Честертон Г.К. Бог с золотым ключом (из «Автобиография») // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.
96. Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.
97. Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.
98. Честертон Г.К. Перелетный кабак // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991.
99. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
100. Шпенглер О. Закат Западного мира. М., 2010.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Возникновение империализма нового типа на рубеже XIX–XX вв.	11
Глава II. Духовные поиски английских писателей конца XIX – XX в.	66
Глава III. Россия в глобальном мире XX века	97
Глава IV. Взгляд на Восток	146
Заключение	154
Библиографический список	158

Научное издание

ФЕДОТОВ Алексей Александрович

**ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ
РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ИМПЕРИАЛИЗМА:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ
КОНЦА XIX – XX в.**

Монография

Подписано в печать 13.06.2018 г. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 7,72. Тираж 100 экз. Заказ 92.

Полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.